

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО
МОТИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА**

**Калининград
2000**

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО
МОТИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА

Межвузовский сборник научных трудов

Калининград
2000

УДК 331.522.4
ББК 65.012.12
Ф 37.032

Редакционная коллегия

В.С. Бильчак, д-р экон. наук, профессор (Калининградский госуниверситет),
ответственный редактор; *В.Т. Пуляев*, д-р экон. наук, профессор
(Санкт-Петербургский университет); *И.Д. Афанасенко*, д-р экон. наук,
профессор (Санкт-Петербургский университет экономики и финансов);
В.Ф. Овчинников, д-р филос. наук, профессор (Калининградский госуниверситет),
А.П. Клемешев, канд. ист. наук, доцент (Калининградский госуниверситет),
А.П. Лысков, канд. филос. наук, профессор (Калининградский госуниверситет).

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Калининградского государственного университета.

Ф 37.032 Формирование нового мотивационного механизма экономической активности человека: Межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 2000. – 98 с.
ISBN 5-88874-210-4.

Представлены работы ученых по проблемам формирования рыночных мотивационных механизмов в условиях дальнейшего реформирования экономики. Отдельные статьи посвящены институциональным изменениям в экономике, проблемам реструктуризации хозяйственных комплексов, активизации предпринимательской деятельности и экономической активности, а также экономической безопасности эксклавного региона.

Предназначен для экономистов, философов, социологов, политологов, а также для всех, кто интересуется проблемами региональной экономики и социально-трудовой активности.

УДК 331.522.4
ББК 65.012.12

ISBN 5-88874-210-4

© Калининградский государственный университет, 2000

В.С. Бильчак, Л.В. Пурьжова
(Калининградский государственный университет)

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

До недавнего времени мотивы деятельности, в том числе и предпринимательской, не были объектом системного экономического исследования. Формулируя проблему роли и изменения предпринимательской активности в процессе экономических реформ, необходимо остановиться на факторах, определяющих актуальность ее постановки. Прежде всего, следует заметить, что при обращении к этой проблеме речь идет о том, в каком качестве вовлекаются в реформы предприниматели: или как объекты внешнего воздействия, или в качестве субъектов изменений.

Анализ зарубежных исследований, касающихся изучения близких данной концепции экономической активности теоретических конструкторов (например, «мотива достижения» Мак-Клелланда или «мотивационно-гигиенической» теории Херцберга, «теории человеческой мотивации А. Маслоу», специфической мотивационной тенденции человека В. Франкла, концепции стратегий личности Дж. Роттера) показывает, что наряду с системами внешнего стимулирования (зарботок, прибыль, награда) внутренняя мотивация, выражающаяся в данном случае в виде экономической активности, выступает в качестве важного фактора трудового поведения предпринимателя, влияющего на его отношение к осуществляемым экономическим реформам.

Наши исследования исходят из того, что в отечественной науке сформировался подход, согласно которому экономическая активность как важнейшее свойство характера социализированного индивида, как обобщенная мотивационная диспозиция личности является формой выражения потребности человека в деятельностной самореализации, предметом которой выступают те или иные стороны различных видов трудовой деятельности.

Формирование экономической активности предпринимателей, выступающей в качестве одного из важнейших их социальных свойств, определяется господствующей в данном обществе ценностно-нормативной системой и соответствующим набором институализированных видов предпринимательской деятельности.

Реализация любых вариантов радикальных экономических реформ предполагает ликвидацию прежней ценностно-нормативной системы и утверждение новой, институализацию соответствующего набора видов предпринимательской деятельности, а также видов трудовой деятельности, которые должны стать основой развития общества. При этом авторы всех вариантов радикальных реформ признают, что кроме предметно-преобразующих видов трудовой деятельности такой набор должен включать легитимизированные виды предпринимательской деятельности нового рыночного типа. Очевидно, что это предполагает и развитие новых форм экономической активности, формирующихся в ходе трансформации государственной собственности и дальнейшего реформирования эконо-

мики. При этом надо учитывать, что сами источники социальной и экономической активности, волнообразный и иногда взрывной характер ее проявления экономической наукой изучены далеко не достаточно, в них переплелись сложные проблемы взаимодействия человека и окружающей экономической и природной среды, чередование фаз развития и угасания того или иного социума.

Нынешние реформы являются деструктивным фактором в отношении любых созидательных форм трудовой активности. Эти реформы разрушают не только прежнюю мотивационную систему трудовой деятельности, но и все мотивации к производительному труду, в том числе и к подлинно предпринимательской активности. Такой результат заложен в самой методологии современных реформаторов, в продолжающем господствовать технократическом стиле управленческого мышления, в соответствии с которым люди рассматриваются не в качестве субъектов деятельности, а как ее агенты, как объекты манипулирования. Сами же реформы сводятся при этом к механической замене одной модели системы общественных отношений на другую. Отсюда и абсолютизация достижения макроэкономической стабилизации, игнорирование социальной, региональной и микроэкономической проблематики, бездумное заимствование монетаристских рецептов.

Осуществляемые реформы являются псевдорыночными. Они привели к созданию условий для развития не столько рыночных, сколько различных, отклоняющихся форм активности в экономике. Создание благоприятных условий для деструктивных форм непроизводительной активности в сфере распределения, приносящих несоизмеримо более высокие доходы, чем производственная деятельность, не только отвлекает потенциально активную часть населения от непосредственного производства, но и ведет к его люмпенизации, к разрушению любой культуры труда.

В основе альтернативного варианта реформ должен лежать иной методологический подход. Необходимо исходить из того, что успех рыночных реформ в стране может быть обеспечен только при вовлечении в эти реформы и посильном в них участии основной массы населения, при создании условий для развития прежде всего производительных форм активности. При этом важно, с одной стороны, обеспечить приоритет развития перспективных форм рыночной активности, а с другой – учесть социально-демографические и этнокультурные особенности различных групп населения, создать достаточно разнообразные условия для реализации их трудового потенциала. Следует создавать условия не для максимизации псевдорыночной активности небольшой группы людей, а для оптимизации различных форм созидательной активности большинства населения страны. Если основными шагами в этом направлении должны стать структурная перестройка экономики, подлинно демократическая приватизация, демонополизация и создание конкурентной среды, становление рыночной инфраструктуры и системы социальной защиты, то важнейшим инструментом – государством и его институты.

Следует отметить, что современный этап российских реформ характеризуется их регионализацией, переводом на мезо- и микроуровень. В этих условиях Калининградская область становится, в силу своего геополитического и эконо-

мического положения, исключительно благоприятным местом для выработки оптимального механизма взаимоотношений федерального Центра с краями и областями как субъектами Федерации. Представляя собой, с одной стороны, специфический, с другой – типичный российский регион в исключительно удобном для исследования виде. Как показывает опыт России и зарубежных стран, важнейшим условием преодоления кризисных явлений в экономике, особенно в трудовых отношениях, является поддержка и развитие хозяйствующих субъектов, в том числе и в сфере малого предпринимательства.

Особенно важна роль малого предпринимательства в преодолении кризиса труда. Исследования в этой области определяли низкий ранг ценностей достижения. Основной причиной такой ситуации можно считать, в соответствии с теорией мотивации А. Маслоу, ненасыщенность базовых потребностей личности, которая мешала активизации потребностей в самореализации. Существенные изменения в мотивации людей произошли с началом социально-экономической трансформации. Малый бизнес является необходимым звеном в создании рыночной экономики, эффективным условием функционирования товарных рынков. Именно за счет всесторонней активности субъектов малого предпринимательства в последние годы идет активный процесс формирования бюджетов различного уровня.

Развитие сектора малого бизнеса может одновременно поднять уровень экономической активности и облегчить диверсификацию экономики региона. В периоды структурных изменений и общего экономического спада это приобретает важное значение по мере того, как ресурсы переключаются с убыточных, неэкономичных секторов на те, которые отвечают реальным потребностям и имеют долгосрочные экономические перспективы.

В Калининградском государственном университете существует научное направление «Формирование нового мотивационного механизма экономической активности предпринимателей», в рамках которого учеными НИИКИР и кафедры управления хозяйством разработаны меры (предложения) по активизации экономической активности предпринимателей.

Среди возможных направлений организации и предполагаемых результатов совместных исследований можно выделить ряд актуальных тем, которые сегодня имеют огромное значение для развития экономики и выходу ее из кризиса.

В рамках темы «Становление структур рынка и новые типы экономической активности: формы проявления, критерии оценки, механизмы управления» можно с другими кафедрами вузов осуществить совместную разработку двух научных программ исследований:

1. «Развитие предпринимательской активности при переходе к рынку: субъекты, виды, условия и критерии эффективности». В этой научной программе основное внимание может быть уделено разработке типологии субъектов и видов предпринимательской активности, методики определения эффективности предпринимательской активности для региона.

2. «Отклоняющиеся формы экономической активности в условиях перехода к рынку: фиксация и механизмы коррекции». Здесь акцент можно сделать на классификации отклоняющихся форм экономической активности, на выделении

системы показателей, позволяющих судить об их наличии и распространении, на разработке системы стимулов, дающих возможность снизить уровень деструктивной активности, создать условия, предотвращающие появление рыночных структур преступного характера.

По теме «Трансформация государственной собственности и формирование новых мотивационных механизмов» предлагается приступить к разработке научной программы «Приватизация как условие развития рыночных видов активности и формирования новой социальной структуры». В рамках данной научной программы будет разрабатываться прогностическая модель процесса становления социальной структуры и развития активности в экономической сфере при различных вариантах хода приватизации, а также будут определяться поддающиеся эмпирической фиксации и измерению показатели трудового поведения и социальной дифференциации.

По теме «Механизмы функционирования социальной сферы в условиях перехода к рынку и экономическая активность человека» возможна разработка научной программы исследований «Система социальной защиты как условие оптимизации экономической активности». В этой научной программе предполагается разработка вопросов оптимизации уровней (федеративного, регионального, местного, предприятий и общественных организаций, отдельных граждан) механизма социальной защиты и конкретизация их функций в создании условий для обеспечения социально оправданного уровня жизни для различных категорий населения. Акцент может быть сделан на возможностях регионального уровня управления в решении социальных проблем.

В рамках темы «Национально-культурные аспекты развития экономической активности в условиях рыночной экономики» целесообразно разработать научную программу «Этнокультурные особенности развития рыночных форм активности». Основное внимание в данной научной программе должно уделяться определению тех этнокультурных особенностей, которые являются существенными для развития новых форм активности в экономической сфере, выявлению направленности, характера и тесноты связи между этнокультурными особенностями и различными видами трудового поведения, изучению этносоциальной структуры как фактора развития экономической активности в регионе. Возможными результатами реализации данной научной программы могут быть концепция этнокультурных особенностей как фактора развития новых форм экономической активности, а также модели стабилизации межнациональных отношений в процессе перехода к рынку.

По теме «Влияние политических институтов на экономическую активность в условиях перехода к рынку» можно разработать две научные программы:

1. «Перераспределение полномочий и ответственности между федеральным Центром и субъектами Федерации как условие оптимизации экономической активности на региональном уровне».

В этой научной программе предполагается определить границы самостоятельности субъектов Российской Федерации, за которыми процессы децентрализации приобретают разрушительный характер, а активность регионов принимает паразитический характер. Рекомендации по рационализации степени политиче-

ской самостоятельности субъектов Федерации могут быть представлены в форме проектов уставов краев и областей РФ, конституций республик в составе России.

2. Нормотворческая деятельность региональных органов власти как фактор регулирования предпринимательской активности.

Цель данной научной программы – анализ положительных и отрицательных сторон использования регионами своих прав в нормотворчестве в целях активизации предпринимательской активности, защиты интересов потребителей и реализации принципов антимонопольного законодательства. Совместная разработка и реализация предложенных научных программ может стать важнейшей формой объединения усилий по разработке научного направления «Становление рыночных структур и формирование новых условий экономической активности человека». При этом особое внимание должно быть уделено не только определению общих теоретико-методологических основ, но и использованию общих методик, систем показателей и средств их фиксации, позволяющих получать репрезентативную и сравнимую информацию. Формами координации процесса разработки и реализации совместных научных программ исследований могут быть согласованные планы-графики заседаний рабочих групп, проведения проблемных семинаров, осуществление эмпирических исследований, предоставление их результатов, подготовка публикаций и практических рекомендаций.

Мы полагаем, что научные исследования по предложенным темам и программам следует проводить на межкафедральном университетском уровне, привлекая к ним ведущих специалистов в области социально-трудовой и экономической активности человека.

Кроме того, рассчитываем, что указанные темы станут предметом для исследований аспирантов экономического факультета и в конечном итоге будут представлены к защите на диссертационном совете К.064.34.03. при Калининградском государственном университете.

Г.М. Федоров, А.П. Хлопецкий
(Калининградский государственный университет)

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ «РЕГИОНА СОТРУДНИЧЕСТВА» (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

Российская Федерация заинтересована в решении политических, экономических и социальных проблем развития Калининградской области, оказавшейся после распада СССР эксклавом в окружении зарубежных государств, пространственно оторванным от основной территории страны. В таких условиях регион испытывает большие трудности в хозяйственной деятельности. Количественные показатели динамики экономического развития Калининградской области уступают среднероссийским.

В 1999 году промышленное производство составило в области только 30% от уровня 1990 года (в РФ 50%), сельскохозяйственное – 45% (в РФ – 57%), розничный товароборот – 40%. Наибольший спад произошел в капитальном строительстве, объемы которого сократились в 6 раз.

Наметившееся в 1999 году в российской экономике оживление заметно и в Калининградской области, но в меньшей мере и не во всех отраслях. Прирост промышленного производства составил в РФ 8,1%, в Калининградской области – 4,8%. Производство продукции сельского хозяйства в РФ возросло на 2,4%, в Калининградской области – сократилось. Грузооборот предприятий транспорта в РФ увеличился на 5,2%, в Калининградской области – только на 1,1%. Инвестиции в основной капитал возросли соответственно на 1 и 0,7%.

Ситуация в первом полугодии 2000 г. в экономике неустойчива. Согласно ежеквартально публикуемым областным комитетом госстатистики сборникам «Социально-экономическое положение Калининградской области», положение скорее ухудшается, чем улучшается.

Неясно, продолжится ли в промышленности рост производства, наметившийся во второй половине 1999 года. Промышленное производство в первом полугодии 2000 г. составило 7290 млн. руб., или 139,7% по сравнению с первым полугодием 1999 г. Но в первом квартале производство составляло 3825 млн. руб. Следовательно, во втором квартале произведено продукции на 3465 млн. руб., и наблюдается *снижение* производства на 10%.

В большинстве других отраслей экономики положение неудовлетворительно. Уменьшился объем подрядных работ. На 3% снизились объемы перевозки грузов транспортом. Хотя по сравнению с первым полугодием розничный товарооборот возрос на 8,6%, но месячный товарооборот розничной торговли ниже, чем в конце 1999 г. Снизился на 7% объем платных услуг населению.

Продолжает ухудшаться положение в сельском хозяйстве. В первом полугодии 2000 г. производство мяса снизилось на 26%, молока на 3%, яиц на 14%. Упали среднесуточные привесы скота. Уменьшилось поступление приплода скота, возрос его падеж. На начало июля 2000 г. по сравнению с 1 июля 1999 г. поголовье крупного рогатого скота составило 93%, в том числе коров 96%; свиней 84%, птицы 56%.

Калининградская область, которая прежде специализировалась на производстве молочно-мясной продукции и вывозила значительную ее часть в другие регионы страны, сейчас не только не удовлетворяет своих собственных потребностей, но и производит продукции в расчете на душу населения меньше, чем ее производится в среднем по России. В первом полугодии 2000 г. на 1 жителя произведено 13,9 кг мяса (в РФ – 19 кг), яиц – 99 штук (в РФ – 116). Только по производству молока пока удерживается небольшой перевес: 118 кг против 103 кг в РФ.

Инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения в первом квартале 2000 г. составили 636 руб. против 1120 руб. в среднем по РФ (в области вдвое меньше среднего по стране), а иностранные инвестиции – 3,6 доллара против 17 долларов по РФ (почти в пять раз меньше). По данным «Российской газеты» (1 августа 2000 г.), их общий объем составил всего 3,4 млн. долларов.

Единственный показатель, который, как будто, можно считать достижением – рост объемов вводимого жилья на 54% по сравнению с прошлым полугодием. Однако в расчете на 1000 жителей – 68 м² – это ровно столько же, сколько в среднем по Российской Федерации, и в два раза меньше по сравнению с 1990 годом.

Даже в экспортно-импортных операциях за последнее время наблюдается явный регресс. В 1992-1999 гг. и их объем, и доля области во внешних связях РФ увеличивалась. К 1998 г. доля области во внешней торговле страны достигла 1,2%. Но в 1999 г. сократилась до 0,9%. В первом квартале 2000 г. она снизилась до 0,76%.

Уровень доходов населения в реальном секторе экономики продолжает оставаться крайне низким. Среднемесячная начисленная заработная плата составила в 1 полугодии 2000 г. 1912 руб. против 2459 руб. по Северо-Западному федеральному округу и 2101 в среднем по РФ. В то же время стоимость минимального набора продуктов питания, которая долгое время была одной из самых низких в стране, в июне 2000 г. достигла 792 руб. против 765 руб. по Северо-Западному округу и 725 руб. по РФ в целом.

Продолжалось ухудшение демографической ситуации. Начавшееся в 1999 г. сокращение численности населения еще более усилилось. Если за весь 1999 г. население области сократилось на три тысячи человек, то только за пять первых месяцев 2000 г. – еще на две тысячи. Увеличились смертность и естественная убыль населения. Более чем в полтора раза уменьшился миграционный прирост. Впервые за историю области миграционный отток в другие российские регионы стал больше, чем приток. И только за счет стран ближнего зарубежья, особенно Казахстана, сохранилось небольшое положительное сальдо миграции.

Подводя итог краткому анализу текущей ситуации, следует выразить глубокую озабоченность состоянием и перспективами калининградской экономики. Требуется кардинальные меры по решению проблем регионального развития. Иначе вместо выхода из экономического и социального кризиса регион ожидает его углубление.

Современный хозяйственный механизм региона, сложившийся под определяющим воздействием сначала Положения о свободной экономической зоне «Янтарь» (с 1991 г.), а затем – закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» (1996), устарел и не отвечает ни потребностям регионального развития, ни интересам Российской Федерации. Прежняя структура экономики разрушена в большей степени, чем в среднем по стране, а новая – не создана, более значителен спад производства, сильнее распространена теневая экономика. Требуется кардинальные меры по внедрению нового механизма хозяйствования, совершенствованию управления региональным развитием, реструктуризации экономики с учетом геополитического положения региона.

В 1998-2000 гг. вновь изменяются внешние условия развития области. На первый план выдвинулся вопрос расширения ЕС. Как известно, 31 марта 1998 г. начались официальные переговоры о вступлении в ЕС соседней Польши, а в декабре 1999 г. на саммите ЕС в Хельсинки было решено начать аналогичные переговоры с Литвой. Таким образом, в обозримом будущем Калининградская область станет своеобразным «российским островом» внутри расширившегося ЕС. И если Россия и ЕС не предпримут скоординированные шаги для обеспечения нормальной жизни российского эксклава в новых условиях, то Калининградская область столкнется с серьезными проблемами усложнения коммуникаций с основной территорией России и одновременно с необходимостью строить новые

отношения с соседними странами как членами ЕС. В то же время соседство с динамичным экономическим и торговым блоком окажет положительное воздействие на область. В зависимости от того, какие аспекты изменений геополитического положения области – негативные или позитивные – будут преобладать, социально-экономическая ситуация в регионе может или еще более усложниться, или получит дополнительный стимул к развитию.

Расширение Европейского Союза на восток и проблемы развития региона

Каковы основные проблемы, которые необходимо решить для того, чтобы Калининградская область России могла бы нормально существовать и развиваться в новом европейском окружении?

Во-первых, *транспортная проблема.*

Калининградская область нуждается как минимум в беспрепятственном транзите грузов на общих основаниях, без каких-либо дискриминационных мер. Оптимальным же вариантом решения этого ключевого для нормального существования региона вопроса было бы соглашение о льготном тарифе на транзит калининградских грузов. Без международных гарантий устойчивого транспортного транзита транспортные потоки пойдут мимо области из-за таможенно-пограничных проблем. А ведь транспортный комплекс – один из приоритетов регионального развития, да и льготы ОЭЗ прежде всего связаны с ввозом и вывозом.

Во-вторых, *визовая проблема.*

Амстердамский договор 1997 г., вступивший в силу в 1999 г., предполагает, что страны-кандидаты на вступление в ЕС примут правила и процедуры Шенгенского соглашения и перейдут в конечном счете к единой шенгенской визе. После вступления в ЕС Польши и Литвы калининградцам потребуется получать визу даже для поездки в «большую» Россию.

Уже сейчас ухудшились условия для поездок калининградцев в соседнюю Польшу, где явно под давлением ЕС были усложнены пограничные правила и процедуры, в том числе и для жителей Калининградской области. Вступление в ЕС Литвы скорее всего приведет к прекращению действия соглашения 1995 г. о безвизовых поездках жителей Калининградской области в Литовскую республику. В настоящее время калининградцы (но не жители других областей России) могут находиться в Литве без визы и даже без заграничного паспорта до 30 дней.

Итак, пока ЕС для калининградцев – это организация, которая намерена сделать их доступ в соседние страны (и даже в другие регионы России) более сложным и дорогим. Для решения этой проблемы Россия в свое время предложила ввести так называемый «Балтийский Шенген» – безвизовый режим поездок для калининградцев во всем Балтийском регионе. Но в ЕС имеются решительные противники этого предложения. Они видят в Калининграде ворота, «через которые начнут проникать всякие неприятности» (прежде всего нелегальные иммигранты). Так, например, руководитель отдела по связям с РФ МИДа Финляндии Рене Ниберг в феврале 2000 г. на международной конференции в Калининграде

заявил, что для Калининградской области не может быть сделано никаких исключений в визовом режиме. Российская сторона, однако, считает, что возможно заключение особого соглашения с ЕС, которое позволит сохранить особый режим поездок в Литву для жителей Калининградской области.

Мэрия Калининграда предлагает рассмотреть возможность предоставлять на достаточно длительный срок (до 3 лет) шенгенские визы жителям Калининградской области, постоянно проживающим на ее территории более 5 лет, со строго определенным сроком пребывания в странах-членах ЕС.

Определенные подвижки здесь наблюдаются и с западной стороны. Так, немецкий представитель в Европарламенте Р. Галер на заседании «круглого стола» по проблемам развития Калининградской области 2-3 июня 2000 г. в Паланге заявил о принципиальной возможности оформления виз калининградцам на границе Польши и Литвы с использованием «шенгенского компьютера», содержащего сведения о нежелательных лицах для посещения стран ЕС.

В-третьих, энергетическая проблема.

В настоящее время Калининградская область получает почти 90% потребляемой электроэнергии из РАО ЕЭС транзитом через Литву. Однако в будущем Литва намерена отключиться от энергетической системы бывшего СССР. За короткие сроки область не в состоянии создать собственную энергетическую базу, прежде всего из-за отсутствия необходимых финансовых ресурсов. Решением проблемы может стать вхождение России в проект Балтийского энергетического кольца, который предполагает объединить энергосистемы всех стран региона Балтийского моря.

В-четвертых, определение приоритетов экономического развития Калининградской области в новых условиях.

По мнению первого заместителя министра иностранных дел РФ И.Д. Иванова, посетившего Калининградскую область в феврале 2000 г., «мы должны четко представлять, какую позицию нам занять в отношении специализации Калининградской области. Будет ли это транспортный узел или место сборки».

Для решения многочисленных и усложняющихся проблем регионального развития необходимы радикальные и нетривиальные меры, которые, однако, в полной мере отражали бы интересы Российской Федерации. Такой мерой является развитие области как региона сотрудничества РФ и ЕС при одновременном упрочении внутренней базы регионального развития и повышении роли области в экономике страны, особенно – в обслуживании ее внешнеэкономических связей.

В октябре 1999 г. на встрече с руководством ЕС в Хельсинки премьер-министр РФ В. Путин передал документ «Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом». В отношении Калининградской области в нем говорится: «Учитывая особое географическое и хозяйственное положение Калининградской области, обеспечить необходимые внешние условия ее жизнедеятельности и развития ее как неотъемлемой части Российской Федерации и активного участника трансграничного и регионального сотрудничества. Определить на перспективу оптимальную экономическую, энергетическую и транспортную специализацию области, позволяющую эффективно функциони-

ровать в новых условиях. Надежно обустроить ее транспортные связи с материком России. Вести дело к заключению при необходимости с Европейским Союзом специального соглашения, обеспечивающего защиту интересов Калининградской области как субъекта Российской Федерации в процессе расширения Европейского Союза, а также по возможности превращения ее в «пилотный регион» в сотрудничестве России и Европейского Союза в XXI веке».

В последующий период в Москве, Калининграде, а также в ряде зарубежных стран прошли международные конференции, посвященные проблемам интеграции РФ и ЕС, а также вопросам, касающимся роли Калининградской области в данном процессе. Обсуждались многие конкретные вопросы сотрудничества, включая проблему развития Калининградской области как «пилотного региона». Назрела необходимость разработать *стратегию развития Калининградской области как региона сотрудничества России и ЕС*, подготовить проекты конкретных документов международного, федерального и регионального уровней, необходимых для реализации такой стратегии.

В октябре 2000 г. состоялся очередной саммит на высшем уровне Россия – ЕС. В совместном заявлении Президента Российской Федерации В.В. Путина, Председателя Европейского Совета Ж. Ширака, при содействии Генерального секретаря Совета ЕС Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Х. Соланы и Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди, в частности, говорится:

«Наша общая цель состоит в том, чтобы использовать потенциал, предоставляемый расширением Европейского Союза, для развития обменов между Россией и расширившимся Европейским Союзом, а также между Россией и странами-кандидатами. Уже начатый по этому вопросу диалог с Россией будет продолжен в рамках соответствующих структур СПС. Особое внимание при этом будет уделяться Калининграду».

Стратегия «региона сотрудничества» России и ЕС должна стать кардинальной мерой решения проблем развития области. Эта стратегия не является путем «вестернизации» Калининградской области, ее отрыва от Российской Федерации. Она призвана активизировать внимание к области всей России. Должен усилиться приток сюда отечественного капитала. Здесь обязаны действовать крупные российские корпорации, прочные банки, развиваться малый и средний бизнес. Благодаря формированию технополисов и технопарков нужно внедрять инновации крупнейших исследовательских центров страны, в область должны поступать федеральные инвестиции.

Взаимодействуя на территории области с западными партнерами, российский капитал все больше будет приобретать международное значение. Роль области для страны станет повышаться. Благосостояние населения – расти. И ни о каком сепаратизме тогда не будет и речи.

Стратегия «региона сотрудничества» не ограничивается только созданием благоприятных условий для функционирования хозяйственного комплекса и для нормальной социальной обстановки в одном из российских регионов (хотя и это само по себе уже немало). Россия нацелена на налаживание стратегического партнерства с ЕС. И хотя, будучи мировой державой и имея собственные геополитические интересы, Россия не должна забывать о своих обязательствах перед своим народом.

литические и геоэкономические интересы, наша страна не ставит перед собой задачу «ассоциации» с ЕС или присоединения к нему, речь идет об интенсификации сотрудничества по многим направлениям, подключении России как части Европы к общеевропейской хозяйственной и правовой инфраструктуре. Понятно, что отрабатывать новые механизмы и стандарты взаимодействия проще, если это делается на ограниченном участке российской территории, которая к тому же в силу своего географического положения является форпостом России и в Европе.

Суть концепции регионального развития состоит в том, что, оставаясь неотъемлемой частью Российской Федерации, Калининградская область могла бы стать своеобразным «полем интенсивного взаимодействия» России и ЕС, местом, где апробировались бы новые схемы сотрудничества, и откуда положительный опыт постепенно распространялся бы и в другие регионы России. В то же время «европеизация» России объективно и в интересах Евросоюза, так как она усиливает конкурентные позиции этого крупнейшего в мире интеграционного объединения в борьбе с другими «центрами силы» мирового хозяйства.

Таким образом, стратегия «региона сотрудничества» – это не областная, а *федеральная стратегия*. Особая экономическая зона – не источник пополнения бюджета (как сейчас), а в потенциале – способ интеграции России и Европейского Союза сначала на территории Калининградской области. Это не способ присоединения к Балтийскому региону Калининграда, а путь России в Европу, так же, как Европы в Россию.

Три главных элемента региональной стратегии

Расчет на то, что внешние факторы сами по себе могут обеспечить динамичное развитие региона, конечно, несостоятелен. Подобные попытки в 1990-е годы не смогли обеспечить процветание области. Ни свободная экономическая зона, которая должна была привлечь иностранных инвесторов, ни Федеральная программа развития Особой экономической зоны с расчетом на поддержку федерального Центра не смогли дать необходимый импульс и тем более поддержать динамичное развитие Калининградской области. Необходимы качественные изменения в самом регионе, в той экономической среде, которая и должна стать необходимым условием роста народного хозяйства.

В то же время и попытки «опоры на собственные силы», предпринимавшиеся администрацией области во второй половине 1990-х годов без учета внешних факторов и не обеспечившие позитивных результатов, также бесперспективны. Ведь для небольшой по размерам и экономическому потенциалу области все основные стимулы к развитию заключены вовне, в российском и международном рынке. Стремление к автаркии для области не может принести и не приносит ничего, кроме вреда.

Итак, стратегия регионального развития должна включать три неперенных компонента: региональный, федеральный и международный.

Региональный компонент заключается в создании в области рыночной среды. С учетом географического соседства стран ЕС с развитой рыночной эконо-

микой, этот процесс может протекать в области быстрее по сравнению с другими российскими регионами. Эксклавное положение области способствует отработке здесь необходимых новых элементов рыночной среды с использованием их затем в интересах всей Российской Федерации.

Федеральный компонент означает, что Калининградская область развивается в интересах Российской Федерации, и ее значение для РФ в развитии внешних связей исключительно велико. Это, а также эксеклавное положение области требует особого внимания к региону со стороны Центра, включая возможное прямое управление ключевыми элементами региональной экономики.

Международный аспект региональной стратегии состоит в признании обеими сторонами – российской и западной – особой роли Калининградской области во взаимном сотрудничестве, в усилении этого сотрудничества в интересах обеих сторон.

Региональный компонент стратегии

Для активизации формирования рыночной среды предлагается создать Инвестиционно-финансовую корпорацию (ИФК) и ряд связанных с ней элементов инфраструктуры рынка – Гарантийный фонд, Информационно-консалтинговый центр и др. Необходимые для создания ИФК документы подготовлены доцентом О.Н. Лытневым, а предложения по Гарантийному фонду и Информационно-консалтинговому центру – доцентом А.М. Чуйкиным.

Целью создания ИФК является обеспечение условий, необходимых для нормального функционирования в Калининградской области финансового рынка, прежде всего – рынка долгосрочного капитала. Отсутствие такого рынка объясняется тремя основными причинами:

- 1) недостаточностью информации об инвестиционном потенциале области, то есть о наличии высокодоходных инвестиционных проектов;
- 2) высоким уровнем риска инвестиций в экономику региона;
- 3) неразвитостью инфраструктуры финансового рынка.

Деятельность ИФК позволит, во-первых, оперативно выявлять проекты, заслуживающие внимания инвесторов; во-вторых, снижать уровень риска этих проектов путем тщательной их экспертизы, повышения уровня финансовой открытости предприятий, реализующих проекты, и жесткого контроля за ходом инвестиционного процесса; в-третьих, ИФК станет основой дальнейшего развития финансовой инфраструктуры: создания мощных инвестиционных компаний, средств информационного обеспечения рынка (телекоммуникации, печатный орган, рейтинговые агентства, надежные каналы возврата доходов инвесторам и т.п.).

Задачи ИФК – выявление привлекательных инвестиционных возможностей, содействие предприятиям в разработке бизнес-планов инвестиционных проектов и снижение сопряженных с ними рисков, финансирование этих проектов, контроль за ходом их реализации и обеспечение выплаты доходов инвесторам.

Цели и идеология определяют набор основных *функций*, которые предстоит выполнять Корпорации:

- Изучение инвестиционного потенциала области и инвестиционный маркетинг.
- Экспертиза и отбор наиболее привлекательных предложений.
- Совершенствование системы управления корпоративными финансами на отобранных предприятиях.
- Оказание содействия предприятиям в разработке бизнес-планов инвестиционных проектов.
- Экспертиза инвестиционных проектов.
- Выбор источников финансирования проектов.
- Разработка проспектов эмиссии.
- Страхование рисков проектов.
- Финансирование предприятий, осуществляющих инвестиционные проекты.
- Мониторинг реализации проектов и контроль за выплатой доходов.

Представляется, что, реализуя свои функции, ИФК превратится в эффективный финансово-экономический механизм, способствующий реализации глобальной стратегии развития Калининградской области как пилотного региона сотрудничества России с ЕС. При этом будет достигнута практически абсолютная изоляция данного механизма от оперативного вмешательства со стороны политического руководства как с одной, так и с другой стороны. Она явится мощной рыночной структурой, получающей прибыль, уплачивающей налоги и способствующей развитию финансового рынка в Калининградской области и России.

Формирование ИФК целесообразно и безотносительно к тому, будет ли заключен договор РФ с ЕС о Калининградской области как «пилотном» регионе сотрудничества. Однако участие в проекте ЕС придаст ей авторитет на Западе и позволит привлечь значительные частные инвестиции. В частности, речь идет о крупных инвестиционных банках, которые в настоящее время в России практически отсутствуют.

ИФК, помимо прочего, станет учредителем Гарантийного фонда и Информационно-консалтингового центра. В таких условиях можно ожидать и более активное участие в ИФК отечественных предпринимателей. Они и их профессиональные сообщества, ассоциации могут также выступить учредителями ИФК.

Федеральный компонент стратегии

Калининградская область должна занять большее место в региональной политике Правительства РФ. Она должна стать своеобразным полюсом роста российской экономики – полюсом интеграции.

Необходимо более полно использовать возможности Особой экономической зоны, созданной в области согласно федеральному закону. Требуется учесть новую экономическую политику российского Правительства и скорректировать Федеральную программу развития ОЭЗ, принятую в 1997 году на период 1998-2005 годы, требует кардинальной переработки. Фактически она не реализуется. Из предусмотренных на 1998-1999 годы федеральных инвестиций в объеме 4 млрд. руб. (в ценах 1997 г.) фактически выделено 5 млн. руб. (в текущих ценах). Поэтому после необходимых мер организационного характера требуется

утвердить в Правительстве новую редакцию Программы и задания на 2001-2005 годы.

При Правительстве целесообразно воссоздать Комиссию по развитию Калининградской области с участием представителей различных министерств и ведомств и областной администрации.

Международный компонент стратегии

Калининградская область как субъект Российской Федерации не является субъектом международного права. Права Калининградской области в международной сфере не могут противоречить Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, и ее внешние связи в конечном счете есть производное от внешней политики России в целом. Деятельность областных органов власти в отношениях с зарубежными партнерами координируется федеральным Центром. Область, например, готовит предложения о заключении двусторонних договоров, однако окончательные решения принимаются Федерацией.

Поэтому для решения вопросов усиления роли области в международном сотрудничестве необходим договор между Россией и ЕС. Его условное название – «О Калининградской области РФ как пилотном регионе сотрудничества между Российской Федерацией и ЕС». Важно, чтобы в разработке этого документа приняли активное участие не только представители властных структур и эксперты федерального Центра, но и представители региональных органов власти, и специалисты из Калининградской области.

Договор, как представляется, должен решить две группы задач:

- Способствовать сближению РФ и ЕС через апробацию на территории Калининградской области новых схем и механизмов сотрудничества и обеспечение трансляции положительного опыта на остальную территорию России.
- Создать нормальные условия для социально-экономического развития Калининградской области, постепенно становящейся российским анклавом внутри ЕС, способствовать ее интеграции как «передового отряда» России в Балтийское и европейское экономическое пространство.

Договор будет основываться, прежде всего, на Соглашении и партнерстве и сотрудничестве 1994 г. Однако положения Соглашения должны быть конкретизированы применительно к концепции пилотного региона сотрудничества ЕС-Россия. Кроме того, следует учесть «Общую стратегию Европейского Союза по отношению к России», «Стратегию развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на 2000-2010 годы» и результаты последующих переговоров между сторонами.

При разработке договора необходимо уделить внимание как отдельным соображениям, прозвучавшим на международных форумах (например, на конференции «Северное измерение» и Калининградская область» в мае 2000 г.), так и предложения сторон по данному вопросу, рассматриваемые на переговорах между Россией и ЕС.

Документ должен быть по возможности максимально конкретным и фиксировать четкие обязательства сторон, а не представлять своего рода «протокол о

намерениях». В дополнение к договору предстоит разработать приложения, в которых будут конкретизированы отдельные его пункты.

Инвестиционная политика

Ключевым вопросом экономического развития являются инвестиции. Доля области в совокупном объеме инвестиций в российскую экономику составила в 1999 г. всего 0,36% (при доле в населении РФ 0,65%). Несмотря на попытки привлечения средств созданием в области механизма СЭЗ-ОЭЗ, приток инвестиций из-за рубежа невелик. Накопленные прямые иностранные инвестиции составляли на начало 1999 г. лишь около 46 млн. долларов, а в 1999 г. происходил их отток. Доля иностранных инвестиций в их общем объеме составляла в 1990-е годы менее 10%.

Предлагаемая стратегия, во-первых, путем формирования в регионе развитой рыночной среды обеспечит благоприятные условия для частных инвестиций, как отечественных, так и зарубежных. Во-вторых, их привлечению будет содействовать Инвестиционно-финансовая корпорация. В-третьих, будет обеспечена более последовательная реализация Федеральной программы развития ОЭЗ, предполагающей довольно существенную финансовую поддержку со стороны бюджетных ассигнований. В-четвертых, заключение договора между РФ и ЕС будет иметь следствием дополнительную поддержку по линии международных программ и послужит определенной гарантией для иностранных инвесторов, вкладывающих средства в Калининградскую область.

Дирекция Федеральной программы развития ОЭЗ в привлечении инвестиций выполняет следующие функции:

- Разработка, мониторинг, корректировка и исполнение Федеральной программы развития ОЭЗ; согласование ее положений с другими Федеральными целевыми программами.
- Организация ИФК и участие в руководстве ее деятельностью.
- Совместная работа с администрацией области по решению вопросов регионального развития.
- Обоснование, организация и руководство деятельностью локальных свободных экономических зон федерального значения (имеющих федеральные льготы).

Федеральная программа развития ОЭЗ должна включать преимущественно инфраструктурные проекты, которые не могут быть профинансированы частным бизнесом, а также мероприятия социального характера, связанные с развитием нерыночной сферы услуг.

Поэтому формально действующая (хотя по различным объективным и субъективным причинам слабо финансируемая) программа на 1998-2005 гг., не отвечающая данному критерию, должна быть существенно переработана. Необходимость ее совершенствования связана также с изменившимися условиями регионального развития, новой федеральной политикой, а также вследствие предлагаемого создания ИФК, которая будет выполнять ряд функций, прежде закрепленных за Федеральной программой.

В то же время необходим ряд программ, способствующих развитию рыночной среды, решающих вопросы экономической безопасности региона или вы-

полняющих задачи, стратегически важные для развития российской экономики. Среди них – развитие экспортно ориентированных или импортозамещающих производств, поддержка отечественного товаропроизводителя, формирование международного торгово-промышленного комплекса «Европорт Калининград» (концепция которого разработана доцентом Ю.М. Зверевым) и системы локальных свободных экономических зон, развитие энергетики, транспорта, туризма и янтарной промышленности, освоение рыбных ресурсов Балтики, поддержка агропродовольственного комплекса и др.

К числу таких проектов следует отнести и так называемые инициативные (пилотные) проекты, изначально разрабатываемые и реализуемые при активном участии ИФК. Полагаем, что среди них будут, в частности, проекты, связанные с развитием телекоммуникации и информатизацией Калининградской области. С одной стороны, в настоящее время невозможно представить себе работу на открытом финансовом рынке без современных средств связи и мощного компьютерного оборудования. С другой стороны, наличие недорогих, быстрых и надежных каналов связи предоставит конкурентное преимущество калининградским предприятиям, относящимся к новой экономике – электронному бизнесу, коммерции в глобальной сети и т.п. Вполне возможно, в ближайшее время откроются какие-либо новые возможности привлечения инвестиций в регион, которые сейчас никто не может предугадать.

Реализация в области стратегии сотрудничества повысит ее экономическую безопасность, которая ни в коем случае не идентична самообеспечению и самодостаточности региональной экономики и определяется:

- эффективной специализацией народного хозяйства и развитостью регионального рынка;
- надежностью и дешевизной коммуникацией с основной территорией страны,
- взаимовыгодными связями с соседними странами.

Это три неперменных компонента, определяющих уровень, структуру и темпы развития экономики, а следовательно, и уровень жизни населения региона. Они и являются определяющими факторами развития области, из которых вытекает региональная стратегия.

Стратегия сотрудничества для Калининградской области – это одно из направлений региональной политики Федерации, способствующих улучшению позиций страны в системе международного территориального разделения труда, успешному решению экономических и социальных проблем переходного периода.

А. Хараламбиду
(Афинский государственный университет)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ – НЕОБРАТИМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, НАДЕЖДЫ, СКЕПТИЦИЗМ

В октябре текущего года в Греции проходили выборы муниципальных органов, в которых правящая социал-демократическая партия (ПАСОК) потерпела

серьезное поражение. Аналитики объясняют это поражение политикой, которую проводило правительство с целью выполнения требований Маастрихтского договора и вступления Греции в европейский экономический валютный союз (ЭВС). Данная политика привела к тому, что 1/3 часть населения еле обеспечивает элементарный минимум проживания, а безработные составляют 13% от трудоспособного населения.

Почти сразу после выборов премьер-министр Греции г-н К. Симитис принял участие в 1998 г. в неофициальной встрече глав правительств 15 стран ЕС в австрийском городке Перцах и выступил с докладом на тему: «Необходимость нового идеала и новой перспективы», в котором была выражена озабоченность в связи с наблюдаемыми серьезными социальными проблемами в странах ЕС.

Греческие журналисты и аналитики задали себе логичный вопрос: выступление греческого премьера вызвано поражением на выборах или бесперспективностью неолиберализма и беспредельной строгостью критериев Маастрихтского соглашения? Первое обстоятельство вытекает из второго. Следовательно, поражение на выборах коренится в обязанности Греции вести строжайшую фискальную и финансовую политику, чтобы вступить в европейский ЭВС хотя бы в 2001 году. И возникает вопрос: а необходимы ли такие социальные жертвы, лишения, безработица, урезанная социальная защита трудящихся не только в Греции, но и в других странах Европы для того, чтобы создать ЭВС в столь короткие сроки? Гарантируется ли значительное улучшение жизни европейских народов с ее введением? Является ли либерализм и абсолютное господство рыночных отношений единственным вариантом решения проблем экономического роста и благосостояния народов?

Эти вопросы занимают умы многих экономистов, социологов и политологов мира. Одно только перечисление их высказываний или названий их работ говорит о сомнениях и скептицизме относительно абсолютизации позиций неолиберализма и возможности саморегулирования экономики рынком. О «кораблекрушении неолиберальных догм» пишет, например, французский «Le monde diplomatique» [1], о «сомнительном и неопределенном будущем ЕВС» – влиятельная греческая газета «То Вима» [2], «социальный дефицит в Европе» обнаруживают 13 руководителей социал-демократических партий стран ЕС, являющихся и премьер-министрами правительств этих стран. «К усилению интереса к гражданину Европы» призывал на вышеуказанной встрече в Австрии глава итальянского правительства коммунист Масимо д'Алема, а известный советник многих правительств США Киссинджер предупреждает, что «если этого не будет, в капиталистическом обществе появится новый Маркс» [3]. Само название, например, статьи греческого политолога и журналиста И. Претендериса «Европа на натянутой веревке» [4] весьма показательны.

Следует отметить, что скептицизм вызван не только обострением социальных проблем в Европе, связанных с выполнением требований Маастрихта, но и оспариванием эффективности неолиберализма и огромной глубиной глобализации экономики и капитала. Президент Федерального банка США А. Гринсман, известный представитель неолиберальной экономической теории, говоря о недавнем кризисе в странах Юго-Восточной Азии, Бразилии и России, заявил: «...в

эпоху финансовой и торговой глобализации ни один регион мира не может оставаться оазисом благополучия. Важность этой угрозы ведет к краху экономической ортодоксальности последних лет, которая применялась везде с большим усердием»[5]. Таковы же утверждения и редакции еженедельного журнала США «Business Week», убежденного сторонника либеральных позиций, который перед лицом угрозы повторения этого кризиса писал: «Наступило время действий. Американская и вообще либеральная модель экономической политики подвергается сильным ударам. Рынок все больше рассматривается как враг экономического роста. Страны отказываются от его абсолютизации и стараются найти выход из намечаемой угрозы уничтожения всего богатства»[6].

Подобные настроения отражает, по-моему, и само награждение в 1998 г. Нобелевской премией индийского экономиста Амартия Сэн, – специалиста по исследованию бедности, шведским Комитетом, который в 1997 г. наградил этой же премией двух американских экономистов – Роберта Мертона и Майрон Солса по совершенно противоположным критериям – за их исследования, связанные с максимализацией прибылей на бирже.

Нелишне отметить, что А. Сэн выступил 20.10.98 г. в Афинах с докладом на тему: «Политический элемент в экономическом развитии», в котором весьма смело выразил свой скептицизм относительно абсолютизации рыночных отношений и их возможности решить вопросы безработицы и бедности в европейских странах: «Неолиберализм, – сказал он, – с лицемерием утверждает, что рынок – наивысшее благо общества. При таком ведении управления обществом одни имеют деньги, а другие – нет. А деньги – избирательный бюллетень, который выступает в качестве более эффективного голоса, чем сама справедливость» [7].

Из всего вышесказанного видно, что серьезные социальные проблемы, накопленные в европейском сообществе, неуверенность в решении этих проблем, создание и функционирование ЕВС и ЕВРО заставляют социологов и экономистов многих стран мира пересмотреть вопросы «саморегулирования» экономики с помощью рынка и снова обратиться к разным вариантам кейнсианских положений о регулирующей роли государства, о необходимости более активного его участия в экономике. В «Меморандумах» говорится о необходимости поворота ЕС к «ежедневным проблемам граждан Европы». Эти мысли звучали и в выступлениях глав правительств Франции и Ирландии. Основные их позиции следующие.

Процесс европейской интеграции находится на критической стадии.

Все достижения европейской интеграции разрушаются продолжающимся обострением социальных, экономических, экологических и других проблем – высокой безработицей, социальным отчуждением, преступностью, экологическими катастрофами и т.д.

Результатом всего этого является разочарование большинства европейских граждан в созданных структурах и политике ЕС.

Складывается впечатление, что у европейских политиков нет уже идей, решений относительно будущего Европы. Вопрос, который звучит везде, особенно в среде молодежи, один: «Как наши политики видят Европу накануне XXI века?»

На этот важный и мучительный вопрос ясных ответов нет. Все главы правительств стран ЕС ограничиваются лозунгами типа «приблизить ЕС к гражданам Европы». Но как, каким образом и с помощью каких финансовых средств? Бюджет ЕС на 1999-2000 гг. ни на одну долю процента не увеличен. Наоборот, Германия заявляет, что ее доля всегда была большой и требует ее пересмотра. Великобритания ставит вопрос о возвращении части денег, которые она «несправедливо» вносила в европейский бюджет. В то же время идут переговоры о новом расширении ЕС на Восток, что и требует увеличения фондов для поддержки этих стран. Европейский Союз чисто экономическое объединение, без элементарной формы единой политической власти, он не в состоянии заставить национальные правительства стран-членов создать у себя необходимые фонды оказания помощи неимущим или выделить больше средств на инвестиции в реальную экономику с целью обеспечения ее роста и создания новых рабочих мест. Что касается частного сектора, основной целью которого является увеличение прибыли, он очень часто предпочитает биржевые игры, чем рост производства, если первые обещают ему больше прибыли.

Как раз в этом и беда современного капитализма. Источником и полем направления прибыли не является реальная экономика, а биржи любой точки мира. Греческий философ Корнилиос Касториадис еще в ноябре 1997 г. писал: «Мировая экономика превращается в планетарное казино» [8]. Этому способствует не только глобализация экономики, а прежде всего глобализация денежно-финансовых рынков. Прогресс же информатики обеспечивает огромную мобильность капиталов, которые с большой скоростью направляются туда, где больше отдача. Известный американский экономист Дж. Тобип, лауреат Нобелевской премии и советник Дж. Кеннеди, в своем интервью греческой газете «То Вима» (29.11.98 г.) отмечает, что в 70-х годах ежедневное обращение капиталов на земле достигало 70 млрд. долларов, а сегодня превышает 1500 млрд.

Политолог Майкл Линд называет этот класс капиталистов «супербуржуазией», которая покидает реальную экономику и занимается главным образом биржевым бизнесом, информатикой, распределением и услугами... Она направляет и лучшую часть своих кадров туда, где ускоряется оборот капитала и где прибыль больше прибавочной стоимости реального производства [9].

Поэтому богатая и интегрированная Европа не знает, где спрятать своих бедных, насчитывающих 40 млн. человек, 3 млн. бездомных и 21 млн. безработных. Не лучше положение и на остальном земном шаре. Каждый пятый человек голодает, каждый четвертый не имеет доступа к чистой питьевой воде. Одной пятой беднейшей части населения земли соответствует 1,4% мирового ВВП, в то время как одной пятой богатейшей части – 84,7% [10]. Известный социолог Игнасио Рампет в своей работе «Стратегии голода» дает очень много данных о поляризации доходов населения, которая имеет место в последние двадцать лет «господства «суперлиберализма»». В 1997 г., пишет он, в 70 странах мира доход на душу населения стал намного меньше того, что был в 1960 г. Три миллиарда людей в мире имеют сегодня дневной доход меньше двух долларов США [11].

К сожалению, бедность, поляризация доходов и безработица стали спутником даже развитых стран мира. Такое положение не может не вызвать песси-

мизма и разочарования у рядовых людей, не беспокоить ученых и политиков. Американский экономист Джон Грей с большим пессимизмом говорит о будущем: «Находимся, – пишет он, – на пороге не эпохи благополучия, как об этом говорят сторонники абсолютизации рынка, а на пороге трагической эпохи, где анархические силы рынка потянут свободные государства в опасные антагонизмы» [12].

Заместитель Спикера греческого парламента П. Критикос в своей статье «Цифры богатеют, а люди беднеют» [13] подчеркивает, что «общество, в том числе и Европейский Союз, не создается цифрами, а людьми, которые имеют нормальный уровень жизни и благополучие». А.Ам. Сэн, возмущенный несчастьем и бедствием миллионов людей, пишет: «Экономическая теория, которая игнорирует проблемы обнищания и несправедливости в распределении, не может быть правильной» [14]. Даже миллиардер Дж. Сорос говорит о необходимости перераспределения, ибо общество идет к катастрофе [15].

При таком положении дел многие аналитики, социологи и политики пытаются найти выход из него. Они делятся на две категории.

К первой относятся те, которые поддерживают неолиберальную теорию. Ее суть – в полном освобождении рынков, в беспрепятственной деятельности предпринимателей, в макроэкономическом контроле номинальных показателей экономики и оказании помощи наилучшей среде рынка – среднему и мелкому предпринимателю. Среди них есть, конечно, и ярые сторонники абсолютизации рыночных отношений, доходящих до открытой защиты социального дарвинизма.

Ко второй категории относятся специалисты и социал-демократы, которые, по существу, принимают неолиберальные догмы, хотя этого не признают, но стараются найти определенное сочетание рыночных отношений с регулирующими началами государства.

Часто говорят о «третьем пути» (Тони Блер), о создании «Центрально-левом фронте» (Л. Зоспен), о «союзных правительствах» (М. д'Алема, Г. Шрендер) и т.д., которые сумеют создать Европейский Союз «с социальным лицом». Для этого возвращаются к необходимости перехода к формам «смешанной экономики», в которой рационально будут сочетаться государственное регулирование с частной инициативой и предпринимательской деятельностью. В таком случае государство со своей фискальной, инвестиционной и налоговой политикой сможет решить ряд проблем, и прежде всего проблему безработицы и поддержать неимущих. Сумеют ли это сделать? Время покажет.

Однако чудеса трудно совершаются. Сделать Европу «государством благополучия», какой она была в первые послевоенные десятилетия, боюсь, что это дело трудное, с элементами утопии. Конечно, определенные успехи в период после Второй мировой войны были. Однако обстановка тогда была совершенно другая. Это было время восстановления экономики, высоких темпов экономического роста, за исключением годов нефтяных кризисов, которые быстро были преодолены. Теперь кризис более существенный и глубокий, затрагивающий реальную экономику и многие другие стороны общественной жизни. Европейские национальные правительства, хотя и социал-демократические в своем большинстве, действуя в рамках Маастрихтского договора, не могут вести самостоятель-

ную политику, так как обязаны сдерживать рост инфляции, уменьшать дефициты, соблюдать требования Европейского Центрального банка и быть под постоянным его контролем. Такого рода политику можно вести после полного оздоровления экономики и нормального функционирования в рамках ЭВС и ЕВРО. А это будет не очень скоро.

Это прекрасно понимают рядовые люди, дорого оплатившие требования Маастрихта. Может быть, поэтому в своем большинстве они не очень уверены, что ЭВС обеспечит им благополучие. Боятся, что воспользоваться его плодами в большей мере могут граждане, часто совершающие зарубежные поездки или ведущие бизнес за границей, или владельцы ценных бумаг и т.д. Не случайно опрос, проведенный «Евробарометром» еще в феврале 1996 г., показывает, что в среднем по ЕС высшее управляющее звено активнее поддерживало ЭВС, чем население в целом; 85% управляющего звена голосовало «за», а среди населения – только 53% [16]. Мало что изменилось с того времени. И если да, то в пользу отрицательных голосов. Рядовых людей волнуют серьезные проблемы: будет ли положительный общий эффект от создания и функционирования ЭВС и ЕВРО? Станут ли они катализатором процесса консолидации и улучшения социальной политики? Смягчат ли существующую напряженность или обострят ее? Ответы на эти вопросы очень непростые, и ответы на них даст только практика и жизнь.

Однако европейские правительства, в том числе и социал-демократические, по итогам форумов и встреч стараются убедить людей в их будущем благополучии, которое принесет всем ЭВС и ЕВРО. Например, на неофициальной встрече министров экономики (социал-демократов) 13 стран ЕС 22.11.98 г. в Брюсселе [17] был согласован текст, предложенный министром экономики Англии Г. Брауном, под названием «За более социальную Европу». В нем поддерживается и восхваляется создание ЭВС и отмечается, что после достижения жестких требований Маастрихта станет возможным сосредоточить внимание правительств стран-участников ЭВС на ведении политики экономического роста, создании новых рабочих мест и улучшении социальной политики. Хочется надеяться, что так и будет, тем более, что процессы глобализации и европейской интеграции объективны и необратимы. Противиться им бесполезно. Трудящимся Европы необходимо активнее бороться за свои права и тем самым заставить свои правительства осуществить обещанную ими политику «социальной Европы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Le monde diplomatique. 1998. 25 октября.
2. То Вима. 1998. 28 октября.
3. Икономикос Тахидромос. 1998. 12 декабря.
4. Икономикос Тахидромос. 1998. 1 октября.
5. Le monde diplomatique. 1998. 25 октября.
6. Эксусия. 1998. 18 октября.
7. Элефтеротипия. 1998. 25 октября.
8. Элефтеротипия. 1998. 13 декабря.
9. Le monde diplomatique. 1998. 8 ноября.

10. Социологические исследования. 1995. №2.
11. Отрывки работы опубликованы в газете «Le monde diplomatique». 1998. №40. 8 ноября.
12. То Вима. 1998. 8 ноября.
13. Икономикос Тахидромос. 1998. 22 октября.
14. Выступление в ВСС, переданное греческой радиостанцией «Mega». 1998. 2 дек.
15. Together in Europe. Brussels, 1996. 15 окт. P. 7-8.
16. Кроме министров Испании и Ирландии.

И.С. Кузнецова
(Калининградский государственный университет)

МЕСТО МОРАЛИ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Известно, что выдающийся исследователь и идеолог рыночной экономики А. Смит утверждал, что богатство народов зависит не от доброй воли мясников или булочников, а от их эгоизма. Их естественного желания руководствоваться собственной выгодой. Иначе говоря, уже на заре обоснования эффективности рыночной экономики мораль «выносили за скобки», полагая, что она не нужна для функционирования рынка.

Марксизм рассматривал мораль как изменяющуюся форму общественного сознания. Нравственные нормы закрепляются общественным признанием их ценности с точки зрения общего блага для той или иной социальной группы, класса. Они складываются как исторически определенный результат коллективной воли людей. Другими словами, марксизм понимает этические системы как некоторые средства передачи социального опыта, закрепляющие то, что себя оправдало. Социальный опыт определяет содержание понятия «долг» и передается следующим поколениям как требование, как заповедь, как «моральный кодекс».

Марксизм в своем подходе к морали опирался на исторические факты, указывая, что мораль может быть религиозной или безрелигиозной, материалистической. Например, такой была этика «разумного эгоизма» у французских материалистов и ее модификация, совсем не материалистическая, в американском прагматизме. Между прочим, в том и другом варианте она способствовала освоению социальной реальности и установлению капиталистических отношений ничуть не хуже, чем протестантская этика, о которой много говорят, благодаря исследованию М. Вебера.

Подчеркивание марксизмом обусловленности морали социальными условиями, классовой борьбой, утверждение множественности этических систем ведет к релятивизму, что составляет слабость подобного понимания морали и в конечном счете делает ее не особенно нужной рынку, зависящей от него, но не определяющей рыночных отношений.

Кантовский принцип автономии морали, ее независимости от внешних причин – от религиозных догм, политической целесообразности, экономической выгоды на первый взгляд делают нравственность бесполезной для рыночной экономики. Однако рынок – это сфера не только экономических, но и социальных

отношений. Не занимаясь специально данным вопросом, И. Кант тем не менее отметил, что ценность всех приобретаемых нами предметов всегда обусловлена [1, с. 269]. Эта обусловленность связана в том числе и с социальной значимостью вещей, и с системой этических ценностей. При этом предметы потребления выступают не только как цель потребления, но и как средство удовлетворения определенной социальной потребности, они же есть цель производства и средства получения экономических результатов. И во всей этой системе целей и средств, объективного и субъективного Кант выделил доминирующий моральный принцип: «разумное естество существует как цель сама по себе» [1, с. 270].

Отсюда следует, что рыночная экономика как сфера социальных отношений с необходимостью включает в себя универсальные, базовые ценности, среди них фундаментальные права человека. Если проанализировать процессы, происходящие в экономической жизни нашей страны, то приходится сделать вывод, что именно фундаментальные права человека оказались поруганными, хотя именно под лозунгами прав человека начиналась перестройка.

Рыночная экономика предполагает, что в ней действуют люди, обладающие свободой принятия решений, свободой действий. Однако «раскованный» в своих поступках человек, человек с размытыми моральными принципами несвободен, он может выходить за рамки одобряемого обществом поведения и тогда становится асоциальным, что превращает рыночную экономику в криминальный хаос.

Свободный человек – это тот, кто, сделав выбор, несет за него полную ответственность, принимает, если это необходимо, «убытки на себя». Делая выбор, принимая решение, приходится проводить анализ. Свобода действия оказывается тем большей, чем более точное и конкретное знание ее освещает. В это знание входит и представление о моральных координатах, в которых действия допустимы. Если нет этих представлений, не звучит голос совести, то человек несвободен, ибо он не готов нести полноту ответственности, в том числе и моральной, за свои действия. А без совести, без нравственного закона, исходя из внешних причин, например, предполагая целесообразным получить выгоду, игнорируя моральные принципы, можно принять решения, если и приносящие сиюминутную прибыль, то разорительные в перспективе. Об этом ярко сказано в пьесе А.Н. Островского «Бешеные деньги»:

- Глумов: «Все эти кислые толки о добродетели глупы уже тем, что непрактичны. Нынче век практический».

- Васильков: «Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет больше простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть романтика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство спекуляция плохая» [2, с. 257].

Купец Васильков (а в России прошлого века купец это не только торговец, но и владелец промышленного капитала, организатор производства) вполне ясно определяет место нравственных принципов, в частности честности деловых отношений в рыночной экономике.

В самом деле, жизнь, а особенно экономическая жизнь, предполагает соглашения, договоры, конвенции, нарушение которых дезорганизует ее, делает невозможными деловые отношения, создает атмосферу недоверия и подозрительности, превращающую цивилизованный рынок в базар, над которым летит вопль: «Держи вора!»

Уже данный аспект рассмотрения роли морали в функционировании рынка показывает, что частые ссылки на Мандевиля, утверждавшего независимость рынка от высших моральных ценностей и этих ценностей от рынка, не могут считаться хорошим пониманием проблемы. Рыночные отношения, их устойчивость и эффективность как то хорошо понимали русские дореволюционные купцы, зависят от моральных устоев участников экономических действий. Рынок в свою очередь воздействует на моральное сознание общества.

В самом деле, человек, чья индивидуальная мораль оставляет желать лучшего, вынужден для успешной профессиональной деятельности оперировать в определенных нравственных координатах. Тогда профессиональный долг выступает как нравственное призвание.

Рынок заставляет человека быть в своей профессии безупречным, т.е. в рамках профессиональной деятельности приходится подчиняться моральным критериям, а это сказывается на функционировании нравственного сознания общества.

В целом для правильного понимания морального основания рыночной экономики необходимо иметь в виду следующие моменты.

Прежде всего, рынок – это не цель развития общества. Рынок – это средство достижения определенных экономических результатов. Поэтому, когда говорят о том, что целью реформ является создание рыночной экономики, то это всего лишь вульгарное выражение марксистского принципа «бытие определяет сознание». Социальное бытие включает в себя различные системы ценностей. Рыночная экономика может служить реализации этих ценностей по-разному в разных социальных системах. Например, цели общества, система ценностей совершенно различны в либерально-американском или социально-немецком варианте рыночного хозяйства, и оба они отличаются от традиционно японского подхода. Только точно сформулировав цели общества, можно правильно организовать средства, т.е. рыночное хозяйство.

Поскольку рынок – это социальная подсистема, то необходимо различать мотивы действий субъектов рыночных отношений и правила, нормы деятельности, которыми эти субъекты руководствуются. Правила и нормы регулируют рынок.

Конкуренция всегда осуществляется в определенных рамках по установленным правилам, с заранее определенными санкциями за их нарушения, с обозначенными «призами» и под контролем арбитров.

Следует помнить, что рыночные механизмы приложимы к материальным благам, которые измеримы, видимы, осязаемы, являются объектами купли и продажи. Но общество должно все более ориентироваться на рост нематериальных благ, т.е. на коллективную удовлетворенность окружающей средой [3].

Как подчеркивает французский исследователь Ф. Сен-Марк, в отличие от материальных благ нематериальными благами пользуются, участвуя в них, но их

не присваивая. Наслаждение, доставляемое чистым воздухом, произведениями искусства, не является собственностью. И достижения культуры и природа – это общественное богатство. Это богатство не может распределяться по законам конкуренции.

Весьма существенно то, что рыночную экономику нельзя рассматривать как выражение присущего человеку стремления к обогащению, выгоде, наживе. Рынок – это социально-экономический механизм, изобретенный человеком, поэтому он подлежит настройке, регулированию, в том числе и на основе моральных принципов.

Мораль оказывает регламентирующее воздействие на рыночную экономику через цели, которые ставит перед собой общество, через правила и нормы деятельности, признаваемые допустимыми.

В основе экономической жизни лежит труд, играющий важнейшую роль в рыночных отношениях. И существенным нравственным принципом остается утверждение Н.А. Добролюбова: «По степени большего или меньшего уважения к труду и по умению оценивать труд соответственно его истинной ценности можно узнать степень цивилизации народа» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4 (1).
2. Островский А.Н. Полн. собр. соч. Т. 5.
3. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 27.
4. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1961. Т. 1. С. 512.

Л.С. Шеховцева

(Калининградский государственный университет)

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

В мировой экономике происходят качественные изменения, связанные с глобализацией, неравномерностью развития, усилением борьбы между тенденциями формирования однополярного и многополярного мира, обострением конкурентной борьбы между странами, регионами и фирмами. В этих условиях, когда рынок получает признание в качестве общецивилизационной ценности, сила и мощь любого государства определяются во все большей степени конкурентоспособностью его производителей.

Конкурентоспособность является фундаментальным понятием, используемым в целом ряде учений: теории стратегического управления, теории конкурентных преимуществ, теории организации отраслевых рынков и других. Именно конкурентоспособность лежит в основе разработки стратегии развития страны, региона, организации.

Конкурентоспособность формируется на различных уровнях: товара (услуги), компании, отрасли, региона, страны. В связи с этим следует различать конкурентоспособность товара, фирмы, отрасли, региона, страны.

В общем виде конкурентоспособность означает преимущество одного рассматриваемого объекта по сравнению с другим, аналогичным, в зависимости от качества выполняемых им своих функций (предназначения, миссии) в условиях рыночной экономики.

Опираясь на более широкое определение конкурентоспособности страны, данное М. Портером, можно сформулировать это понятие по отношению к региону. Конкурентоспособность региона – это прежде всего способность региональных производителей продавать свои товары, увеличивать или сохранять доли рынков, достаточных для расширения и совершенствования производства, роста уровня жизни, поддержания сильного и эффективного государства. Конкурентоспособность региона обеспечивается более высокой продуктивностью (производительностью) использования региональных ресурсов, и в первую очередь рабочей силы и капитала по сравнению с другими регионами и результируется в величине валового регионального продукта (ВРП) на душу населения [1]. По аналогии с методикой Всемирного банка благополучие региона может быть оценено по четырем основным показателям в расчете на душу населения: по размеру ВРП, по величине производственных ресурсов (основные фонды и т.д.), по величине природных ресурсов, по величине человеческих ресурсов (уровень образованности). Учитывая затяжной экономический кризис в России, большую изношенность основных фондов (физическую и моральную), важное значение приобретает обеспечение воспроизводственного процесса на современной технологической основе, что требует инвестиций. Поэтому следует добавить такую характеристику, как уровень прямых инвестиций в экономику региона в необходимом для воспроизводства объеме. По подсчетам отдела экономики газеты «Точка опоры», необходимо ежегодно вкладывать порядка 700 млн. долларов инвестиций, что составляет около 700 долларов на каждого жителя области.

Конкурентоспособность региона может определяться также уровнем жизнеобеспечения населения на основе международных и других стандартов, а также другими способами.

Для оценки конкурентной способности региона и возможности воздействия региональных органов власти на ее составляющие целесообразно использовать методологический подход, предложенный М. Портером [1] для страны в виде модели национального ромба. Развитие страны и ее регионов зависит от всех элементов рынка, и в первую очередь от конкуренции фирм. Но конкурентное преимущество фирм создается и удерживается в тесной связи с местными условиями. Несмотря на глобализацию отраслей, роль страны и региона базирования фирмы в последнее время усилилась. Успех фирм в состязании с конкурентами зависит прежде всего от положения дел в стране и регионе. Обеспечение условий для цивилизованного и динамично развивающегося рынка – ключевой элемент в числе национальных и региональных приоритетов в любой стране.

Роль региона в создании конкурентных преимуществ фирм можно исследовать по четырем взаимосвязанным направлениям (детерминантам), образующим региональный ромб: параметры факторов; условия спроса; родственные и поддерживающие отрасли; стратегии фирм, их структура и соперничество.

В свою очередь каждый из детерминантов анализируется по составляющим, степени их воздействия на конкурентное преимущество региона, а также необходимости их развития.

Так, например, факторы и условия производства формируются за счет квалифицированных кадров, научных знаний, экономической информации, инфраструктуры отраслей (транспорт, телекоммуникации), капитала, инфраструктуры рынка, инвестиционного климата.

Конкурентное преимущество получают фирмы в тех регионах, которые позволяют быстро создать и накопить специализированные ресурсы (персонал с узкой специализацией, инфраструктуру специфических типов, базы данных в определенных областях знания); где имеется доступная информация о потребности в товарах и технологиях; где есть специальные НИИ и КБ, технополисы, венчурный капитал и т.д.

Второй детерминант – спрос на внутреннем рынке – характеризуется структурой внутреннего спроса, его объемом и характером, механизмами передачи предпочтений внутреннего рынка на зарубежный. Самыми важными свойствами внутреннего спроса являются те, которые обеспечивают начальный стимул для инвестирования и внедрения новшеств, достаточных для успешной конкуренции в отрасли.

Третьим важным детерминантом, определяющим преимущества в отрасли, является наличие отраслей – поставщиков или смежных отраслей, которые сами являются конкурентоспособными на национальном и мировом рынках.

Четвертым детерминантом, определяющим конкурентоспособность региона, является стратегия и структура конкурирующих фирм, уровень их менеджмента.

Анализ и оценка конкурентоспособности региона должны выполняться не только на «макроуровне», но и по отраслям на основе статистических, экспертных, комбинированных подходов, корреляционного, факторного, кластерного анализа, метода сдвига составляющих, рейтинговых оценок и других.

Развитие конкурентоспособности региона (как и страны в целом) идет по следующим четырем стадиям: конкуренция на основе факторов производства – конкуренция на основе инвестиций – конкуренция на основе нововведений – конкуренция на основе богатства. Первые три стадии обеспечивают экономический рост, последние – застой и спад.

Конкурентное преимущество региона обеспечивается (см. табл.):

- на первой стадии благодаря факторам производства: природным ресурсам, благоприятным условиям для выращивания различных сельскохозяйственных культур, избыточной и дешевой рабочей силы (обеспечивается одним детерминантом);

- на второй стадии на основе агрессивного инвестирования (в основном национальных фирм) в образование, технологии, лицензии, закупаемые в основном за рубежом (обеспечивается тремя детерминантами);

- на третьей стадии за счет создания новых видов продукции, производственных процессов, организационных решений и других инноваций путем действия всех составляющих «ромба».

Стадия конкуренции на основе богатства, в отличие от трех первых, опирается на уже достигнутые проблемы и в конечном итоге ведет к спаду в производстве (табл.).

Таблица

Формирование конкурентного преимущества региона на разных стадиях экономического развития

Стадии	Детерминанты			
	Факторы	Стратегии	Спрос	Родственные отрасли
Факторы производства	▧			
Инвестиции	▧	▨	▨	
Инновации	▨	▨	▨	▨
Богатства	▧	▧	▧	▧

- - детерминант не используется;
- ▧ - детерминант используется частично;
- ▨ - детерминант используется полностью.

В современных условиях целесообразно сделать упор на стадию инвестиций с последующим переходом к инновационному развитию. Но уже сегодня существует объективная потребность в инновационной «наполненности» привлекаемых инвестиций. В создании конкурентного преимущества региона немаловажное значение имеют научные знания, образование и как факторы развития производства, и как факторы формирования инновационного потенциала региона.

Важнейшим условием устойчивого развития конкурентных позиций региона является регулирующая роль государства. Основными функциями государственных органов власти в области формирования конкурентных преимуществ региона должны быть следующие:

- организация и стимулирование исследований в области повышения конкурентоспособности региона;
- обеспечение активного поиска новых форм правового регулирования условий, способствующих формированию и развитию конкурентного преимущества, совершенствованию налогового, таможенного и других видов государственного регулирования экономики;

- проведение структурной политики и государственной селективной поддержки конкурентоспособных производств;
- содействие интеграции и кооперации производственных структур по технологической цепочке.

Последнее направление помимо повышения конкурентоспособности региона создает условия для укрепления единого экономического пространства России.

Реализация этих функций может быть осуществлена на основе научно обоснованной концепции или программы повышения конкурентоспособности товаропроизводителей региона, а также концепции или программы развития товарных рынков.

Проблема формирования и повышения конкурентоспособности региона особенно актуальна для такого окраинного и эксклавного региона России, как Калининградская область. Ее положение в центре действующих и будущих стран – членов ЕС и оторванность от России определяют большую зависимость бизнеса и жизнедеятельности населения от внешней зарубежной среды. Это связано с необходимостью транзита грузов и энергетических ресурсов через территории зарубежных стран, возможностями экспансии импортных товаров, функционированием ОЭЗ в режиме свободной таможенной зоны, с безвизовым режимом проезда граждан области в Литву и Польшу и другими факторами.

В связи с этим актуален перевод региона в режим стратегического управления развитием экономики [2]. Но любой регион не может достичь превосходства по всем направлениям деятельности. Необходим выбор приоритетов и выработка долгосрочной стратегии экономического устойчивого развития Калининградской области, в наибольшей степени соответствующей развитию внешней ситуации и наилучшим способом использующим сильные стороны региона, а также ее миссию в составе Российской Федерации. Именно конкурентная стратегия инновационного развития экономики региона обеспечит конкурентные преимущества Калининградской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Портер М.* Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1993.
2. *Шеховцева Л.С.* Методологические основы стратегического управления социально-экономическим развитием региона // Проблемы стабилизации и развития экономики эксклавного региона России (стратегические аспекты развития): Межвуз. сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т – Калининград, 1998. С. 22-27.

А.А. Чаплыгин

(Калининградский филиал Современного гуманитарного института)

ТЕОРИИ КОНФЛИКТА И СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Конфликт как социальное явление всегда был в центре внимания социологов. При этом позиции исследователей относительно природы, причин этого фе-

номена, позитивной или негативной его значимости, роли существенно различались и различаются. Для части исследователей конфликт, понимаемый как столкновение групп, индивидов по поводу занимаемого статуса, обладания ресурсами или соблюдения каких-либо норм, выступает в качестве дестабилизирующего фактора, фактора патологического, ведущего к дезинтеграции социальной системы. Т. Парсонс, к примеру, социальный порядок, стабильность, интеграцию структуры любой социальной системы представлял неизменным условием ее развития, нормальным состоянием. Поскольку противодействия индивидов, групп избежать нельзя, надо обеспечивать превалирование взаимодействия над противодействием, переводить систему на новый уровень интеграции. Общие взаимоприемлемые структуры, ценностные ориентации, мотивы, совместные социальные роли служат необходимым условием, гарантией гармонии, социальной устойчивости. Конфликты как проявления дисфункции играют тем самым отрицательную роль, хотя избежать их не удастся [1, с. 70-72]. С этой точкой зрения солидаризуется, в частности, Т. Селлин. Он исходит из того, что всегда существовали и существуют группы, которые вследствие различий в образе жизни и характере восприятия социальных ценностей будут противостоять друг другу. Конфликты культур представляют собой естественное следствие процесса социальной дифференциации. Трансформация культуры из некоего однородного состояния в дезинтегрированное сопровождается возрастанием количества конфликтных ситуаций на разных уровнях социальной организации и, напротив, процесс интеграции уменьшает число конфликтов и их проявлений [2]. Как видим, и эта позиция заключается в признании неизбежности конфликтов и их однозначно дезинтегрирующей роли.

Иной подход состоит в рассмотрении не только неизбежности конфликтов, но и в их позитивной роли, которая может проявляться с различной интенсивностью, но тем не менее присутствует всегда. Р. Дарендорф утверждает, что «социальные конфликты, т.е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «разрешить» в смысле окончательного устранения» [3]. Можно и нужно добиться только одного: минимизации потерь в ходе конфликтов, уменьшения насильственности почти всех их видов. Выдвинута в этой связи идея регулирования (управления) конфликтами, которое делает последние менее интенсивными. Творческая, созидательная сила конфликта при этом ставится на службу постепенному развитию социальных структур.

Опираясь на некоторые базисные положения, среди которых можно выделить констатацию того, что социальная жизнь включает побуждения, принуждение, проистекающее от социальных напряжений, порождает столкновение групповых и иных интересов, создал, как известно, свою конфликтологическую концепцию Л. Козер. Главное в его конфликтной модели понимания социальных процессов, общественной жизни в целом состоит в том, что конфликт обладает противоречивыми функциями. Его полезность заключается в обновлении социальных систем, взаимодействиях. Конфликт выглядит своего рода страхующим клапаном системы, позволяющим через последовательность необходимых преобразований, инноваций интегрировать систему на новом уровне, а следовательно, приводить весь социальный организм в соответствие с меняющимися усло-

виями функционирования. «Эластичное общество, – по мысли Козера, – извлекает пользу из конфликтов, поскольку такие процессы помогают модифицировать и создавать нормы, которые обеспечивают его продолжение в изменившихся условиях» [1, с. 268]. Уверенность в положительных свойствах конфликта высказывает и французский социолог А. Турен. Главное, с его точки зрения, заключается в том, что конфликт содействует разрушению одного порядка и созданию другого. Конфликт при этом в состоянии выполнить свое преобразующее предназначение лишь в том случае, когда действующие лица, группы и индивиды, вовлеченные в него, стремятся управлять областью своего взаимодействия [4].

Таким образом, речь идет о степени рационализации реальной обстановки протекания противоречий и коллизий. Зарубежная социология выработала представления о различной типологии конфликтов, условиях их протекания, этапах возникновения, разрастания, затухания, методах и средствах управления конфликтными ситуациями. Теоретические построения, академические исследования, как справедливо, на наш взгляд, отмечает Л. Крисберг, позволяют людям, непосредственно участвующим в столкновениях, использовать теории и концепции, пусть не всегда систематически и ясно, а стало быть, делать поведение более предсказуемым. «Участники сражений используют начатки теорий, чтобы хотя бы частично направлять собственные действия; поэтому ученые могут совершенно резонно полагать, что их выкладки влияют на причины конфликтов и даже в чем-то убеждают противоборствующие силы» [5]. Как видим, социология оказалась способна и в этих процессах проявить практическую направленность, доказать обоснованность своих концептов и выводов, деловую значимость объяснений и схематичных набросков, ведущих в действительности к перестроению социальных систем, приданию им гибкости, определенного социального иммунитета от наиболее острых и губительных коллизий.

До недавнего времени, к сожалению, иначе складывалась ситуация в отечественной социологии. Едва ли не до начала 90-х годов официальное обществознание, как справедливо замечают исследователи, игнорировало существование массовых конфликтов, в том числе и на производстве. Анализ строился лишь в ключе межличностных противоречий и столкновений, а все проблемы сводились к борьбе «хорошего с еще более совершенным», к изучению факторов, ведущих к повышению эффективности производства. Н.В. Андреевкова и Г.А. Воронченкова справедливо, на наш взгляд, констатируют, что традиционно в советском обществознании выделялись две плоскости трудовых конфликтов. В одной из них субъектами выступали рядовые работники и работники управления (конфликт по вертикали), в другой – работники одного уровня (конфликт по горизонтали). В любом случае постулировалась единичность конфликтов, а они представлялись лишь как проявление индивидуальных различий людей [6]. Иными словами, максимум допустимого для социологии советского периода было редуцирование социального к индивидуально-психологическому, сугубо межличностному. Реальность, естественно, была другой. В действительности наше общество, как и любое другое, было насыщено конфликтами, коллизиями, столкновениями взглядов, интересов, что проявлялось и в пассивном, апатичном отношении к социальным реалиям, и в своего рода уходе от нее, а порой проры-

валось в форме достаточно массовых выступлений против существовавших порядков, о чем стало широко известно только теперь.

Длительное теоретическое молчание по поводу конфликтов сменилось оживленным включением отечественной социологии, других областей обществоведческого знания в конфликтологическую парадигму, попыткой не просто адаптировать западные наработки в этой области, но и в полной мере отразить российскую действительность в специфике категориального аппарата. Следует выделить, на наш взгляд, наиболее фундаментальные работы Н.С. Данакина, А.В. Дмитриева, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Кудрявцева, других социологов, юристов, политологов [7]. Исследуются реальные конфликты на производстве [8], среди различных социальных слоев [9], межэтнические и иные конфликты [10].

При этом высказываются разнообразные точки зрения на характеристики социального конфликта, его природу, составляющие элементы, условия элиминации наиболее негативных последствий противоборства.

Для нас наибольший интерес в этой связи представляет дискуссия о том, что, собственно, считать социальным конфликтом, а что относится к иным коллизиям, например к социально-психологическим. Эта дискуссия, по сути, отражает неполную проясненность проблемы и в западной социологии, из которой осмыслено или не вполне осознанно черпается арсенал анализа реальной ситуации на всех уровнях социальной организации нашего общества. Часть авторов при этом однозначно полагает, что понятие «социальный конфликт» применимо лишь к противоборству больших социальных групп. Так, А.И. Желтухин, категорично настаивает, что «под социальным конфликтом надо понимать макросоциологические процессы, имеющие кратковременные исторические последствия: изменение соотношения сил в общественной иерархии или экономического статуса больших групп, политические катаклизмы, смена правительства хозяйственная дестабилизация» [11]. Говоря о вовлеченности в конфликты и людей, и социальных групп, А.Г. Здравомыслов все же под социальным понимает конфликт групп, общностей, этносов. В то же время социолог отмечает, что любой макроконфликт, особенно политический и ценностный, обладает свойством их персонификации [12]. С точки зрения В.Н. Шаленко, социальный конфликт – всегда борьба, порожденная конфронтацией общественных и групповых интересов, а не индивидуальных, но на протекание конфликта (объективная конфликтная ситуация), выход из него огромное воздействие в любом случае оказывает личностная позиция его участников (субъективная сторона конфликта), тем более, что конфликт может носить социальный характер и в случае его локальности, замкнутости на небольших группах [13]. По мнению Л.И. Найденовой, понятие «социальный конфликт» применимо в первую очередь к различным социальным общностям и группам, в качестве которых могут быть представлены и семья, и определенный социальный слой, и политическая партия. В то же время, по мнению исследователя, конфликт даже внутри группы, даже между несколькими индивидами может быть определен как социальный, поскольку эти лица могут представлять разные социальные группы [14].

Мы разделяем последнюю точку зрения, а именно полагаем, что и на макро- и микросоциальном уровнях может разворачиваться, проходить определенные

стадии, затухать и возобновляться, стремиться к обострению или спонтанно затихать именно социальный конфликт. Для нас эта констатация важна не потому, что мы стремимся сделать социальные проявления глобальными, что мы не отдаем дань очевидному, а именно тому, что и в обществе в целом, и во всех его структурных элементах могут присутствовать и социально-психологические явления, и межличностные взаимодействия, требующие для анализа иных подходов, приемов, методов. Социальность конфликта для нас не связана, как у только что цитируемого автора, с принадлежностью лиц, вступивших в конфликт, пусть даже межличностный, к различным социальным слоям, группам.

В дальнейшем анализе мы предполагаем исходить из следующих, существенно важных, на наш взгляд, моментов.

Во-первых, мы полагаем необходимым выделить две составляющие, два элемента конфликта: форму его протекания, развертывания и его содержание.

Конфликт, по нашему убеждению, по форме и по содержанию может быть межличностным. Это означает, что столкновение взглядов, позиций протекают в форме спора, изложения разнородных взглядов на какие-либо внутригрупповые или сугубо личные проблемы, несогласия, расхождения, обиды, умолчания и прочих вполне личностных видов взаимодействия. И содержание такого конфликта также может быть межличностным, то есть касаемым характеров, поступков, поведения, действия какого-либо лица, индивида, не выходящих за рамки непосредственного взаимодействия участников столкновения мнений, интересов. Иногда такой конфликт может характеризоваться как квазисоциальный, то есть весьма незначительно, условно затрагивающий статусные позиции индивидов, их взаимодействия в более широком социальном контексте.

Но конфликт может быть по форме межличностным, а по содержанию – социальным. Это означает, что столкновение двух или более личностных позиций отражает, выражает социальные процессы, явления, характеризующие ситуацию в обществе в целом или в больших социальных группах, общностях. Справедливо, к примеру, отмечает А.В. Дмитриев, что иногда конфликт двух личностей (например, М. Горбачева и Б.Н. Ельцина) по своему значению, драматической напряженности, последствиям с точки зрения социума в целом может быть гораздо существеннее, чем целая сумма межгрупповых конфликтов [15]. Рассматривать социальность или несоциальность какой-либо коллизии лишь по числу вовлеченных в нее субъектов нам не представляется продуктивным потому, что такое прямолинейное дробление, членение конфликтов не позволяет привлечь иные методы анализа реальных ситуаций, уведет исследование действительно в сугубо психологическом, эмоционально окрашенном направлении.

Таким образом, мы полагаем важным в большинстве столкновений, конкурентных противостояний, в том числе и внутри малых групп, усматривать социальную их сторону. Это позволит, на наш взгляд, выходить на уровень обобщений, отталкиваясь от взаимодействий на микросоциальном уровне, переходить к заключениям о ситуации в целых сферах современного российского общества, за малыми проявлениями конфликтности увидеть общую дезинтеграционную картину нашего социума. А.Г. Здравомыслов выделяет, по нашему мнению, вполне обоснованно понятие социального конфликта в узком смысле слова. Это

конфликт по поводу средств жизнеобеспечения: уровня заработной платы, использования профессионального и интеллектуального потенциала работника, уровня цен на самые необходимые материальные блага и т.п. [16]. Как видим, это внешняя локальность, столкновение с непосредственным «обидчиком», будь это менеджер фирмы или сотрудник жилищно-эксплуатационного управления (ЖЭУ), может носить социальный характер, выражать общее умонастроение, показывать общую ситуацию в обществе.

Во-вторых, нам представляется полезным выделить в социальных конфликтах субъективную и объективную стороны. Под субъективной стороной конфликта мы понимаем осмысленную, вскрытую, «увиденную» субъектом – участником конфликта – его предметность, направленность, сущностную характеристику. Под объективной стороной конфликта мы понимаем его внутреннюю логику, латентную сторону, недоступную, пусть какое-то даже непродолжительное время, для понимания, проникновения в его суть участниками противостояния. Объективная сторона конфликта – это та его грань, которая пусть даже не сразу, но может быть просчитана, осмыслена третьей стороной, что, на наш взгляд, важно с точки зрения определения путей выхода из конфликта, минимизации потерь при его разрешении. Как видим, выделение субъективной и объективной сторон конфликта отражает лишь позиции вовлеченных в него лиц, групп и т.д. Но нам такое выделение представляется важным с точки зрения констатации того обстоятельства, что далеко не все участники макро- и микросоциальных конфликтов в состоянии просчитать их последствия, выявить все элементы, сложности, подспудные, непроявленные грани коллизионных ситуаций. Надо к тому же иметь в виду, что рационализации конфликтного поведения мешает эмоциональная напряженность, личностная позиция, которые всегда сопутствуют конфликтам.

Таким образом, как представляется, нам удалось показать, что конфликтологический подход все более становится свойственным и для отечественной социологии. И это позволяет вполне обоснованно, имея необходимый инструментарий, анализировать реальную ситуацию на разных уровнях социальной организации нашего общества. Это тем более важно, как справедливо, на наш взгляд, отмечает А.Г. Здравомыслов, что одна из особенностей современного российского массового сознания заключается в понимании конфликтности отношений и взаимодействий. Надежда на партнерство отступает перед действием непосредственных личных интересов и тех конфликтов, в которые человек втягивается в борьбе за существование, за выживание, за обретение или восстановление социального статуса [7, с. 57].

Наиболее зримо проявляются конфликтные ситуации не только в сфере межнациональных или сугубо политических отношений, что, как правило, усиленно тиражируется средствами массовой информации, но и на производстве, в области трудовых отношений и взаимодействий. По данным Е.Д. Игитханян, например, исследования 1997 года выявили, что только 5 процентов согласны с тем, что между частными собственниками, а также директорами государственных предприятий и учреждений и наемными работниками существуют отношения сотрудничества. 31 процент из них считает эти взаимодействия конфликт-

ными, а 25 процентов характеризуют их как нейтральные [7, с. 51]. Возрастание уровня конфликтности на производстве фиксируют многие другие авторы. Так, Г.А. Колбин и И.В. Фросина, проводящие регулярно с конца 1994 года социологические замеры на Нижнетагильском металлургическом комбинате, не просто констатируют систематический рост конфликтности, но и отмечают своеобразную производственную аномию, когда значительная часть работников (до 35 процентов от числа опрошенных в 1999 году) считают наиболее характерным для настоящего времени невыполнение работниками своих прямых обязанностей, ухудшение социального микроклимата [18].

Таким образом, вполне оправдывается экспертный прогноз 1993 года о том, что конфликты в сфере экономики будут набирать обороты (об усилении конфликтов говорило 39 процентов опрошенных специалистов) [19].

Все вышеизложенное позволяет нам утверждать, что исследование конфликтов с учетом их российской специфики, а также не просто адаптация, а максимально творческое отношение к зарубежному опыту, западным конфликтологическим построениям исключительно актуально для настоящего российского социума в целом, всех уровней социальной организации, и в первую очередь для производственных коллективов как носителей одних из существенных взаимодействий и отношений.

Производственные коллективы в России сейчас – весьма разнообразные образования, фактически отмечается сосуществование коллективов разных типов и видов. Продолжающаяся трансформация отношений собственности, переход к многоукладной экономике, в которой не просто уживаются, а все яснее, настойчивее заявляют о себе частные фирмы, компании, акционерные общества, вызвала к жизни коллективы, чьи содержательные характеристики, порядок формирования, механизм функционирования отличаются беспрецедентной для последних десятилетий новизной. По самому существенному, своего рода несущему основанию мы выделяем в настоящее время коллективы двух видов: первый мы условно называем традиционным (коллектив советского типа), второй – постперестроечным, современным. Хотелось бы в этой связи сделать одну оговорку. Коллектив, называемый нами коллективом советского типа, это не обязательно тот, который возник в известный период истории нашей страны. Такое производственное социальное образование может действовать и сравнительно недавно, но по характеру господствующих в нем отношений, взаимодействий упование на команды и распоряжения начальников, свойственное большинству сотрудников; скрытое, а то и явное небрежение многими обязанностями; показной энтузиазм при сравнительно безответственном отношении к делу, качественным параметрам личного трудового вклада и т.п. Такие коллективы сохранились в немалом количестве с прошлых времен, получают в известном смысле продолжение существования и в трансформировавшихся видах (официальный статус, к примеру, может быть акционерного общества, а фактически могут сохраняться все признаки прежнего коллектива). Традиционные коллективы в силу известных причин, связанных прежде всего со свертыванием производства, падением выпуска многих промышленных товаров, заметно снизили свой численный состав. Уменьшилось и их количество.

Все больше заявляют о себе, как мы уже отмечали, коллективы современного типа. Они имеют много специфических черт. К ним мы прежде всего относим малочисленность персонала в подавляющем большинстве таких коллективов в сравнении с традиционными, которые имели в своем составе порой до нескольких десятков тысяч человек. Сейчас наблюдается своего рода атомизация коллективов, распыление их на огромное число небольших, контактных, слабо между собой связанных производственных единиц. Другой особенностью современных производственных коллективов мы считаем кардинальную смену ценностных ориентаций, установок весьма значительной части их персонала. Еще в начале 90-х годов, как свидетельствуют исследования, молодое поколение производственных коллективов было в большей мере ориентировано на потребление, чем на творческое созидание и саморазвитие личности. В делах трудовых коллективов стремилось участвовать меньше половины опрошенных. В разработке и формировании производственных программ, нацеленных на снижение затрат, экономию ресурсов и материалов, участвовал лишь каждый пятый молодой производственник [20]. Коллективы нового типа все больше превращаются из значимых социальных образований, в которых индивид в состоянии реализовать свои задатки, способности, удовлетворить не только меркантильные, но и досуговые, иные социализирующие потребности, в сугубо инструментальные сообщества, ориентированные лишь на максимальное извлечение прибыли да ее более или менее справедливое распределение среди участников производственного процесса. Этому, естественно, в немалой степени соответствует сам рыночный механизм хозяйствования, особенно в его нынешней российской интерпретации, когда нелиберальный тип сознания большинства субъектов рыночных отношений пытается лишь играть в либеральные, человекоориентированные ценности [21].

Нельзя обойти вниманием и такую существенную особенность коллективов современного типа, как появление принципиально иных зависимостей в них.

Речь идет о том, что наиболее характерными для таких коллективов являются взаимодействия и связи между не просто главенствующими, начальствующими индивидами и подчиненными, а между реальными владельцами, хозяевами производственных единиц и лицами наемного труда. Это существенно меняет обстановку в коллективах, порождает новые конфликтные зоны в них, а разрешение коллизий, противостояния делает более сложным, чем прежде.

Разумеется, мы отдаем отчет, что перечисленные специфические черты современных коллективов, вероятно, не исчерпывают их полного перечня. Тем не менее и отмеченные характеристики позволяют нам говорить как о старых, так и новых линиях, направлениях конфликтов в производственных коллективах.

Производственные коллективы, созданные на прежних основаниях и прежде всего финансируемые из бюджета федерального или регионального, в довершении к конфликтам внутренним, о которых мы еще скажем, получили новую конфликтогенную социальную зону, выходящую за их рамки. Так, еще в 1996 году отмечалось, что основной причиной социальной напряженности в таких коллективах являются экономические неурядицы, связанные с задолженностью федерального бюджета и несвоевременной в силу этого выплатой заработной платы. На это указывало более трети опрошенных. В группе же работников,

которые на момент опроса вообще не получили зарплаты за предыдущий месяц, 67 процентов отметили в качестве наиболее частой причины конфликтов несвоевременность выплат [22]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), главными носителями настроений протеста являются неквалифицированные рабочие. При этом доля потенциальных участников противостояния с государственными структурами, от которых зависит поступления денежных средств, увеличивается с ростом возраста опрашиваемых: среди молодых готовы идти на обострение конфликта 19 процентов, тогда как среди пожилых и старых работников – 31 процент [23]. Как видим, молодые производственники даже в условиях откровенного нарушения обязательств государства перед работниками бюджетных предприятий и организаций более сдержанно относятся к участию в каких-либо массовых акциях, последствия которых всегда сложно спрогнозировать.

Но, разумеется, конфликтный потенциал традиционных коллективов реализуется далеко не только вовне. По-прежнему дают о себе знать конфликты между компетентными и откровенно малограмотными сотрудниками, привыкшими когда-то к существованию, по сути, в условиях пожизненного найма и гарантированной зарплаты. Проявляются и конфликты между новаторами и консерваторами. Последние не умеют работать в условиях резких перемен, постоянной необходимости подстраиваться к конъюнктуре, не готовы осваивать смежные специальности, профессии, чтобы расширить свои адаптационные возможности. Такие сотрудники, как правило, готовы довольствоваться достигнутым статусным положением и даже не очень высокой оплатой труда. Главная их забота – «досуществование» до пенсионного возраста и возможный переход на более легкие участки работы. В то же время в коллективах и традиционного типа всегда были те, кто стремится вывести свое производство, предприятие, организацию на более высокий уровень, внедрить инновационные технологии и т.п.

Описание указанных конфликтов отнюдь не означает, что они свойственны только прежним, традиционным коллективам. В то же время производственные коллективы нового типа имеют немало достаточно новых ситуаций противостояния и противостояния групп, индивидов. Что касается конфликтов, обращенных вовне коллектива, то здесь речь идет не о недоплатах из бюджета, а о конфликтах с фискальными органами (прежде всего налоговыми, которые руководствуются и законодательными актами, и ведомственными инструкциями, фактически не оставляя места для реального рыночного механизма и средств для саморазвития коллективов). Часто этому конфликту фактически удается приписать некоторую смещенность. Речь идет о том, что реальный конфликт с контролирующими органами и службами стремятся всемерно превратить в конфликт сугубо межличностный и разрешить его именно на этом уровне. Иными словами, компромисс ищется с личностью, с руководителем органа, а не с самой процедурой, нормой, законом, что во многом остается невозможным.

Что касается внутриколлективных конфликтов, то можно, прежде всего, отметить противостояние в новых коллективах тех, кто готов действовать и реально действует только в рамках законодательства, пусть даже несовершенного, и тех, кто, имея целью извлечение максимальной прибыли, а значит, и более ус-

пешного решения своих материальных проблем, готов пожертвовать правом, идти на нарушения, вуалируемые и явные. И включенные наблюдения автора, и данные экспертных оценок показывают, что такой конфликт реально имеет место, достаточно распространен. Среди рабочей и учащейся молодежи, к примеру, как показывают замеры уральских социологов, более трети (38 процентов) лично для себя допускают возможность нарушения правовых норм [24].

Однако им достаточно активно противостоят те, кто полагает, что жизнь, в том числе и производственная, должна строиться на основе права. 66 процентов респондентов в масштабном исследовании считают, что одна из важнейших задач состоит в том, чтобы повсеместно был наведен порядок и соблюдались нормы и предписания [25].

Известной новизной отличается и такой конфликт, как противостояние между компетентными подчиненными и некомпетентными руководителями. Отмечая этот конфликт, мы вовсе не утверждаем, что такого не встречалось прежде. И все же характер, условия формирования новых коллективов, появление руководителей-хозяев в условиях первоначального накопления капитала, «отмывания» криминальных денег и т.п. сделали этот конфликт едва ли не основным. Инженерно-технические работники, специалисты, по сути, во всех отраслях народного хозяйства находятся в ситуации вынужденной адаптации, когда резко сменившиеся методы руководства, управления в условиях массовой безработицы оставляют им очень мало места для социального маневра и заставляют вместе с тем вступать в конфликт, отстаивая свое право на мнение относительно перспектив производства, а зачастую и относительно элементарных проблем его функционирования. Модели такого адаптационного поведения различны, но цель его одна: отстоять достоинство и вместе с тем сохранить рабочее место, а вместе с ним и хоть некоторую уверенность в завтрашнем дне.

Для коллективов современного типа характерен и конфликт между теми, кто лишь имитирует трудовое участие и теми, кто принял новые условия экономического поведения, стремится максимально эффективно и грамотно действовать в рыночных рамках. Дело в том, что самооценку труда, и без того не слишком проявлявшаяся в нашем обществе, имеет явную тенденцию к исчезновению. Все большее число индивидов ориентировано на потребление, получение материальных благ и все меньшее число работников связывает это с напряженным, творческим трудом. Среди молодежи мастерство и профессионализм как факторы личностного самоопределения передвинулись со 2-го в 1990 году на 6-е место к концу 90-х годов. Высокие показатели в работе понизились в ранге: с 5-го переместились на 9-е место [26]. Как видим, такой подход к делу, отношение к труду не может не порождать конфликтов, вызывать социальное напряжение на производстве.

Подводя некоторый итог сказанному, хотелось бы подчеркнуть, что практическое приложение конфликтологических концепций и теоретических построений, в том числе и западных, исключительно актуально для положения дел на современном российском социальном пространстве и не в последнюю очередь – в производственных коллективах, где во множестве разворачиваются конфликты, затрудняя выход из кризисной ситуации, разрушая и без того не очень прочные основы социальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.
2. *Селлин Т.* Конфликт норм поведения // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1966. С. 282-284.
3. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. №5. С. 145.
4. *Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998. С. 71.
5. *Крисберг Л.* Мирозидание, мирозохранение и разрешение конфликтов // Социологические исследования. 1990. №11. С. 29.
6. *Андреенкова Н.В., Воронченкова Г.А.* Развитие трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике // Социологические исследования. 1993. №8. С. 24
7. См., например: *Данакин Н.С.* Конфликты и технология их предупреждения. Белгород, 1995; *Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н.* Введение в общую теорию конфликтов. 2-е изд. М., 1998; *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995.
8. *Зайцев А.К.* Социально-трудовой конфликт – это норма // Социологические исследования. 1993. №8; *Платонов Ю.В.* Социальные конфликты на производстве // Социологические исследования. 1991. №1; *Шаленко В.Н.* Конфликты в трудовых коллективах. М., 1992 и др.
9. *Денисова Г.С.* Социальное расслоение как фактор напряженности в городе // Социологические исследования. 1992. №9; *Кваша А.* Социально-демографические проблемы роста социальной напряженности // Вестник статистики. 1992. № 1 и др.
10. *Рубан Л.С.* Развитие конфликта-консенсуса в полиэтнических регионах. М., 1998; *Сикевич З.В.* Этносоциология. СПб., 1994; *Тимофеева Л.Н.* Политическая конфликтология. М., 1996 и др.
11. *Желтухин А.И.* Социологическая концепция конфликта // Социологические исследования. 1994, № 4. С. 140.
12. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995. С. 132.
13. *Шаленко В.Н.* Конфликты в трудовых коллективах. М., 1992. С. 4, 26-27.
14. *Найденова Л.И.* Социологические теории конфликтов и их разрешения // Социально-политический журнал. 1994. №2. С. 81, 88.
15. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. М., 2000. С. 95.
16. *Здравомыслов А.Г.* Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 16.
17. Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания («Круглый стол») // Социологические исследования. 1998. №12.
18. *Колбин Г.А., Фросина И.В.* Фокус-группы на предприятиях // Социологические исследования. 1999. №2. С. 119
19. *Косалс Л.Я, Рывкина Р.В.* Социология перехода к рынку в России. М., 1998. С. 219.
20. *Сперанский В.И.* Конфликтогенные факторы социальной напряженности // Социально-политический журнал. 1996. №2. С. 160-161.
21. *Петров И.И.* Новый либерализм для России: уроки западных дискуссий // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 73-74.
22. *Хибовская Е.А.* Трудовые конфликты: причины, результаты и способы разрешения // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1995. №3. С. 21.

23. Левада Д. Массовый протест: потенциал и предел // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1997. №3. С. 8.

24. Попов В.Г. Молодежь в сфере криминального влияния // Социологические исследования. 1998. №5. С. 77.

25. Ослон А.А. Хроника пикирующего общества // Социологические исследования. 1997. №8. С. 112.

26. Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. №3. С. 95.

А.И. Терентьев

(Калининградский государственный университет)

Г.Н. Дорожнова

(Калининградский областной комитет государственной статистики)

СЕЗОННЫЕ ВОЛНЫ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ¹

Государственные и научные учреждения, специализированные частные фирмы развитых стран рыночной экономики тщательно отслеживают ежемесячное (ежеквартальное) изменение важнейших макроэкономических индикаторов развития своей страны (в том числе – на уровне регионов) и, как правило, нескольких других стран, формируя соответствующие временные ряды и компьютерные базы данных. Аналогичная работа ведется и рядом международных организаций. При этом известно, что большинство воспроизводственных процессов экономики имеет в течение года весьма неравномерный, но в общем – закономерный сезонно-циклический характер (за исключением периодов коллизий). Поэтому для обеспечения независимости индикаторов состояния экономики от времени года (построения «гладких» временных рядов наблюдений) прибегают обычно к математическому «сглаживанию» сезонных волн (циклов) с применением специальных компьютерных программ. В качестве иностранного примера посмотрим вначале сезонные волны объема располагаемого дохода экономики далекой Японии (рис. 1), построенные по данным, опубликованным в [1].

В рассматриваемом периоде располагаемый доход, как видно, неуклонно, почти линейно возрастает без существенных отклонений от тренда, что свидетельствует о благополучном в целом состоянии экономики страны.

В отечественной экономической статистике исторически сложился несколько иной подход. Для оценки внутригодовой экономической ситуации на уровне страны и регионов до последнего времени применялось сопоставление в процентах объема производства валового внутреннего (регионального) продукта (ВВП, ВРП) за текущий период (месяц, квартал, с начала года) с аналогичным периодом предшествующего года. Такой подход не позволял, очевидно, получить текущую оценку и отследить доминирующую тенденцию развития (тренд) интересующего экономического процесса.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) – проект № 98- 02-02285.

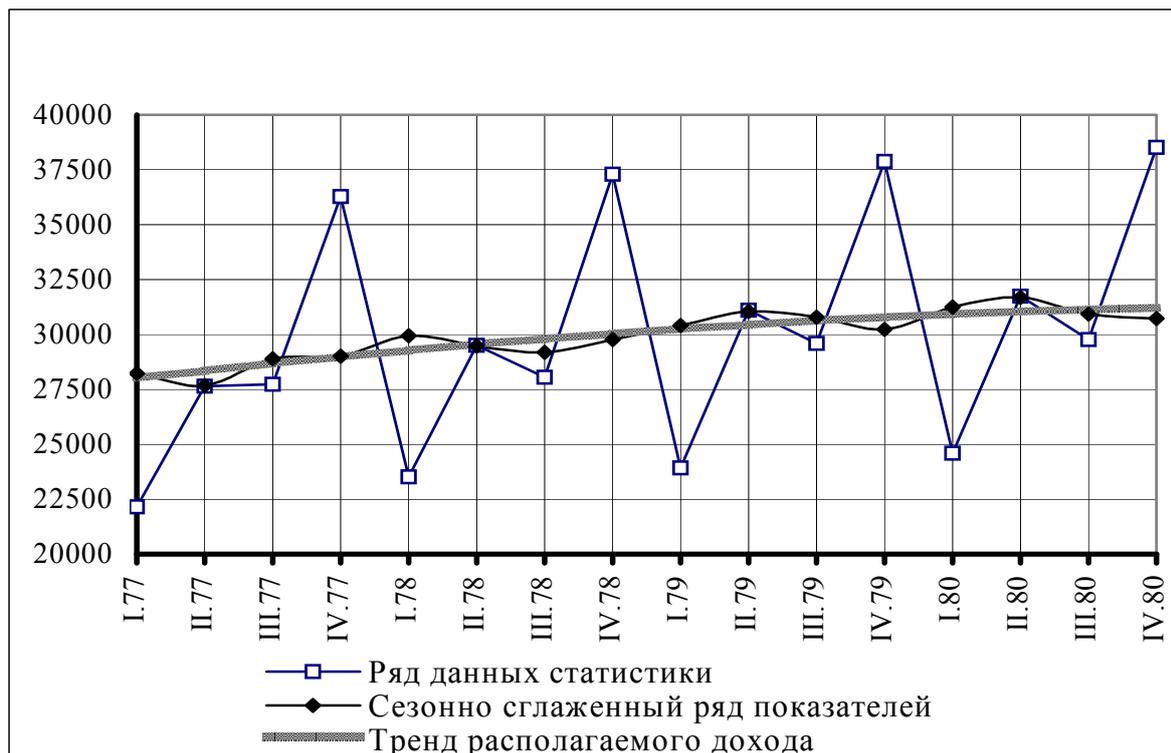

Рис. 1. Динамика располагаемого дохода Японии в ценах 1975 г., млрд. йен в квартал

Переломным моментом в методологическом плане можно считать, по-видимому, определение времени стабилизации объема производства ВВП России. Около года спустя после его наступления, когда в Центре еще говорили о непрекращающемся спаде производства ВВП, на помощь пришли специалисты из Международного валютного фонда (МВФ) со своей компьютерной программой [2].

Заместитель председателя Госкомстата России в связи с этим отметил, что его ведомство «признает свою вину в том, что, поскольку оно не владело таким методом, то просмотрело изменение тренда со спада на стабилизацию» [2].

Несколько позднее (сентябрь-октябрь 1998 г.) в работе [3] практические вопросы методологии сглаживания сезонных циклов характеризуются так. «Традиционно применяемые на практике процедуры расчета коэффициентов сезонности (например, в Госкомстате России или в Институте экономики РАН) действительно нуждаются в длительных базисных периодах. Однако по своему характеру они сугубо эвристические и не опираются на какие-либо объективные критерии». Первый из авторов работы [3] предлагает «принципиально новый оптимизационный подход». Между тем данную задачу нельзя назвать принципиально новой, ее решение рассматривается в современных учебниках экономического анализа (например, [4]), а также в других отраслях науки. В результате помощи специалистов из МВФ и отчасти – из российской Генпрокуратуры в Госкомстате РФ больше не существует, по-видимому, проблемы сглаживания сезонных волн. Так, в работе [5] уже опубликован поквартальный график сезонных циклов

и первые результаты построения тренда ВВП России на основе сезонно сглаженного временного ряда наблюдений с I кв. 1995 г. по I кв. 1998 г. включительно. На этом графике минимум тренда ВВП России точно совпадает по времени с тем, что был определен специалистами из МВФ – ноябрь 1996 г.

Аналогичный график, но уже по ВРП Особой экономической зоны (ОЭЗ) в Калининградской области был опубликован несколько ранее в областной газете [6] (рис 2).

Рис. 2. Динамика производства ВРП в ценах 1994 г., млрд. руб. в год

Однако, прежде чем на компьютерном мониторе появилась первая сезонная волна Калининградского ВРП, в Калининградском областном комитете государственной статистики (Калининградоблкомстат), в связи с потребностью информационного обеспечения упомянутого проекта РГНФ, была впервые начата работа по формированию поквартальных временных рядов требуемых показателей развития экономики ОЭЗ. Это начинание пришлось кстати. Оно несколько досрочно открыло очередной, качественно новый этап внедрения системы национальных счетов (СНС) России [7] в Калининградской области. Об итогах этой работы в прошедшем году можно вкратце сказать – *в 1998 г. в Калининградоблкомстате впервые исчислены поквартальные временные ряды важнейших показателей производства и использования ВРП Калининградской области согласно методологии СНС России за 1995-1997 гг.* Причем чрезвычайно важное для макроэкономической теории и приложений исчисление *ВРП области по методу использования* [7] произведено вообще впервые (пока, правда, с элементами экспертной оценки).

Необходимые математические операции над исходным рядом данных статистики для построения графика (рис. 2) выполнены с помощью пакета исследовательских программ ANTE98, предназначенного для прогностической идентификации закономерностей экономики [8]. Специально включенная в пакет оригинальная программная процедура обеспечивает:

- идентификацию и формализацию циклической закономерности (сезонной волны) на основе поквартального или помесечного временного ряда показателей;
- элиминацию сезонной волны из исходного временного ряда (получение временного ряда сезонно сглаженных показателей, рис. 2);
- идентификацию и формализацию доминирующего тренда на основе временного ряда сезонно сглаженных показателей (выбор математической формы тренда и оценку его параметров, рис. 2).

Годовые суммы значений сезонно сглаженных поквартальных (помесечных) показателей временного ряда остаются при этом равными исходным годовым суммам этих показателей. Это равенство необходимо для беспрепятственного перехода от одной временной шкалы исчисления показателей к другой (например, от поквартальной шкалы – к погодовой). Что касается оптимизационного подхода и объективных критериев, о которых говорится выше в цитатах из работы [3], то в пакете программ ANTE98 и то и другое содержится изначально (ANTE95). Оптимизация моделей относительно вектора объективных критериев относится к основным принципам прогностической идентификации закономерностей экономики [8].

После включения в пакет программ ANTE98 дополнительно специфических модулей программная процедура сглаживания сезонных волн и построения тренда протестирована вначале на иностранной информации (временной ряд располагаемого дохода Японии) на глубину от 16 до 44 кварталов [1]. О результатах тестирования компьютерной процедуры на временном ряде в 16 кварталов можно судить по графикам (рис. 1).

В отличие от [6], в данной редакции рис. 2 дополнен отдельным графиком модели сезонной волны, после элиминации которой полученный сезонно сглаженный ряд показателей содержит только «мелкую рябь» естественных флуктуаций. Стрелка на рис. 2 указывает расчетную точку минимума тренда объема производства ВРП, свидетельствующую, **что стабилизация производства ВРП Калининградской области наступила впервые в III квартале (августе) 1996 г.**, что формально на квартал раньше, чем по России в целом. Но с учетом вероятной погрешности статистических данных можно ориентировочно полагать – практически одновременно.

Чтобы убедиться в истинности результата и получить более глубокое представление о состоянии регионального производства, были выполнены аналогичные исследования сферы материального производства, сферы услуг, а также 16 укрупненных отраслей экономики, сгруппированных на основе общегосударственной структуры отраслей [7]. Результаты вычислительных исследований исключают сомнения в истинности имевшего место факта стабилизации производства ВРП. Об этом свидетельствуют приведенные ниже рисунки 3 и 4, иллюстрирующие сезонные волны и тренды объемов производства товаров и услуг в ОЭЗ.

Расчетный момент минимума тренда объема товарного производства (рис. 3) соответствует IV кварталу (ноябрь) 1996 г. Минимум же объема производства услуг был пройден раньше, а в рассматриваемом периоде наблюдается его неуклонный рост (рис. 4).

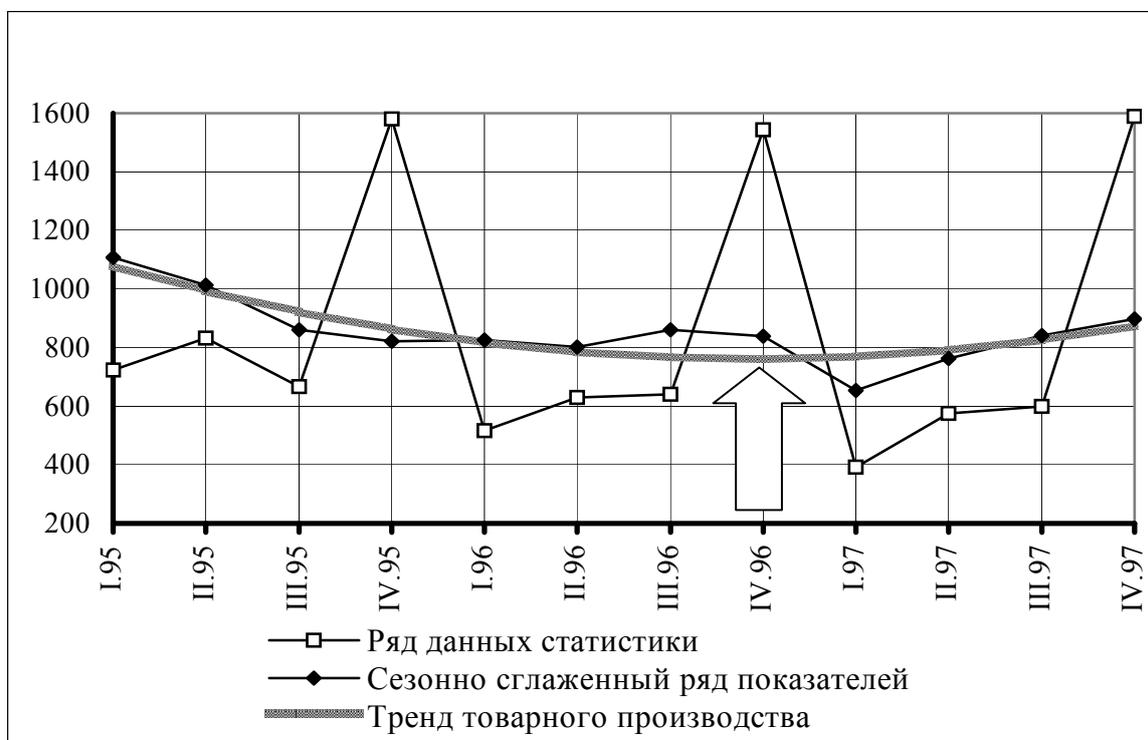

Рис. 3. Динамика объема товарного производства в ценах 1994 г., млрд. руб. в год

Рис. 4. Динамика объема производства услуг в ценах 1994 г., млрд. руб. в год

Объем ВРП по методу использования V_u исчисляется согласно уравнению [1]:

$$V_u = P + I + G + E - J + Er - Jr,$$

где P – конечное потребление домашних хозяйств;

I – валовое накопление;

G – конечное потребление государственных учреждений;

E и J – объем экспорта и импорта соответственно;

Er – объем вывоза товаров и услуг в регионы России и СНГ;

Jr – объем ввоза из регионов России и СНГ.

Численно величина ВРП, определенного по методу использования, может отличаться от ВРП, исчисленного производственным методом, что отражается, например, в официальных публикациях по ВВП России [5]. Дело в том, что имеется расхождение темпов производства ВРП с темпами его использования, которое объясняется их различной товарной структурой, наличием статистического расхождения между этими показателями, а также особенностью методологии исчисления используемых в расчетах индексов цен. Однако данное различие численно невелико, и оно практически не сказывается на форме сезонных волн ВРП. На рис. 5 показана динамика наиболее крупного слагаемого использования ВРП – конечного потребления товаров и услуг домашними хозяйствами, объем которого в 1994-1997 гг. составил 64,9-76,1 % ВРП.

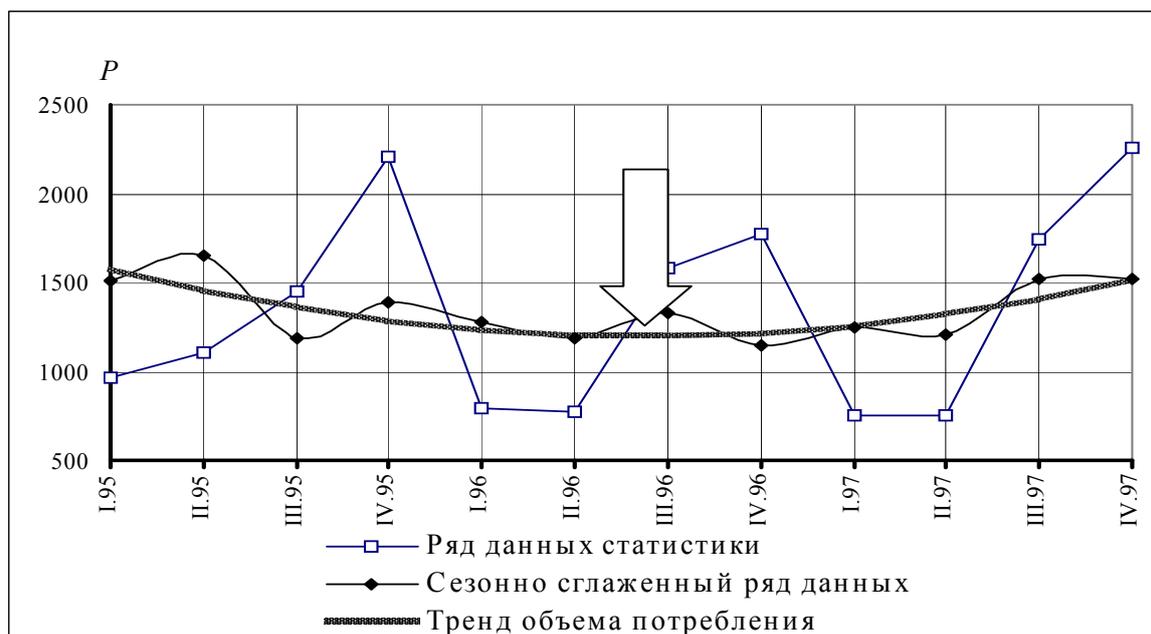

Рис. 5. Показатели конечного потребления домохозяйств в ценах 1994 г., млрд. руб. в год

Неравномерность потребления домохозяйств в течение года подобна производству ВРП – почти такие же сезонные циклы (рис. 5), аналогичные результаты элиминации сезонной волны и построения тренда объема конечного потребления. Причем расчетная точка минимума тренда потребления всего на месяц опережает аналогичную точку производства ВРП. Вместе с тем не все слагаемые

использования ВРП подвержены регулярному сезонному изменению, подобно потреблению домохозяйств, имеющему тесную корреляционную связь с объемом производства ВРП. Так, объем экспорта и импорта в большей степени связан с экзогенными факторами, влияние которых имеет не всегда сезонно-циклический характер.

Построение поквартальных временных рядов важнейших показателей развития экономики ОЭЗ и их сезонное сглаживание в 4 раза увеличивает число доступных для анализа наблюдений. Это открывает принципиально новые и многочисленные возможности для эконометрического моделирования, исследований и прогнозов. Так, на основе поквартальных временных рядов за 1995-1997 гг. впервые построено несколько вариантов макроэконометрических моделей региона и выполнен макроэконометрический анализ состояния экономики ОЭЗ согласно методологии СНС России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Математическая экономика на персональном компьютере / Пер. с япон. М.: Финансы и статистика, 1991.
2. Дошли до точки. Поворотной? // Калининградская правда. 1997. 21 ноября.
3. Ковальджи А.К., Марьясин М.Ш. Построение индекса социальных условий // Проблемы прогнозирования. 1998. № 5. С. 140-145.
4. Баканов М.И., Шеремет А.Д. Теория экономического анализа: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 1997.
5. Национальные счета России в 1989-1996 годах: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998.
6. Терентьев А.И., Дорожнова Г.Н. Поворот на подъем // Свободная зона. 1998. 21 июля.
7. Методологические положения по статистике. Вып. 1. Госкомстат РФ. М.: Логос, 1996.
8. Терентьев А.И. Программы прогностической идентификации закономерностей экономики // XXVIII науч. конф. проф.-препод. сост., науч. сотр., аспирант. и студ.: Тез. докл.: В 6 ч. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1997. Ч. 6. С. 57.

Г.И. Хлебников

(Калининградский государственный университет)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЦИОНАЛЬНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЗЕМЛИ ГОРОДА

Земля для человечества является важнейшим объектом материального мира. Не будь земли – не было бы и человечества со всеми его проблемами. Человеческий гений изобретает невиданные ранее средства, которые устареют, на их смену придут еще более гениально придуманные средства, которые тоже будут морально устаревать и заменяться новыми изобретениями. Однако всегда самым гениальным изобретением будет земля, и ее морально не состарит никакой промежуток времени.

Никакой иной объект материального мира не заменит человечеству землю, ибо нет такого объекта.

К понятию «земля» (terra) относятся все естественные ресурсы, применяемые в производственном процессе большинства отраслей экономики, – сельскохозяйственные угодья, включая пашню, леса и многочисленные насаждения, месторождения полезных ископаемых, водные ресурсы (определение – из учебника В.В. Жабина, В.И. Нилиповского «Денежно-кредитный механизм управления земельными ресурсами»).

Земля как средство относится к числу невозпроизводимых, ограничена по площади и ничем не заменима. Земля обладает прекрасным свойством: при правильном использовании ее плодородие повышается, поэтому она является вечным средством производства. Другие средства производства изнашиваются и с течением времени выходят из употребления. «Проблема рационального использования земель городов и других населенных пунктов имеет ряд аспектов – градостроительный, экологический, экономический, социальный, исторический, юридический. Рациональное использование земель населенных пунктов означает эффективное их использование в целом и каждого вида в отдельности в соответствии с их целевым назначением; установление правильного количественного и качественного соотношения между отдельными видами. Требуется так занять минимальную земельную площадь, чтобы разместить максимальное количество жилых зданий, учреждений, организаций и несельскохозяйственных предприятий, а также достаточную сеть дорог, площадей, парков, бульваров, зеленых насаждений в соответствии с научно обоснованными нормами; обеспечить интенсивное использование городских сельскохозяйственных угодий, а также земель промышленности, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики и космического обеспечения, энергетики, обороны и др.; санитарную охрану городских лесов, водоемов и всей окружающей среды. В конечном счете все это призвано повышать эффективность капитальных вложений, направляемых в градостроительство и строительство других поселений» [1].

Практически любое явление, предмет или объект материального мира имеет две основные стороны: количественную и качественную. С этих позиций и должны определяться критерии рационального использования земель. Рассмотрим их по отдельности.

Количественный критерий рационального использования земель выражается в двух основных параметрах: а) экономное использование земли, что диктуется необходимостью разрешения противоречия между ограниченностью земельного массива государства и возрастающими потребностями в земельных участках для размещения производственных мощностей и других объектов, расширения распашки для удовлетворения потребностей в продовольствии растущей численности населения и т.д. Поэтому при отводе земель под строения и сооружения отводимая площадь должна быть разумно обоснована либо не превышать установленных нормативными актами пределов отвода; б) экономное использование земли должно достигаться не только экономией земельных площадей при отводе под те или иные объекты, но и рациональным совмещением линий электропередач с дорогами; применением сервитутов для смежного участка, с тем, чтобы не отводить дополнительные земли под дорожное полотно и т.д.

Качественный критерий рационального использования земель выражается в сохранении прежде всего производительной силы как главного средства производства сельскохозяйственной продукции [2].

Суть управления земельными ресурсами заключается в целенаправленном воздействии субъектов управления на земельный капитал с целью приведения земли в новое качественное состояние. В настоящее время система государственного управления земельными ресурсами включает в себя проведение следующих мероприятий:

- нормативно-правовое обеспечение регулирования землепользования;
- планирование и прогнозирование использования земель;
- создание системы земельного кадастра;
- осуществление инвентаризации земель с разработкой земельного баланса территории;
- регистрацию землевладений и землепользований сделок с объектами недвижимого имущества;
- организацию рационального использования и охраны земель на основе планов земельно-хозяйственного устройства территории;
- территориально-экономического зонирования и кадастровой оценки земель;
- создание системы мониторинга земель и осуществление контроля за состоянием и использованием земель территории;
- внедрение экономического механизма регулирования земельных отношений на основе кадастровой оценки земель.

Как видно, большая часть мероприятий по государственному управлению земельными ресурсами сводится к кадастровой оценке земель.

Из книги «Государственный учет земель и их качественная оценка» (под ред. И.В. Дегтярева), нам известно, что необходимость в учете земель появилась с того момента, как человек начал использовать их для получения пищи, то есть когда появилось земледелие. Это относится к первобытнообщинному строю. Земельные участки осваивались и использовались для посевов. На других участках пасли скот. В ряде случаев в зимний период люди оставляли освоенные земли и перемещались в более теплые места. Для того чтобы в последующем можно было найти эти участки, они делали пометки на предметах местности (камнях, деревьях) как ориентиры. Делаемые ими пометки были своего рода простыми действиями по учету земель, используемых для удовлетворения потребностей членов рода. Таким образом, объективная необходимость в выявлении и учете земель обуславливалась производственной необходимостью. С развитием рабства общинные земли сосредоточились в руках государства и рабовладельцев. Рабовладельческое государство облагало крестьян налогами. Для того чтобы вести хозяйство, рабовладелец должен был знать площадь и количество земель, находящихся в его собственности. А для этого необходим был учет.

Таким образом, с появлением частной собственности на землю возникает необходимость в земельно-учетных данных для налогообложения. В отличие от земель сельскохозяйственного назначения земли городов используются в основном не как средство производства, а в качестве производственно-операционного базиса, т.е. места осуществления производственной деятельности людей и удовлетворения их культурно-бытовых и иных нужд.

Правовой режим земель населенных пунктов определяется в первую очередь их *планировкой*, которая предусматривает наиболее целесообразное размещение всех хозяйственных элементов, жилищ, культурно-бытовых учреждений и других объектов. Планировка является одним из видов научно обоснованного перспективного территориального планирования. Она определяет целевое назначение составных частей городских поселений, перспективу освоения и использования земель. Ей подчинены все остальные функции государственного управления землями (например, предоставление и изъятие земель, государственный контроль за использованием и охраной земель).

В градостроительном кодексе определено, что город – это населенный пункт, жители которого заняты, как правило, вне сельского хозяйства. В России город должен иметь не менее двенадцати тысяч жителей и не менее 85% населения вне сельского хозяйства. В России 1030 городов с населением 74%.

Землями городов признается вся территория в пределах городской черты. Сюда входят земли: а) городской застройки; б) общего пользования; в) сельскохозяйственного использования и др. угодия; г) занятые городскими лесами; д) железнодорожного, водного, трубопроводного транспорта и др.

Городской чертой признается внешняя граница земель города, которая отделяет их от других земель единого государственного земельного фонда и определяется на основе генерального плана фонда и технико-экономических основ развития города. Существующая городская черта Калининграда была установлена институтом «Ленгипрокоммустрой» и утверждена Постановлением Совмина РСФСР от 21.10.1997 г. № 540 и облисполкома от 2. 12.77 г. № 304. В 1977 г. границы были согласованы с Зеленоградским, Гурьевским районами и Светлогорским округом. В этом же году принято решение городского Совета депутатов. Границы муниципального образования утверждены постановлением областной Думы Калининградской области.

Земли городской застройки состоят из территорий, застроенных и подлежащих застройке. Эти земли предоставляются предприятиям, организациям и учреждениям для строительства и эксплуатации промышленных, жилых, культурно-бытовых и др. строений и сооружений, а также гражданам для индивидуального жилищного строительства. Право землепользования (пользования землей в установленном законом порядке) может быть как бессрочным, так и временным.

В бессрочное пользование предоставляются участки для капитального строительства. Они состоят из двух частей. Одна предназначена под само строение, а другая – для его обслуживания. При этом размер участков, отводимых предприятиям, организациям и учреждениям, не нормируется, а устанавливается в соответствии с объемом и видом строительства.

Отвод участка в бессрочное пользование производится по решению муниципалитета на основании генерального плана развития города и проектов планировки и застройки. В акте отвода указываются основные права и обязанности землепользователя, и в частности обязанность возводить определенного вида постройки.

Грубым нарушением является:

- использование участка под некапитальные или непредусмотренного вида постройки;

- нарушение сроков начала или окончания строительства; злостные нарушения могут повлечь принудительное изъятие участка.

Когда строение переходит к другому субъекту, к нему переходит и право пользование участком. В случае гибели строения участок сохраняется за землепользователем, если он в течение двух лет приступит к восстановлению разрушенного строения или возведению нового.

Объектами права временного пользования являются незастроенные земельные участки. На них могут возводиться временные и облегченного типа строения, например склады топлива и строительных материалов, торговые павильоны и палатки. Дворовые участки обычно предоставляются под спортивные и детские площадки. Право временного пользования участком возникает по решению муниципалитета и оформляется договором. В нем указываются права и обязанности землепользователей, срок, на который передан участок. Обычно если не предполагается возведение строений и сооружений, то договор заключается на срок до одного года. По истечению установленного срока договор может быть возобновлен.

Земли общего пользования состоят из земель, используемых:

- а) в качестве путей сообщения (площади, улицы, проезды, дороги, набережные);
- б) для удовлетворения культурно-бытовых потребностей населения города (парки, лесопарки, бульвары, скверы, водоемы);
- в) для коммунально-бытового назначения.

На этих землях разрешается возведение капитальных строений и сооружений в соответствии с целевым назначением земель, а также временных строений и сооружений облегченного типа (палатки, киоски и т.д.) без ущерба для целевого назначения земель общего пользования.

К землям сельскохозяйственного использования и другим угодьям в городах относятся: пашня, сады, виноградники, огороды, сенокосы, пастбища, торфяники, карьеры и другие. Эти земли могут предоставляться предприятиями организациями для ведения сельского хозяйства, коллективного огородничества и гражданам для выпаса скота и сенокосения.

К землям промышленности, транспорта и иного несельскохозяйственного назначения относятся территории, предоставленные предприятиям, различным объединениям и организациям для осуществления возложенных на них специальных задач (промышленного производства, транспорта, связи и т.д.). Эти земли являются базисом для индустриальной деятельности, служат для строительства, размещения, эксплуатации и обслуживания железных и автомобильных дорог, средств внутреннего водного, морского, воздушного и трубопроводного транспорта, средств связи, радиовещания, телевидения, информатики и др. назначения. Часть земель этой категории предоставлена для нужд обороны и безопасности. Земли промышленности, транспорта и иного несельскохозяйственного назначения на 01.01.1990 составили 18244,1 тыс. га. При условии организации эффективного землевладения и землепользования все вышеназванные категории земель могут стать важным источником пополнения доходной части бюджета [1].

В пределах городской черты могут также находиться земли железнодорожного, водного транспорта и др. Несмотря на то, что они находятся в ведении соответ-

вующих министерств, проекты благоустройства, архитектурные проекты зданий и сооружений, возводимых на этих землях, подлежат обязательному согласованию с муниципалитетом. Земли, занятые городскими лесами, служат улучшению микроклимата, организации отдыха, удовлетворению культурно-эстетических потребностей, защите территории города от водной и ветровой эрозии.

Приведем некоторые статистические данные по России на начало 1997 года: земельный фонд Российской Федерации составляет 1709,8 млн. га, общая площадь земель населенных пунктов – 38171,9 тыс. га. В Российской Федерации насчитывается 3262 города и поселка городского типа и 151092 сельских населенных пункта, при этом в ведении городских и поселковых органов власти находится 7,3 млн. га, в ведении сельских органов власти – 30,9 млн. га. За шесть лет с 1991 по 1996 год количество городов и поселков городского типа выросло на 63, а сельских населенных пунктов – на 10887. В городах и поселках городского типа площадь под постройками, дорогами составляет 2,2 млн. га. За период с 1990 по 1996 г. площадь земель, находящихся в ведении городских, поселковых и сельских администраций, увеличилась на 30,7 млн. га; следует отметить, что наибольший прирост происходил в Центральном районе.

В Земельном кодексе Российской Федерации обозначено, что *общее управление городскими землями* возложено на Государственный Комитет по земельным ресурсам России, *непосредственное* – на муниципалитеты. В процессе управления осуществляется планировка городов, регистрация землепользований, контроль за правильностью пользования землей, разрешаются земельные споры.

Развитие и строительство городов определяется перспективными генеральными планами, в которых устанавливается характер застройки отдельных районов города, места строительства промышленных предприятий, а также предприятий и сооружений для коммунально-бытового обслуживания, места расположения лесопарковых зон, развития всех элементов городского хозяйства и использование территории города.

На основе генерального плана составляются проекты планировки и застройки города и план его земельно-хозяйственного устройства, которые также имеют перспективный характер.

Постановлением правительства по земельной политике в планах земельно-хозяйственного устройства устанавливается целевое назначение и использование городских земель, не предназначенных под застройку, временно не застраиваемых.

На основе проекта планировки и застройки составляется ежегодный план использования земель городской застройки, а на основе плана земельно-хозяйственного устройства – ежегодный план использования всех остальных земель.

Земельные участки в городах предоставляются по решению муниципалитетов. Отвод их производится в точном соответствии с утвержденными проектами планировки и застройки города, с планом его земельно-хозяйственного устройства и конкретизируются в двусторонних письменных актах или договорах между муниципальными органами и землепользователями. Использование участков, которые не были отведены или закреплены в установленном законом порядке, является самовольным захватом земли и влечет за собой строгую ответственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ерофеев Б.В.* Земельное право. М., 1999.
2. *Жабина В.В., Нилиповский В.И.* Денежно-кредитный механизм управления земельными ресурсами. М., 2000.

И.Н. Дементьев

(Санкт-Петербургский университет экономики и финансов)

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ В МОБИЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ РЕСУРСОВ

В условиях товарного (рыночного) хозяйства бесперебойное формирование финансовых ресурсов, а также их эффективное использование достигается с помощью финансового рынка. Он представляет собой форму организации движения денежных средств в народном хозяйстве и функционирует в виде рынка ценных бумаг и рынка ссудного капитала.

Объективной предпосылкой функционирования финансового рынка является несовпадение потребностей в финансовых ресурсах у хозяйствующих субъектов с наличием источников покрытия данных потребностей.

На практике свободные денежные средства могут быть у одних владельцев (инвесторов), а инвестиционные потребности возникают у других субъектов рынка (заемщиков).

Для мобилизации временно свободных денежных средств и рационального их использования и предназначен финансовый рынок. Его функциональное назначение заключается в посредничестве движению денежных ресурсов от их владельцев к пользователям (от инвесторов к эмитентам).

Владельцами выступают юридические лица и граждане, накапливающие у себя денежные средства для последующего инвестирования в капитальные или финансовые активы. Частные лица (домашние хозяйства) осуществляют вложения своих сбережений либо непосредственно (индивидуальным способом), либо через финансовых посредников (финансово-кредитные институты).

В роли заемщиков выступают хозяйствующие субъекты, вкладывающие полученные с финансового рынка денежные средства в различные объекты предпринимательской деятельности (например, расширение производства товаров и услуг) с целью извлечения дополнительной прибыли (дохода).

Функционирование финансового рынка неразрывно связано с наличием в народном хозяйстве реальных собственников, обладающих действительной хозяйственной самостоятельностью. Только такие независимые собственники способны заключать на финансовом рынке коммерческие сделки и предъявлять спрос на фондовые инструменты в обмен на деньги.

Большинство зарубежных и отечественных ученых-экономистов, определяя экономическую природу финансового рынка, исходят из целевого назначения и выполняемых им функций.

Так, Ван Хорн отмечал: «Назначение финансовых рынков – эффективное распределение накоплений между конечными потребителями» [1]. Экономика

могла бы процветать и без финансовых рынков, если бы одни и те же хозяйствующие субъекты сберегали средства и мобилизовали капитал для ее развития. Однако в современном хозяйстве субъекты рынка, занимающиеся преимущественно мобилизацией капитала, используют для инвестиций в реальные активы больше средств, чем сберегают. С другой стороны, домашние хозяйства накапливают больше средств, чем расходуют на цели потребления. Следовательно, чем выше разрыв между объемами предлагаемых инвестиций и сбережений, тем актуальнее необходимость существования эффективного финансового рынка для распределения сбережений между конечными потребителями. Согласование интересов конечного инвестора и конечного владельца денежных средств осуществляется оптимальным образом и с минимальными затратами на финансовом рынке. Эффективный финансовый рынок абсолютно необходим для обеспечения адекватного объема свободного капитала и поддержания экономического роста государства. При отсутствии финансовых активов, кроме денег, субъекты рынка могли бы инвестировать не больше, чем накоплено, поэтому их финансовая активность оказалась бы ограниченной. Если же размер намечаемых реальных инвестиций превышает сумму текущих сбережений, то субъекты рынка вынуждены были бы отложить их осуществление до накопления необходимых денежных средств. Вследствие отсутствия финансирования хозяйствующим субъектам (предприятиям и корпорациям), не располагающим достаточным капиталом, пришлось бы отложить или отказаться от реализации многих высокодоходных проектов. Данная ситуация характерна для экономики России, отличающейся острым дефицитом инвестиционных ресурсов для вложения их в реальные активы (здания, сооружения и оборудование).

В переводной и отечественной экономической литературе можно встретить различные определения финансового рынка. Так, Л.Д. Гитман и М.Д. Джонк трактуют финансовые рынки как «механизм, объединяющий тех, кто предлагает финансовые ресурсы, с тем, кто их ищет для заключения сделок, как правило, при помощи посредников, таких, как «фондовые биржи» [2]. Под финансовым рынком они понимали только рынок акций, облигаций и опционов. Общее для них то, что цена каждого финансового инструмента в любой момент находится в точке равновесия спроса и предложения. По мере появления новой информации о доходности, риске, инфляции, событиях в мире и так далее изменения в соотношении спроса и предложения приводят к образованию нового равновесия или новой рыночной цены на финансовые инструменты.

И.С. Меньшиков дает более краткое и прагматичное определение данному термину: «Финансовый рынок – это организованная торговля ценными бумагами» [3]. Тогда неясно, куда отнести неорганизованную торговлю фондовыми инструментами. Е.В. Михайлова рассматривает финансовый рынок в двух аспектах – теоретическом и практическом: «С политико-экономических позиций финансовый рынок представляет собой сферу реализаций экономических отношений, выраженных финансовым капиталом, сферу появления отдельных сторон финансового капитала. С практической точки зрения финансовый рынок означает операции с ценными бумагами. Таким образом, территориально финансовый рынок может охватывать отдельную страну, регион или мир в целом».

Наиболее полное определение представлено В.С. Торкановский: «Финансовый рынок – это совокупность всех денежных ресурсов, находящихся в постоянном движении, распределении или перераспределении, меняющихся под влиянием спроса и предложения на эти ресурсы со стороны различных субъектов экономики» [4]. При этом В.С. Торкановский выделяет три наиболее важных сегмента финансового рынка: 1) рынок находящихся в обращении наличных денег и выполняющих аналогичные функции краткосрочных платежных средств (векселей, чеков и т.д.) – денежный рынок; 2) рынок ссудного капитала, то есть кратко- и долгосрочных банковских кредитов; 3) рынок ценных бумаг (фондовый рынок).

Последний из них, по нашему мнению, и является собственно финансовым рынком в более узком его понимании. Поэтому финансовый рынок представляет собой совокупность рыночных институтов, направляющих поток денежных средств от владельцев (собственников) к заемщикам с помощью фондовых инструментов (ценных бумаг). Финансовый рынок многообразен, но предмет купли-продажи – это деньги, предоставляемые в пользование в различных формах. На фондовом рынке функционируют финансовые (портфельные) инвестиции, предназначенные для приобретения ценных бумаг. Состав финансового рынка в России представлен в виде схемы на рисунке.

Ф и н а н с о в ы й р ы н о к					
Эмитенты	Экономическая природа ценных бумаг	Связь ЦБ с первичным размещением и последующим обращением	Длительность привлечения временно свободных средств	Способ выплаты доходов по ЦБ	Уровень риска
1. Государство (государственные и муниципальные долговые обязательства)	1. ЦБ, имеющие отношение к собственности (долевые и акции)	1. Первичный рынок ЦБ	1. Денежный рынок	1. ЦБ с фиксированным доходом	1. ЦБ с небольшим уровнем риска
2. Частный сектор (ценные корпоративные бумаги)	2. ЦБ, выражающие отношение займа (облигации)	2. Вторичный рынок ЦБ	2. Рынок капитала	2. ЦБ с плавающим доходом	2. Высокорискованные ЦБ (корпоративные акции и облигации)
3. Иностранные субъекты	3. Производные ЦБ (опционы, варранты, фьючерсы)				

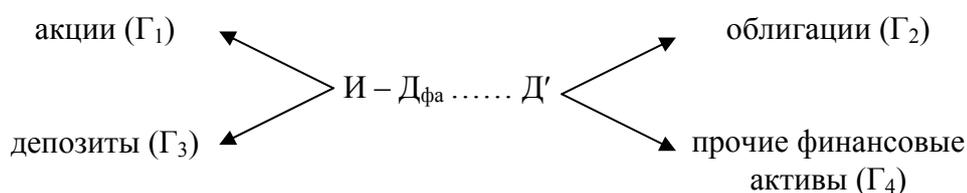
Рис. Схема классификации финансового рынка по определяющим его признакам

По мнению автора, «экономическая природа финансового рынка наиболее полно раскрывается в его функциях:

- реализация стоимости и потребительной стоимости, заключенной в финансовых активах;
- организация процесса доведения финансовых активов до потребителей (вкладчиков и покупателей);
- финансовое обеспечение процесса инвестирования (вложения капитала);
- воздействие на денежное обращение в стране.

В процессе выполнения финансовым рынком первой функции происходит движение стоимости валового внутреннего продукта (ВВП), которое выражается через обмен: деньги обмениваются на финансовые активы.

Процесс инвестирования в финансовые активы можно выразить формулой:

где I – инвестиции;

$D_{фа}$ – денежное выражение инвестиций, вложенных в финансовые активы (акции, облигации и др.), паи, вклады, займы;

$\Gamma_1, \Gamma_2, \Gamma_3, \Gamma_4$ – норма доходности соответствующих финансовых активов, %;

D' – доход от финансовых активов в форме дивидендов и процентов.

Завершение процесса такого обмена означает законченность акта реализации стоимости, заключенной в финансовом инструменте, и общественное признание его потребительной стоимости, произведенной и выраженной в данном активе. Реализация финансовых активов означает возмещение первоначальных инвестиций и получение инвестором дополнительного дохода в форме прибыли. Вторая функция финансового рынка заключается в организации процесса доведения финансовых активов до потребителя. Эта функция выражается через создание сети различных инструментов (российской торговой системы – РТС) по реализации ценных бумаг (банков, фондовых бирж, брокерских, страховых, а также инвестиционных компаний и фондов). Назначение этих институтов заключается в создании приемлемых условий для обмена денежных средств инвесторов (покупателей и вкладчиков) на интересующие их активы с целью формирования оптимального инвестиционного портфеля. Содержание третьей функции финансового рынка состоит в аккумуляции (концентрации) денежных ресурсов у инвесторов (вкладчиков) для приобретения финансовых активов. Процесс сбережения финансовых ресурсов включает в себя как накопление собственного капитала, так взятие его в займы (в форме ссуды), в наем (инвестиционный селенг).

Содержанием четвертой функции является создание с помощью финансового рынка необходимых условий для непрерывного движения денег в процессе совершения платежей (вместо бартерного обмена и взаимозачетов) и регулирование денежной массы в обращении. Через данную функцию осуществляется реализация на финансовом рынке денежной политики государства (посредством

отвлечения части денежной массы из обращения и вложения ее в ценные бумаги). До недавнего времени (до 17.08.1998 г.) такую политику осуществлял Центральный банк России путем операций купли и продажи на фондовом рынке государственных, ценных бумаг (через уполномоченные коммерческие банки). От устойчивости денежного обращения в стране зависит и стабильность финансового рынка, а также финансовое положение эмитентов и инвесторов.

Финансовый рынок является объектом управления со стороны государственных органов. Как объект управления он характеризуется следующими показателями: емкостью и конъюнктурой рынка, сбалансированностью спроса и предложения на фондовые инструменты, условиями их реализации, уровнем финансового риска и доходности ценных бумаг и т.д.

Под емкостью финансового рынка понимается возможный годовой объем продажи определенного актива при сложившемся уровне цен на него. Емкость данного рынка зависит от вида финансовых активов, степени конкуренции на нем, изменения конъюнктуры рынка, уровня цен (курса ценных бумаг, величины дивидендов и процентов по ним, ставки ссудного процента, премий посредника и др.), затрат на рекламу, а также от социально-экономической обстановки в стране. Данные факторы оказывают непосредственное влияние на формирование инвестиционного портфеля акционерных обществ.

Конъюнктура финансового рынка – это отношение спроса и предложения как по отдельным видам финансовых активов (например, «голубым фишкам»), так и по всей их массе, находящейся в обращении. Она складывается под влиянием ряда внешних и внутренних факторов: социально-экономических процессов, доходов покупателей и вкладчиков, уровня цен (курс ценных бумаг, норма дивидендов и процента).

Изучение конъюнктуры предполагает постоянное наблюдение за рынком, за отклонением спроса от предложения финансовых активов. Исходя из соотношения спроса и предложения, различают благоприятную и неблагоприятную ситуации на финансовом рынке. Изменение конъюнктуры проявляется в движении рыночной цены. Нормальное развитие финансового рынка требует установления правильного соотношения между спросом и предложением финансовых активов, их сбалансированности. Спрос и предложение должны находиться в динамическом равновесии, которое обеспечивает беспрепятственную реализацию предлагаемых на рынке финансовых активов, при одновременном удовлетворении спроса на них, что благоприятно воздействует на формирование инвестиционного портфеля акционерных обществ.

Следует отметить, что на развитом рынке финансовые активы обладают большей ликвидностью, чем многие промышленные товары, недвижимость и другие. Их можно купить и сразу продать, что создает благоприятные условия для «игры» на понижение или повышение курсов ценных бумаг. Поэтому один и тот же субъект может выступить в роли продавца и в роли покупателя финансовых активов (посредством заключения срочных контрактов), что является методом защиты портфелей инвесторов от финансового риска.

Финансовый (фондовый) рынок представляет собой систему самостоятельных сегментов. Например, рынки корпоративных ценных бумаг, государственных долговых обязательств, производных фондовых инструментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорн В. Основы теории финансов / Пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1996. С. 35.
2. Гитман Л.Д., Джонк М.Д. Основы инвестирования / Пер. с англ. М.: Дело, 1997. С. 15.
3. Меньшиков И.С. Финансовый анализ ценных бумаг. М.: Финансы и статистика, 1998. С. 5.
4. Торкановский В.С. Рынок ценных бумаг и его финансовые институты. СПб.: АО «Комплект», 1994. С. 5.

Н.Ю. Бородавкина, В.А. Пригода
(Калининградский государственный университет)

ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ В ПРОЦЕССЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С учетом развития современных экономических процессов в мире значительное внимание уделяется формированию комплекса международного экономического сотрудничества, участию в международном разделении труда каждой из стран мирового рынка. В неменьшей степени это относится и к России, которая на настоящем этапе решает задачи переустройства собственного экономического пространства и одновременного расширения внешнеэкономической деятельности всей страны в целом и отдельных регионов. В значительной степени усиление внешнеэкономического сектора отмечено в так называемых приграничных регионах страны.

Следует отметить, что в настоящее время более половины российских регионов имеют общие границы с иностранными государствами или выход во внешние моря. При этом большинство из периферийных регионов приобрели такой статус совсем недавно.

Проблема региональной интеграции для современной России выступает на первый план, поскольку налаженные в течение многих лет экономические, культурные, социальные отношения с сопредельными государствами (бывшими республиками Советского Союза) теперь должны регулироваться международными институтами.

Около 40% от общего числа регионов страны, или 36 субъектов Российской Федерации, являются приграничными, то есть имеют сухопутную границу с сопредельными государствами (рис. 1).

Следует отметить, что в подавляющем большинстве приграничные контакты существуют с регионами бывших советских республик. Причем со странами СНГ граничит 21 (четверть от общего числа) регион России (рис. 2). К ним относятся так называемые «новые» приграничные регионы. Кроме того, Псковская область, входящая также в число последних, имеет общую границу со странами Прибалтики – Эстонией и Латвией.

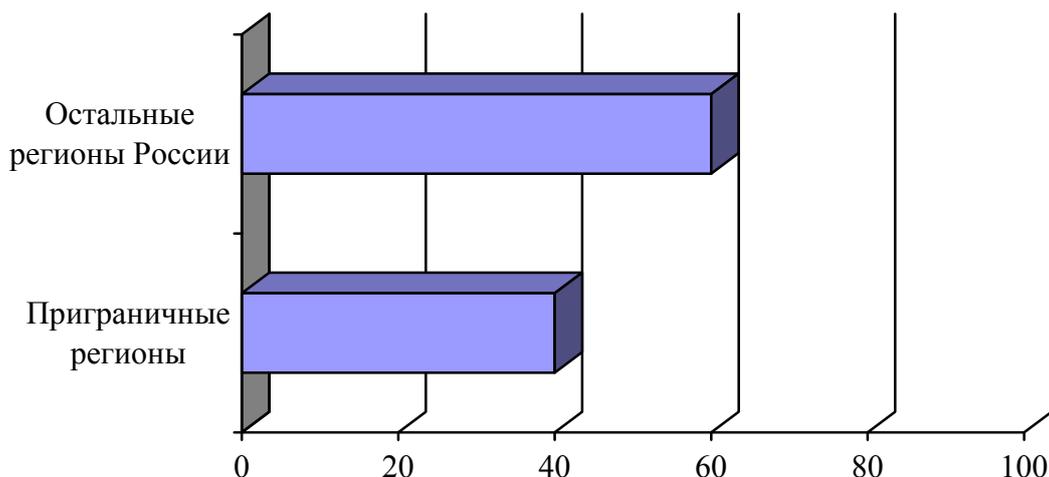

Рис. 1. Структура регионов России, %

Три региона России граничат со странами-членами Европейского Союза. К ним относится Мурманская область, граничащая с Норвегией и Финляндией, а также Республика Карелия и Ленинградская область, имеющие общую границу с Финляндией. Восемь регионов имеют общую границу с двумя и более иностранными государствами. К их числу относится и Калининградская область.

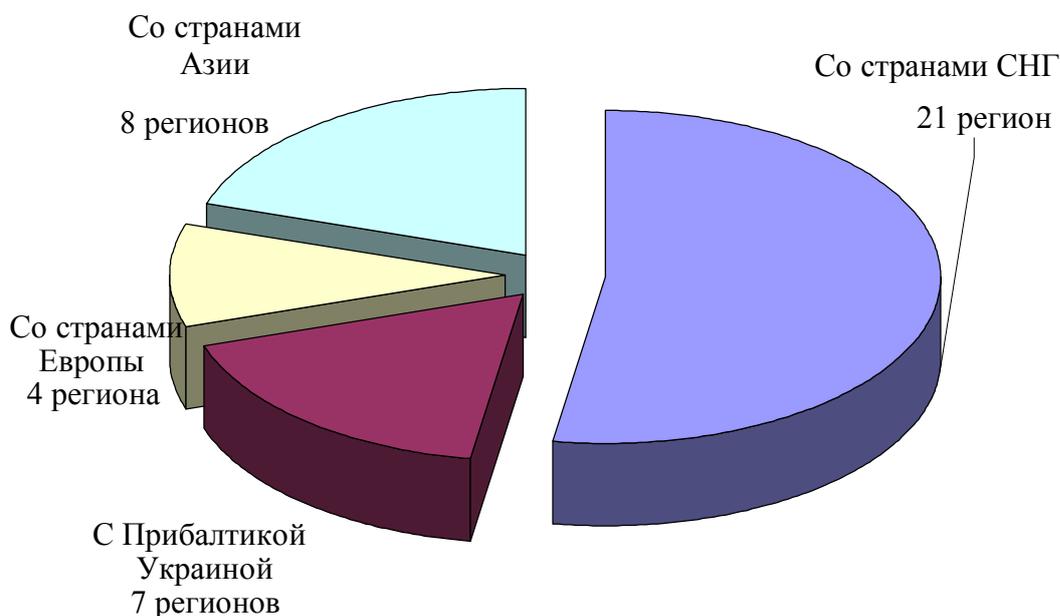

Рис. 2. Приграничные регионы России (и их соседи)

Довольно обоснованно можно предположить, что длительное совместное развитие России с государствами-членами СНГ в рамках Советского Союза может благоприятно сказаться на приграничном сотрудничестве между регионами новых стран. В течение долгого периода на микроэкономическом уровне возникло тесное переплетение экономических интересов России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Грузии, Азербайджана.

Однако, к сожалению, во многих российских регионах приграничное сотрудничество оценивается негативно. Это связано с неурегулированностью межгосударственных взаимоотношений вследствие прозападных настроений в отдельных государствах СНГ.

После распада СССР и нарушения хозяйственных связей России с Украиной и Белоруссией положение нынешних приграничных регионов заметно ухудшилось. Из транзитных они превратились в периферийные, экономика которых теперь сильно зависит от степени развития приграничных институтов.

Кроме того, смена геополитической роли регионов в большинстве случаев принесла лишь негативные последствия. Это связано в первую очередь с нарушением специализации регионов, существовавшей при Советском Союзе. Так, например, Брянская, Смоленская области находились в центре Советского Союза и не нуждались в развитии транспортной инфраструктуры, перерабатывающих производств. Они, как и многие другие регионы России, специализировались на производстве сельскохозяйственной продукции, легкой и пищевой промышленности. Сейчас же их новое геополитическое положение открывает неплохие возможности в развитии транспортных коммуникаций, призванных связать экспортеров из центра России с европейскими странами. Однако отсутствие реальных отечественных и иностранных инвестиций, слабая инвестиционная привлекательность этих регионов в настоящее время не позволяет им извлекать выгоду из сложившейся ситуации.

В этом плане положение Калининградской области является более привлекательным. Регион изначально развивался как транспортный узел в центре Европы. Однако с распадом Советского Союза Калининградская область оказалась отделена от основной территории России. При этом формирование направлений дальнейшего развития эксклавного региона России в значительной степени зависит от взаимоотношений России с Польшей и Прибалтийскими странами.

Самым важным фактором изменения внешних связей региона стало сильнейшее внешнее воздействие, последовавшее за открытием региона. Значительный поток импорта, в основном потребительских товаров, с одной стороны, насытил свободный в то время рынок и предоставил потребителям возможность выбора, а с другой – резко сузило экономическое пространство для местных производящих компаний вследствие недостаточной конкурентоспособности. Реструктуризация промышленности, которая только начинается, возможно, повлияет на свое изменение в структуре импорта в сторону оборудования и технологий. Лишь подобная будущая модель экономического развития повлечет за собой позитивный сдвиг во внешнеэкономической деятельности.

В отличие от России в целом в Калининградской области объем внешнеторгового оборота формируется в большей степени благодаря массовому притоку импорта продукции и услуг. Динамика сальдо внешнеторгового оборота представлена на рис. 3, анализ которого свидетельствует, что, начиная с 1995 года, то есть с начала действия в области режима свободной экономической зоны, резко начал возрастать объем импорта. Пик процесса наращивания объемов ввоза продукции через Калининградскую область пришелся на 1997 год, после которого и начало действовать известное Постановление Правительства РФ от 5 марта

1998 года №281, установившее количественные ограничения на ввоз значительного числа товаров в область. Анализ результатов действия этого и последующих постановлений не является целью данной статьи, тем не менее при всей противоречивости подобных административных методов внешнеэкономического регулирования, особенно в условиях свободной таможенной зоны, нельзя не заметить уменьшение разрыва между экспортом и импортом продукции. Этот процесс отмечается как в абсолютных показателях (снижение отрицательного сальдо с 827,8 до 440,5 млн. дол. США), так и относительно доли сальдо в совокупном объеме внешнеторгового оборота (соответственно – 47,5% в 1997 г. и 36,5% в 1999 г.). Безусловно, лишь некоторая часть импортируемых товаров остается в области – остальная вывозится в другие регионы РФ. Аналогичный процесс происходит и с экспортом продукции – из региона экспортируются товары различного происхождения – как регионального, так и из других российских регионов, из Белоруссии.

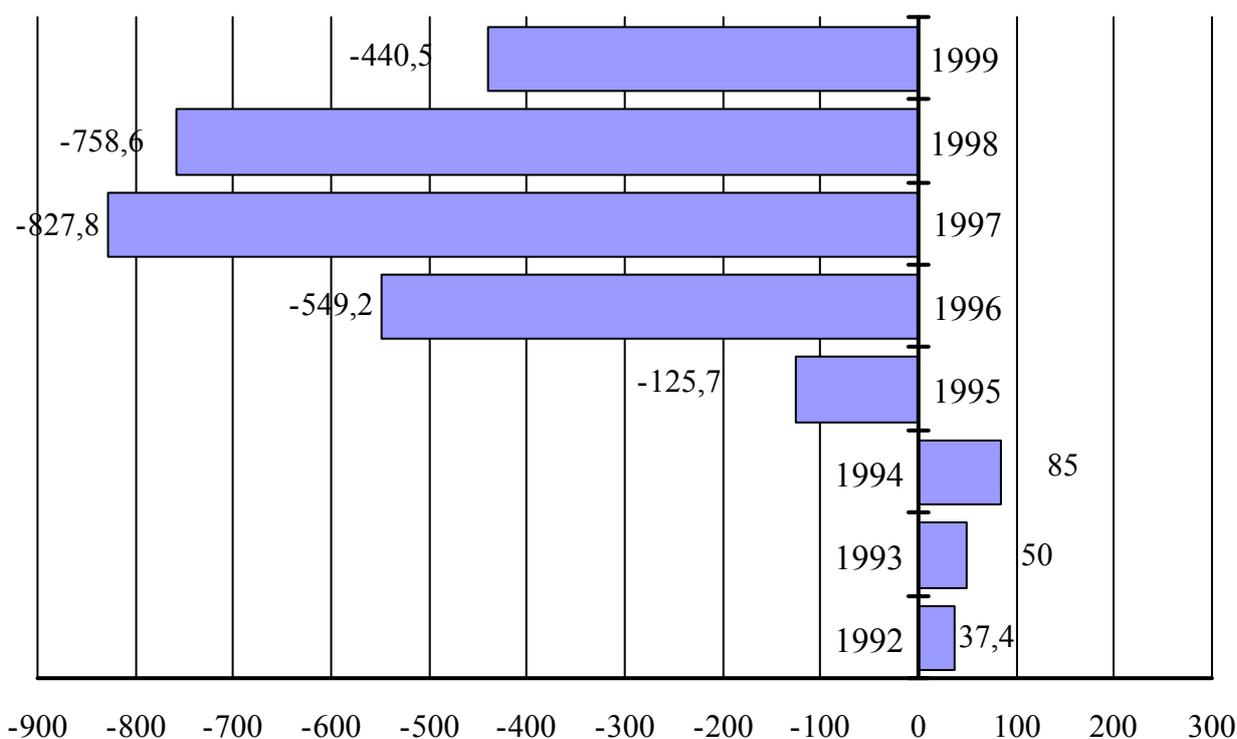

Рис. 3. Сальдо внешнеторгового оборота Калининградской области, млн. дол. США

В числе основных причин такого мощного роста импорта можно отметить высокий спрос на потребительские товары, производимые в странах Запада, что стимулируется местными продавцами. Кроме того, недостаток местных поставок товаров по сравнению с импортными (отсутствие быстрой адаптации предприятий, что не способствует повышению конкурентной способности местных продуктов, низкий уровень качества продукции или полное отсутствие местного производства) можно объяснить тем, что фактически законодательство ОЭЗ спо-

способствует развитию импортной направленности экономики региона, в частности, импорту пищевых продуктов.

Традиционно Калининградская область осуществляет ограниченный экспорт малообработанной продукции (нефть, рыба, целлюлоза) с низкой добавленной стоимостью. Издержки, связанные с эксклавностью региона, а также разрыв межведомственных связей наиболее значительно повлиял на предприятия, которые производят продукцию широкого ассортимента, поэтому в структуре экспорта преобладает продукт с низким коэффициентом переработки. Специфические требования ЕС к стандартам качества выступают серьезным препятствием экспорта готовой продукции в страны западной Европы. Можно отметить, что в большинстве своем область импортирует потребительские товары и продукты питания из Польши, Литвы и Германии, нефтепродукты и стройматериалы из Литвы, подержанные автомобили из Германии, Голландии и Польши. Лидирующее место по экспорту и импорту занимают европейские страны дальнего зарубежья, в частности Польша, Германия и Литва.

Следует отметить, что практически неизменно в числе лидирующих стран по объемам экспорта и импорта находятся соседние с Калининградской областью страны – Литва, Польша и Германия. Они лишь меняются местами в структуре распределения наиболее значительных объемов внешнеторговых операций. Это является очередным доказательством развития приграничного сотрудничества российского эксклавного региона со странами-соседями. Сравнение объемов экспорта и импорта Калининградской области с соседними странами за последние пять лет представлено соответственно на рис. 4 и 5.

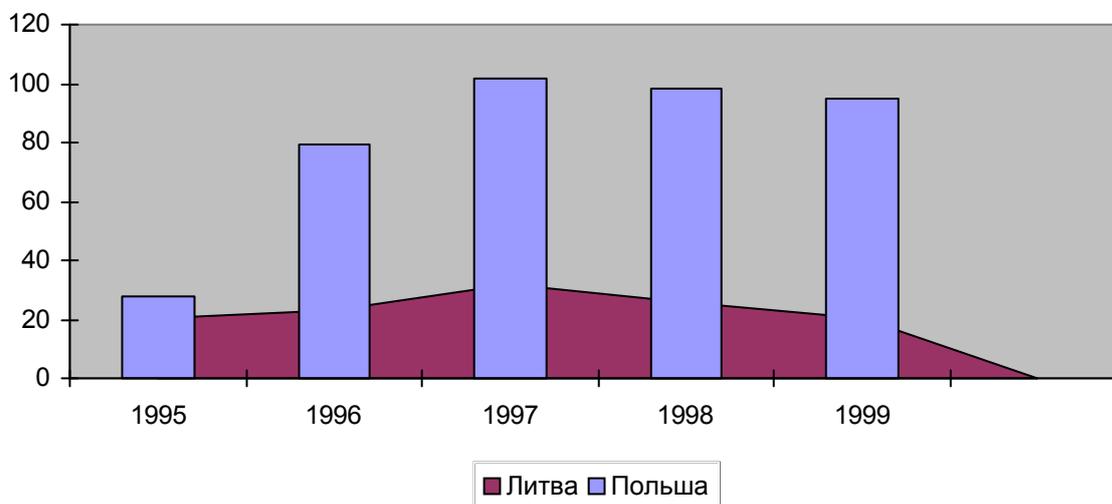

Рис. 4. Сравнение объемов экспорта в Литву и Польшу из Калининградской области, млн. дол. США

В целом нельзя отрицать ведущую роль Германии, Польши и Литвы во внешнеэкономических связях области. Данные статистики свидетельствуют о неуклонном, хоть и небольшом, росте взаимной торговли Калининградского региона с сопредельными государствами. Однако в 1999 году экспорт в Польшу и Литву сократился на 4,5 и 33% соответственно по отношению к аналогичному

периоду прошлого года. Это свидетельствует о наметившемся охлаждении экономических взаимоотношений Калининградского региона с сопредельными государствами, вызванного, прежде всего, нестабильностью политической и экономической ситуации в России в целом и ее огромным влиянием на приграничные процессы в Балтийском регионе, которые до сих пор не подкреплены никакими институциональными преобразованиями.

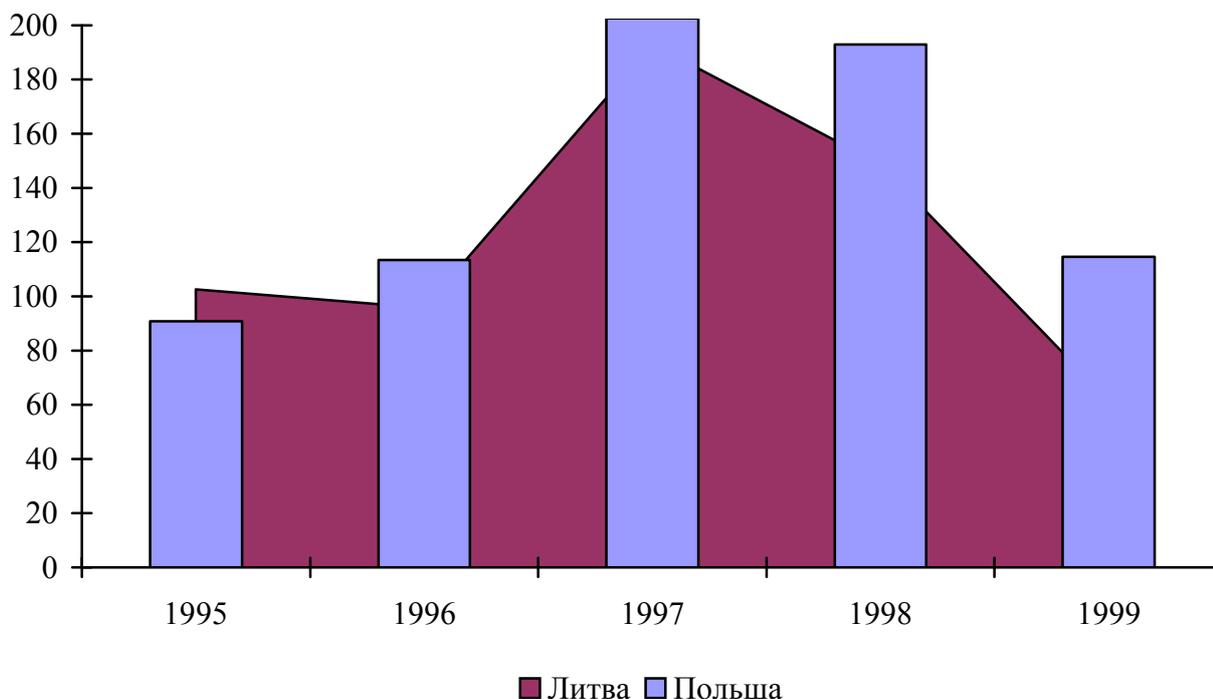

Рис. 5. Сравнение объемов импорта из Литвы и Польши в Калининградскую область, млн. дол. США

С другой стороны, импорт сократился более существенно (на 40,6 и 58,6% соответственно). Следовательно, Калининградская область занимает все более уверенное положение во взаимоотношениях с сопредельными государствами (наметилось выравнивание значений экспорта и импорта с Республикой Польша).

Снижение на половину значений импорта товаров вызвано в некоторой степени еще и протекционистскими мерами администрации Калининградской области, что позволило несколько снизить проблему экономической безопасности региона.

Этому также способствует концентрация внешней торговли региона на небольшом числе стран-контрагентов, что представлено в таблице.

Высокая совокупная доля внешнеторгового оборота Калининградской области со странами Балтийского региона (около 60%) говорит об очень тесных контактах между экономическими субъектами России, Польши и Литвы. Тем не менее торговые связи с другими странами этого региона, которые расположены по берегам Балтийского моря (Дания, Норвегия, Швеция), пока остаются на довольно незначительном уровне. В большей степени развитие международных контактов с этими странами идет в направлении развития социальной сферы и культурного сотрудничества, что, впрочем, создает хорошие предпосылки для последующих экономических контактов.

Динамика концентрации внешней торговли Калининградской области, %

Страна-контр-агент	1995		1996		1997		1998		1999	
	Экс-порт	Им-порт								
Польша	9,3	15,4	27,9	10,8	33,8	16,5	28,4	16,8	29,5	14,1
Литва	4,8	18,9	8,4	11,6	14,5	15,3	6,8	13,0	5,0	7,6
Германия	5,6	8,2	7,8	17,0	14,2	25,5	12,7	23,6	12,3	37,6
<i>Всего</i>	19,7	42,5	44,1	39,4	62,5	57,3	45,9	44,0	46,8	59,3

Увеличение совокупной доли внешнеторгового оборота Калининградской области со странами Балтийского региона до 60% в 1997 году свидетельствует о тесных контактах между экономическими субъектами этих стран. Польша занимает первое место в экспорте Калининградского региона – 29,5% в 1999 году. Однако это значение на 4,3 пункта уступает уровню в 1997 году, на которые пришелся пик внешнеэкономического оборота области как в целом, так и во взаимоотношениях с сопредельными странами. Очевидно желание польских и литовских деловых кругов установить долгосрочные взаимовыгодные экономические связи и развивать приграничное сотрудничество.

При сравнении Калининградской области с регионами России, похожими по географическому положению, масштабу, уровню развития промышленности, наличию сырьевых запасов и числу жителей, можно отметить следующие закономерности. Во-первых, сильная зависимость региона от импорта значительно превышает аналогичный показатель Архангельской, Брянской, Новгородской, Псковской и Смоленской областей. Особенно это заметно на примере продовольственных товаров. По данным Калининградского таможенного управления, ввоз продовольствия в область превышает вывоз на 206,5 млн. дол. Подобная ситуация отмечается в отношении товарооборота машиностроительной продукции. В целом же по объемам экспорта область занимает третью позицию, уступая только Архангельской и Смоленской областям, а по объему импорта почти в 7 раз опережает своего ближайшего преследователя Новгородскую область.

Структурный анализ внешнеэкономической деятельности в регионе в сфере торговли и иностранных инвестиций свидетельствует об отсутствии подготовленности к неизбежному открытию региона вовне вследствие недостатка опыта. Необходимость справиться с появившимся дисбалансом во внешнеэкономической деятельности и ухудшением положения местных производителей стала основным мотивом для руководства области для введения мер по защите внутреннего рынка. К настоящему моменту, по мнению ряда аналитиков [1], такая политика проявила себя как неэффективная с точки зрения функции «окна», или «ворот», которая отводится региону. По-прежнему значительные диспропорции во внешней торговле дополняются неудовлетворительно низким уровнем иностранных инвестиций, что подчеркивает недостаточное использование возможностей приграничного российского региона на Балтике.

Положение региона с учетом его роли в международном разделении труда можно определить как промежуточное, с учетом состояния и развития внешнеэкономической деятельности за последние годы. В отношениях с остальными регионами России Калининградская область выполняет роль, традиционно ха-

рактенную для развитых стран, при этом она ввозит сырье и материалы и осуществляет вывоз готовой продукции. При сотрудничестве со странами ближнего и дальнего зарубежья область выступает как развивающаяся страна, закупающая оборудование и потребительские товары и продающая сырьевые ресурсы.

Будучи отделенной от основной части территории страны границами новых государств, Калининградская область оказалась на европейском пространстве интеграционных процессов, что дает России хороший шанс для подключения через эксклавный регион к развитию регионального приграничного сотрудничества в Балтийском море и широкого выхода на европейский рынок.

Но для этого необходимо выработать соответствующие механизмы такого сотрудничества, разработать концепцию региональной политики Калининградской области как субъекта Федерации, что требует учета международного опыта, глубокого изучения происходящих в Европе интеграционных процессов, основной движущей силой которых в настоящее время является развитие сотрудничества в рамках приграничных регионов стран-членов Европейского Союза как внутри, так и с сопредельными странами. Именно этот аспект приграничного сотрудничества выходит в настоящее время на первый план в стратегии развития эксклавного региона России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бильчак В.С., Самсон И., Федоров Г.М. Калининградский полюс интеграции. Стратегия развития эксклавного региона России: Монография / Под ред. Г. М. Федорова. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. С. 242.

В.В. Шандаевский

(Калининградский государственный университет)

ВОЗМОЖНОСТИ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП В РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Наиболее актуальной задачей практически всех предприятий машиностроительного комплекса области была и остается их реструктуризация.

В значительной степени это относится к ПСЗ «Янтарь». По прогнозам специалистов, судостроение как отрасль начнет оживать, но «Янтарю» необходима реструктуризация как системы управления, так и долгов перед бюджетами всех уровней.

В 1998 году был создан проект программы реструктуризации и конверсии производства, подготовленной специалистами «Янтаря», на основе которого была выработана программа реструктуризации и конверсии предприятия. Суть ее заключается в том, что в результате финансовой и организационной реструктуризации, модернизации мощностей завод становится более эффективно работающим и конкурентоспособным предприятием.

Как и на большинстве предприятий, на Калининградском тарном комбинате (КТК) в результате шоковой терапии исчезли оборотные средства. Помощи

ждать было неоткуда. Общее падение производства в отрасли напрямую задело КТК. В новых условиях раскрепощенности мышления, большей свободы, условий для творчества, поощрения инициативы пришлось заново определять тактику, стратегию, начать процесс реструктуризации производства.

На гусевском предприятии «Светотехническая арматура» («СТА») также идет реструктуризация производства, одним из мероприятий которой стало создание дочерней компании «Транзит СТА» для освоения непрофильных видов деятельности и вовлечения в производственный процесс незадействованного оборудования и площадей.

Все же на конец 1998 года по реструктуризации «СТА» было сделано недостаточно. Гусевские предприятия «СТА» и «Микродвигатель» включены в региональную программу по позициям:

- поддержка и реструктуризация предприятий;
- поддержка малого бизнеса.

Кроме того, Гусев включен в программу еврорегиона «Неман».

На предприятиях проведена аудиторская проверка для последующей выдачи рекомендаций по реструктуризации.

Одной из объективных причин проблем на «Микродвигателе» является эксклюзивное положение, вызвавшее потерю рынков сбыта. Но субъективная причина в том, что руководство так и не проводит реструктуризацию производства, не учитываются требования рыночных отношений.

Областной комитет по промышленности решил поддержать завод и высвободившиеся от сокращения налогооблагаемой базы средства направить на реструктуризацию.

Но, как и в случае с «СТА», на конец 1998 года мероприятий по кардинальной реструктуризации «Микродвигателя» проведено не было.

Очень неоднозначны результаты попытки реструктуризации производства ОАО «Калининградбуммаш», которому еще в 1995 году ЗАО «Автотор» предложило соответствующую программу. Проведение реструктуризации предполагалось за счет бюджетной ссуды. Реализация программы шла со значительными перекосами, а в результате в апреле 1998 года «Автотор» прекратил деятельность на территории ОАО, разорвав договорные отношения. Реальная реструктуризация предприятия не состоялась.

Представляется, что поиск возможностей проведения реструктуризации, с большой вероятностью, приведет наши машиностроительные предприятия к взаимодействию в рамках интеграционных структур. Анализ опыта функционирования финансово-промышленных групп показывает, что они стали эффективным инструментом проведения политики реструктуризации системы управления предприятий-участников.

Группы представляют собой крупные образования, ориентированные на долгосрочное сотрудничество, уже сейчас имеющие прибыль и привлекающие дополнительные инвестиции для расширения и реструктуризации бизнеса. Они имеют управляющих, накопивших опыт работы в рыночных условиях. В ряде групп имеются управленческие ноу-хау мирового класса.

Примером реального положительного воздействия ресурсов ФПГ на экономику предприятий-участников, в том числе их реструктуризацию, является деятельность «Энергомашкорпорации».

Предприятия, объединенные в «Энергомашкорпорацию», демонстрируют рост с 1995 года. Идет постоянный набор новых работников. Условия оплаты – одни из лучших в промышленности Петербурга.

ФПГ «Энергомашкорпорация» даже нечленам, но партнерам корпорации помогает с финансированием производства и реализацией продукции. Так, «Невскому заводу» дают деньги на зарплату, производят зачеты налогов, предоставляют материалы и берут продукцию.

Имея связи в государственном управлении, «Энергомашкорпорация» решает проблемы с получением предприятиями денег из региона, обращает и меняет предприятиям векселя, которые они не могут реализовать, на те, которые могут. Корпорация работает с неликвидами своих предприятий. Кроме того, ФПГ дает стабильность и надежду, что при собственной активности предприятия будут иметь заказы. Зная клиентов, общаясь с ними и имея возможность организовать цепочку поставок, ФПГ разрабатывает план развития, что уже успешно реализовано на заводе «Электросила».

Для понимания силы влияния ФПГ на входящие в группу предприятия интересен пример группы «Онэксим».

Выгоды предприятий, входящих в данную группу, состоят в реализации «Онэксим» подходов головной компании к участникам, среди которых можно выделить следующие.

Установление порядка на предприятиях, пресечение воровства, налаживание нормальных финансовых потоков и контроля за ними, а также своевременное поступление качественной информации. Упорядоченное предприятие легче реструктуризировать и подготовить к рынку капиталов, инвестиций.

«Интеррос» – управляющая компания в рамках группы «Онэксим». Управляет либо объектами, либо проектами в рамках этих объектов.

Примером является «Норильский никель» – стратегический проект, который делают по контракту.

Цель – получение контракта и финансирования в рамках группы с последующей подготовкой предприятия к рынку капиталов. В рамках подготовки производится оптимизация управленческих информационных систем, включающая расчистку внутренних финансовых систем, формирование прозрачной, понятной западному инвестору управленческой системы, выделение прибыльных «кусков» компаний. На этой основе производится возможная реструктуризация и подготовка к продаже.

В рамках группы разрабатываются схемы платежей и хозяйственных отношений вообще между участниками и их партнерами, при которых обеспечивается развитие участников. Примером является совместный проект групп «Онэксим» и «Менатеп» по улучшению состояния участников – производителей минеральных удобрений (12 предприятий).

Одна из крупнейших отечественных финансово-промышленных групп – «Менатеп» – наряду с другими демонстрирует своей деятельностью приоритетность интеграции.

По каждому предприятию «Менатеп» старается получить максимум информации, преимущественно финансового плана. Почти на все предприятия выез-

жают команды специалистов банка «Менатеп» и Института проектного инвестирования. «Менатеп» проводит семинары для сотрудников подконтрольных предприятий, посвященные оптимизации налогообложения, финансовому планированию, бухучету. «Менатеп» озабочен вопросами финансового планирования на предприятиях, пытается сделать так, чтобы все они разрабатывали финансовые планы по единой методике и с ними работали.

Некоторым предприятиям «Менатеп» помог реально. Пример – «Колосс», где на деньги «Менатеп» и по результатам оплаченных им маркетинговых исследований был перепрофилирован и достроен один из цехов стоимостью 50 млн. долларов.

Предприятию «Мосасбестгермостекло» «Менатеп» помог найти деньги на реконструкцию завода.

Купив пищевые компании, в том числе завод пищевых концентратов «Колосс», «Менатеп» усовершенствовал систему сбыта. Была создана дистрибьюторская сеть, которая сопоставима с лучшими западными образцами.

Повышенное внимание, уделяемое финансово-промышленными группами реструктуризации предприятий-участников, стимулируется на федеральном уровне. Одним из примеров такого стимулирования является разработанный Министерством экономики и финансов совместно с Международным банком реконструкции и развития Проект содействия реструктуризации предприятий (ПСРП). Он направлен на поддержку 250 крупных отечественных производств, активно занятых реформированием. Контролирует ход выполнения Проекта Российский центр приватизации (РЦП).

Предпосылкой проведения Программы является то, что значительная часть российских предприятий не производит конкурентоспособную продукцию, не располагает управлением, отвечающим требованиям рынка, и не является прозрачной для инвесторов.

Средства Мирового банка (85 млн. дол.), предоставляемые в качестве целевых российскому Правительству, будут выделяться тем предприятиям, которые проводят радикальные преобразования в рамках реструктуризации.

Целью проекта является создание эффективной системы управления, повышение рентабельности и прибыльности предприятий посредством реструктуризации как радикального изменения в организационной, производственной, финансовой и информационной структуре. Для достижения поставленных целей выделяют две группы подцелей:

- Краткосрочные – улучшение финансового состояния предприятий с помощью разработки и реализации мероприятий, способствующих росту продаж и сокращению издержек.

- Долгосрочные – определение инвестиционных приоритетов; привлечение стратегических инвестиций для технического перевооружения, модернизации производства, выпуска конкурентоспособной продукции. Без этого нет ни энергичного освоения капиталовложений, ни продвижения вперед к наращиванию темпов роста производства. В программе могут участвовать только приватизированные предприятия, имеющие четкую структуру собственности, зарегистрированные в соответствии с законодательством России, в том числе предприятия ВПК с объемом граж-

данской продукции (в денежном выражении) более 50%, предприятия с деловым длительным циклом, реструктуризация которых принесет финансовые результаты через 15-18 месяцев после завершения Проекта. То есть стимулируются те инвестиционные программы, которые наиболее значимы для национальной экономики, содействуют нормализации денежного обращения и оборота капитала, созданию хорошего инновационного и инвестиционного климата.

Представляется целесообразным участие калининградских машиностроительных предприятий в данном Проекте, для чего важно отразить узловые проблемы производства и представить проект на экспертизу в РЦП и в Мировой банк. Для получения заемных средств на льготных условиях необходима тщательная подготовка предприятий, которой в рамках Проекта занимается Союз инвесторов России.

М. Фургал

(Высшая школа информатики и экономики, Польша)

НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕКТОРЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ВАРМИНСКО-МАЗУРСКОМ ВОЕВОДСТВЕ

Процесс создания и ликвидации малых и средних предприятий в Польше очень динамичен. Результатом являются постоянные изменения доли подобных предприятий в общей структуре народного хозяйства страны.

Аналогичные тенденции характерны и для Варминско-Мазурского воеводства. Зарегистрированные на 31.12.1994 г. в воеводстве предприятия составляли всего 1,8% всех субъектов хозяйственной деятельности в стране. В настоящих границах Варминско-Мазурского воеводства эта доля составляет 3,2%. Данные по количеству малых и средних предприятий, зарегистрированных в 1994-1998 годах, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количество малых и средних предприятий в 1994-1998 гг.

Число работающих	1994		1996		1998		
	Польша	Ольштынское воеводство	Польша	Ольштынское воеводство	Польша	Ольштынское воеводство	Варминско-Мазурское воеводство
Всего предприятий, тыс.	2302,0	42,4	2379,9	43,1	2842,3	50,5	91,5
В том числе с числом работающих:							
до 5 чел.	2109,6	38,9	2191,9	39,5	2632,0	46,6	83,2
от 6 до 50 чел	160,6	2,7	157,5	2,8	178,8	3,1	5,6
свыше 50 чел	31,8	0,8	30,5	0,8	31,5	0,8	2,7

Источник: Статистические данные Главного статистического управления и финансового отдела в Ольштыне на основании реестрового номера.

Из таблицы видно, что больше других увеличилось число малых фирм, с численностью работающих до 5 человек. Их количество возросло на 20% за рассматриваемый период времени (114% в новых пределах воеводства).

Динамику изменений количества зарегистрированных предприятий можно определить с помощью анализа процессов их создания и ликвидации. Эти данные представлены в табл. 2 и на рисунке.

Таблица 2

Создание малых и средних предприятий в 1994-1998 гг.

Число работающих	1994		1995		1996		1997		1998	
	Число	Динамика, %								
Всего предприятий	5624	7266	129,2	10804	148,7	8718	80,7	8929	102,4	
В том числе с числом работающих:										
до 5 чел.	5262	6920	131,5	10518	152,0	8439	80,2	8663	102,7	
от 6 до 50 чел.	313	320	102,2	261	81,6	250	95,8	251	100,4	
от 51 до 250 чел.	40	19	47,5	18	94,7	21	116,7	11	52,4	
свыше 250 чел.	9	7	77,8	7	100,0	8	114,3	4	50,0	

Источник: Статистические данные финансового отдела в Ольштыне на основании реестрового номера.

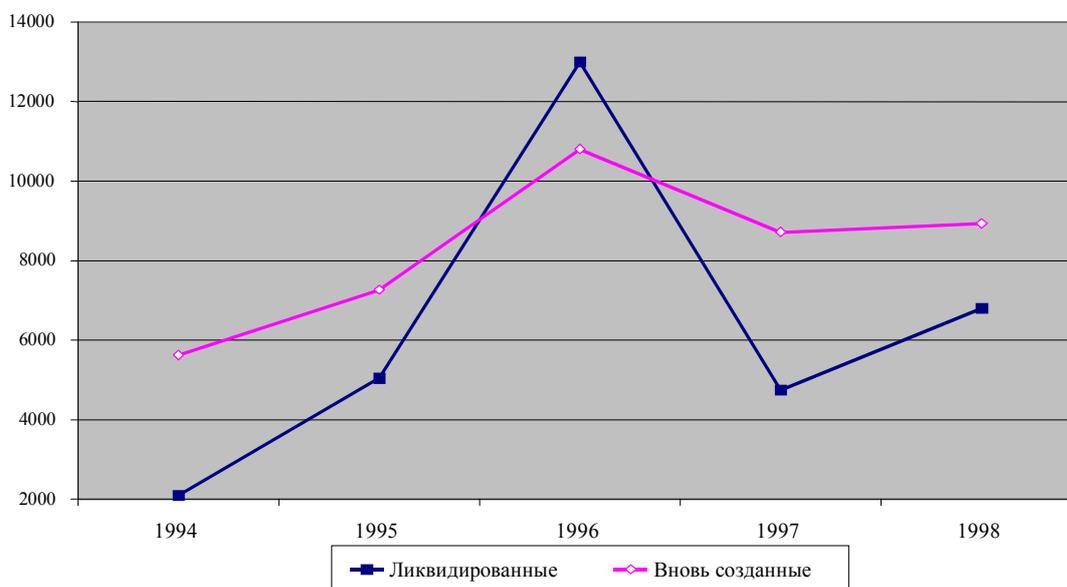

Рис. Динамика создания и ликвидации предприятий в 1994-1998 гг., ед.

Пик в создании и ликвидации предприятий пришелся на 1996 год. Однако именно в этом году количество ликвидированных субъектов хозяйственной деятельности (13091) превысило число вновь созданных (10804) на 2287 единиц и число ликвидированных в 1994 году в 6 раз.

Следует отметить, что на конец 1998 года в настоящих пределах воеводства преобладает частный сектор (87623 фирмы), что составляет 96% от общего количества зарегистрированных малых и средних предприятий.

В частном секторе преобладают малые предприятия физических лиц с численностью работающих до 5 человек. На начало 1999 года в Варминско-Мазурском воеводстве было зарегистрировано свыше 73 тыс. малых фирм, что составляет 83,5% частного сектора экономики региона. В столице воеводства г. Ольштыне это соотношение еще больше (95%).

Среди зарегистрированных физических лиц, ведущих хозяйственную деятельность, большинство занимается торговой деятельностью (27918 фирм, или 38%). Кроме того, малые предприятия занимаются строительной (11,2%), производственной (10,3%) деятельностью, а также обслуживанием недвижимости и фирм (10%), транспортом и связью (9,5%).

Следует отметить значительный рост за 1994-1998 гг. числа товариществ торгового права – на 145%, простых товариществ – на 87% и кооперативов почти на 100%. Общее число предприятий частного сектора воеводства дополняют 83 фондации, а также свыше 900 разного рода обществ, общественных организаций, союзных и религиозных, которые осуществляют хозяйственную деятельность.

В связи с процессом приватизации в общественном секторе систематически уменьшается число государственных предприятий с 147 в 1994 г. до 94 на конец 1998 г. (63,9%). В результате преобразовательных процессов в 1999 г. 10 предприятий были сняты с учета как государственные в связи с окончанием их приватизации.

Следует отметить, что по темпам проведения разгосударствления собственности Варминско-Мазурское воеводство является одним из ведущих в стране. Результатом этого стало приглашение региона в центральную программу региональных достижений приватизации и реструктуризации государственного имущества.

Непосредственная приватизация, охватывающая прежде всего малые и средние предприятия, направлена на активность местных инвесторов, а простота процедур и переговорный характер сделки предоставляют возможность большинству населения участвовать в процессах приватизации.

Характеризуя структурные преобразования в экономике воеводства в 1994-1998 гг., следует обратить внимание на динамику занятости в различных отраслях народного хозяйства. Данные по числу занятых в народном хозяйстве представлены в табл. 3.

Таблица 3

Занятость в народном хозяйстве* по предприятиям различных форм собственности в 1994-1998 гг., тыс.

Сектор	1994		1996		1998		
	Народное хозяйство	Ольштынское воеводство	Народное хозяйство	Ольштынское воеводство	Народное хозяйство	Ольштынское воеводство	Варминско-Мазурское воеводство
Всего занятых	10869,6	256,4	11115,9	262,1	11565,0	276,2	516,0
В том числе:							
Общественный	5760,1	92,6	5341,2	90,1	4583,3	89,4	154,3
Частный	5109,5	163,8	5774,7	172,0	6981,7	189,8	361,7

* Без сектора А и Б народного хозяйства

Источник: Статистический ежегодник воеводства за 1995-1999 гг.; Статистический ежегодник труда 1999 г.

За рассматриваемый период общее число занятых увеличилось в воеводстве на 8,9% (в новых границах на 101,2%), при увеличении по стране в целом на 6,4%. При этом произошло снижение числа занятых в общественном секторе, особенно на государственных предприятиях (в воеводстве на 3,2 тыс. человек, а в масштабе страны на 1176,8 тыс. человек). Основная причина снижения – процессы приватизации и банкротства государственных предприятий. В результате преобразований собственности возросло число работников, занятых на предприятиях частного сектора (в воеводстве на 16%, а в масштабе страны – на 36,6%). Причем большинство работников бывших государственных предприятий, потерявших работу в процессе приватизации, нашли себе новые рабочие места в частных малых и средних предприятиях. Динамика занятости в воеводстве представлена в табл. 4.

Таблица 4

**Занятость в народном хозяйстве
по видам деятельности в 1994-1998 гг., тыс.**

Вид деятельности	1994		1998			Динамика в народном хозяйстве, %	Динамика в Ольштынском воеводстве, %
	Народное хозяйство	Ольштынское воеводство	Народное хозяйство	Ольштынское воеводство	Варминско-Мазурское воеводство		
Всего занятых:	10869,2	256,4	11565,0	279,2	516,0	106,4	108,9
Производство	3 071,4	51,9	3100,3	58,0	115,7	100,9	111,8
Строительство	853,0	14,1	938,6	16,6	28,7	110,0	117,7
Торговля и ремонт	1892,2	35,6	2 106,4	42,3	73,3	111,3	118,8
Гостиницы и рестораны	175,8	3,6	221,6	4,6	7,4	126,1	127,8
Транспорт и связь	844,2	17,5	858,9	17,9	29,9	101,7	102,3
Обслуживание недвижимости и фирм	529,6	8,3	752,2	12,2	24,2	142,0	147,0
Прочие услуги	340,7	7,3	350,1	7,5	12,1	102,8	102,7

Источник: Статистические ежегодники за 1995-1999 гг. Варминско-Мазурское воеводство в 1998 г.

Особенно большой рост занятости в воеводстве, как и в целом по стране, наблюдался в сфере рыночной инфраструктуры (47%), в гостинично-ресторанном бизнесе (27,8%), в торговле и строительстве (около 20%). Занятость в производственной сфере возросла почти на 12% (в новых границах воеводства на 112,9%) при незначительном росте (0,9%) в масштабе всей страны.

Различия в темпах роста числа занятых в разных отраслях экономики, предприятиях различных форм собственности стали причиной определенных структурных преобразований в народном хозяйстве (табл. 5)

В 1994-1998 годах доля занятых в малых и средних предприятиях систематически возрастала практически во всех отраслях экономики воеводства. Наибольшее значение это соотношение имеет в сфере торговли, ремонта (91,6%), гостиничного и ресторанного бизнеса (87,5%), а также в сфере услуг и строительства. Только в области транспорта и связи преобладает занятость на крупных предприятиях.

В производственной сфере наблюдался рост доли занятых на малых и средних предприятиях (с 46,2 до 52,8%).

Промышленное производство в Варминско-Мазурском воеводстве ограничено особенностями местной сырьевой базы. В регионе преобладают малые и средние предприятия, занимающиеся сельскохозяйственным производством, деревообработкой. Также широкое развитие имеет химическая промышленность.

Таблица 5

Структура занятости в различных отраслях народного хозяйства в 1994-1998 гг.

Вид деятельности	1994		1996		1998	
	Предприятия		Предприятия		Предприятия	
	малые и средние, %	крупные, %	малые и средние, %	крупные, %	малые и средние, %	крупные, %
Всего занятых	56,4	43,6	59,2	40,8	63,5	36,5
Производство	46,2	53,8	50,9	49,1	52,8	47,2
Строительство	75,4	24,6	78,1	21,9	79,8	20,2
Торговля и ремонт	90,6	9,4	91,1	8,9	91,6	8,4
Гостиницы и рестораны	88,2	11,8	87,8	12,2	87,5	12,5
Транспорт и связь	28,3	71,7	30,2	69,8	31,9	68,1
Обслуживание недвижимости и фирм	81,8	18,2	79,5	20,5	78,4	21,6
Прочие услуги	81,4	18,6	85,4	14,6	87,9	12,1

Источник: статистические ежегодники воеводства за 1995-1999 гг.

Именно развитие обрабатывающей промышленности должно послужить основой для выхода региона на европейский рынок с высококачественной продукцией соответствующего уровня.

Большинство малых и средних предприятий сосредоточено на территории крупных городов воеводства. Они являются более технически развитыми, обладают большой динамикой роста, часто пробуют свои силы на международных рынках. Вне больших городов преобладают малые торговые, бытовые и производственные предприятия, деятельность которых направлена главным образом на удовлетворение потребностей деревни.

Организация небольших предприятий является единственной реальной возможностью создания новых рабочих мест. Это связано с отсутствием традиций и условий организации крупных промышленных предприятий. Отсутствие капи-

тала в необходимых размерах, небольшая плотность населения, специфика местных сырьевых ресурсов являются основными факторами при создании небольших производственных фирм и предприятий бытового обслуживания.

Наибольшее число малых и средних предприятий возникает там, где сложилась благоприятная внешняя среда: инфраструктурная поддержка бизнеса, квалифицированная рабочая сила и емкий рынок. На два самых больших города воеводства, Ольштын и Эльблонг, приходится свыше 32% всех зарегистрированных на конец 1998 года предприятий. Остальные свыше 67% организаций зарегистрированы в 116 гминах и 45 городах Варминско-Мазурского воеводства. Меньше всего возникло новых предприятий в районах, слабо развитых хозяйственно с преобладанием малоэффективного сельского хозяйства.

Большое влияние на процесс пространственного рассредоточения малых и средних предприятий оказали фирмы с численностью занятых до пяти человек. Эти малые предприятия принадлежат к категории фирм так называемой свободной локации, а их создание не ограничено такими многочисленными условностями, как это имеет место в случае средних и крупных предприятий.

Кроме того, количество зарегистрированных малых фирм больше, чем число активных предприятий, реально функционирующих на территории воеводства. На основе оценок, проведенных финансовым отделением в Ольштыне, процент активных субъектов хозяйственной деятельности от общего числа зарегистрированных в воеводстве предприятий достаточно высок и колеблется на уровне 95-97%. В целом по стране это соотношение немного ниже и составляет 60-80% в зависимости от отрасли народного хозяйства.

Следует отметить, что условием устойчивого поступательного развития малых и средних предприятий на более продолжительный срок являются инвестиции. Анализ направлений и интенсивности инвестирования в экономику Варминско-Мазурского воеводства позволяет выявить отрасли народного хозяйства, обладающие наибольшими перспективами роста. В табл. 6 приведена динамика капиталовложений в экономику региона и страны в целом.

Таблица 6

**Капиталовложения в народном хозяйстве
в 1994-1998 гг., млн. злотых**

Год	Народное хозяйство	Динамка к предыдущему году	Ольштынское воеводство*	Динамка к предыдущему году
1994	34822,4	—	452,7	—
1995	47580,8	136,6	680,7	150,4
1996	65622,0	137,9	1178,2	173,2
1997	90437,7	137,8	1328,2	112,7
1998	112813,5	124,7	1475,3	111,1
			2514,0*	189,3*

Источник: Статистические ежегодники воеводства за 1995-1999 гг.

* Варминско-Мазурское воеводство.

Ситуация, сложившаяся в инвестиционной сфере региона, является неудовлетворительной. Инвестиции на одного жителя в Варминско-Мазурском воеводстве на конец 1998 года составили 1719 зл. (2918 зл. в среднем по стране). По этому показателю воеводство занимает предпоследнее место в стране. Участие предприятий региона в капиталовложениях в народное хозяйство в целом составляло 1,3% на конец 1994 года. К концу 1998 года эта цифра возросла до 2,2%:

Как видно из табл. 6, за период с 1994 года произошло серьезное падение темпов роста инвестиционной активности в воеводстве (с 50,4 и 73,2% до 11,1% в 1998 году).

Однако следует отметить, что в целом за рассматриваемый период объем капиталовложений в экономику региона вырос более, чем в 3 раза. Наибольший рост наблюдался в строительстве, промышленности и отрасли услуг производственного характера. В то же время самый низкий объем инвестиций был привлечен в отрасли гостиничного, ресторанного бизнеса, в торговлю, ремонт и сферу потребительских услуг.

Таким образом, исходя из проделанного анализа неполных статистических данных по развитию малого и среднего предпринимательства в Варминско-Мазурском воеводстве, можно сделать вывод, что наибольшим потенциалом развития обладают сфера услуг производственного характера и финансовое посредничество. В традиционных отраслях экономики наиболее динамично будут развиваться строительные предприятия. Одним из главных факторов можно считать ожидаемый рост жилищного строительства в ближайшей перспективе.

И.Д. Мустафаева

(Калининградский государственный университет)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНТИИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Необходимым компонентом проводимых в России экономических реформ и одним из базовых условий их эффективности являются институциональные преобразования, составляющие суть современного переходного периода. Данные преобразования предполагают формирование соответствующих условий для действия рыночной системы путем создания нового законодательства, правил, норм, регулирующих поведение хозяйствующих субъектов в различных сферах, формирования рыночной инфраструктуры, новой системы управления народным хозяйством.

В трансформирующемся обществе, характеризующемся наличием бифуркационных процессов, можно выделить несколько типов социальной адаптации. Наибольший научный интерес, с нашей точки зрения, представляет антиинституциональное поведение, которое направлено против институциональной нормативной системы и выражается, в частности, в неуклонном росте теневого сектора экономики. Данный тип поведения включает в себя отклоняющееся поведение и поведение, не подчиненное никаким нормам (аномия).

Согласно мировой практике нормальные стандарты «теневого экономики» – 5%. Однако в настоящее время в рамках теневой экономики производится от 25% (данные Госкомстата РФ) до 50% (сведения МВД РФ) всего ВВП России, причем данный сектор экономики постоянно возрастает.

Еще основоположник институционализма Т. Веблен отмечал изменение «человеческой природы», «человеческого материала» при изменении условий жизни. Данный вывод исторически подтверждается. В частности, представляет большой научный интерес оценка уровня преступности и ее динамика в России за XVIII – начало XX вв. В течение рассматриваемого периода времени уровень преступности в России изменялся: до отмены крепостного права он имел тенденцию к снижению, а после эмансипации – к повышению. В пореформенный период преступность непрерывно возрастала. Однако ни до, ни после эмансипации преступность не изменялась линейно. Она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, затем вновь и значительно возросла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась при консервативном царствовании Александра III и вновь выросла при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II. Все это свидетельствует о циклическом характере динамики преступности. Как отметил Б.Н. Миронов, «чем жестче был император, чем консервативнее было царствование, тем тверже проводилась соответствующая внутренняя политика, тем ниже была преступность, и, наоборот, чем мягче был император и чем либеральнее был правительственный курс, тем преступность была выше» [1, с. 85].

Подобную закономерность можно объяснить следующим образом. Консервативная политика характеризовалась значительным усилением репрессий против лиц, нарушающих установленные в обществе нормы и правила поведения, а также повышенным контролем за поведением хозяйствующих субъектов со стороны государства и корпораций (сельской общины, мещанского и купеческого обществ, цеха), в состав которых входил представитель этих обществ, что соответствующим образом являлось сдерживающим фактором для проявления отклоняющегося от установленных норм и правил поведения. Либеральная же политика, напротив, характеризовалась ослаблением контроля за поведением членов общества. Поскольку либеральные и консервативные правительственные курсы в основном чередовались, то это, очевидно, и являлось причиной цикличности в динамике преступности вплоть до царствования Александра III. Николай II нарушил данную логику чередования либеральных и консервативных царствований. При нем и нарушилась цикличность колебаний преступности. Вероятно, противоречивая, неустойчивая политика в 1895-1917 гг. поощряла рост преступности.

По мнению Б.Н. Миронова, «реформы открывали более широкий простор частной инициативе и предприимчивости, расширяли рамки дозволенного и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе в его криминальной форме» [1, с. 94]. Кроме того, важным фактором роста преступности «являлось разрушение крестьянской общины... что вело к распадению общинных связей не только в деревне, но и в городе и к ослаблению общественного контроля за поведением человека» [1, с. 94]. Если в крепостническую эпоху строгий контроль общины сдерживал людей с криминальными наклонностями и

мешал преступникам скрыться от правосудия, народного или официального, то после эмансипации разложение общинных отношений привело к росту отклоняющегося поведения.

Необходимо также учитывать и смену ценностных ориентаций в пореформенный период, что еще более способствовало росту отклоняющегося поведения и преступности: «Освобожденные от контроля общины, не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям...оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, они трудно адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния» [1, с. 95]. Вот и в современной России особенно болезненно переживаются членами общества преобразования институтов, которые еще не исчерпали своей целесообразности.

На наш взгляд, наличие антиинституционального поведения в обществе обусловлено возникновением дефектов институциональной структуры, в частности наличием в рыночной институциональной структуре чужеродных институтов (так называемых квазирыночных институтов). Так, еще представители неоклассической школы в истории экономической мысли определили следующие нормы идеальной рыночной институциональной структуры: целерациональное поведение (т.е. ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» и «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели); чувство эмпатии (сочувствие, сопереживание) по отношению к другим участникам сделки, умение поставить себя на место контрагентов и взглянуть на происходящий обмен с их точки зрения; доверие другим участникам сделки; правильная интерпретация намерений другого индивида и облегчение понимания другими контрагентами собственных намерений и действий (интерпретативная рациональность). Представители институциональной школы к этому перечню добавили еще норму утилитаризма (осознание взаимосвязи между деятельностью человека и получаемой им совокупностью удовольствий).

Анализ норм поведения хозяйствующих субъектов в переходной российской экономике говорит об отсутствии конгруэнтности неформальных норм, господствующих в российском социуме, и норм, на основе которых функционирует рынок. В обществе имеет место дивергенция (возрастающее рассогласование) формальных и неформальных норм.

Особую роль в теоретическом исследовании существующих в российском обществе норм квазирыночного поведения, закрепленных в неформальных институтах, сыграли результаты социологического опроса, проведенного в два этапа в 1995-1996 гг. среди 450 респондентов в Москве и Перми группой исследователей из Института сравнительной политологии РАН под руководством С.В. Патрушева [2, с. 11]. Уровень доверия в российском обществе находится на критически низком уровне: только 34% респондентов положительно ответили на вопрос, доверяют ли они людям (против 33,3% рассчитанных аналитически в качестве предельно допустимого уровня). В целом доверием в своих отношениях с людьми руководствуются лишь 66,3% респондентов. Доверие персонифициро-

вано, и доверительные отношения ограничены кругом хорошо знакомых между собой лиц (кругом родственников). Таким образом, рыночные сделки также могут носить локальный характер (поскольку могут быть основаны на предварительном знакомстве контрагентов).

Косвенно определить присутствие норм эмпатии и симпатии в российском обществе помогли ответы на вопросы об исполнении своих обязательств перед другими людьми и о готовности воспринять чужую точку зрения [2, с. 13]. Только 30% выполняют их из уважения к правам других людей, еще 15,5% – из расчета на ответную услугу. Однако 60% выполняют свои обязательства из чувства долга, то есть исходя из абсолютного императива в поведении, не предполагающего попыток посмотреть на события глазами своего контрагента (сумма ответов может превышать 10% из-за возможности выбрать несколько вариантов ответа). И в решении сложных проблем на волю и ум нескольких сильных и опытных людей предпочитает полагаться подавляющее большинство респондентов – 63%, а не на дискуссии и согласование позиций. Даже в друзьях ценится не столько уважение к другим мнениям (9-я позиция из 12), сколько требующие меньших позитивных усилий порядочность, доброта и чувство юмора. Нормы эмпатии также существуют, но в максимально персонифицированной и локализованной форме: 35,4% респондентов рассчитывают в случае необходимости на помощь родственников по сравнению с 32% рассчитывающими только на самих себя. Кроме того, 40,5% получали в последнее время помощь от родственников, еще 29% – от друзей против 14%, не получавших никакой помощи от окружающих людей. Таким образом, люди предполагают за ближайшими родственниками и друзьями способность разделить возникающие перед ними проблемы и прийти в случае необходимости на помощь. В свою очередь, степень моральной ответственности за окружающих людей убывает по мере удаления от ближайшего окружения: она максимальна в отношении детей, затем, по мере убывания, – в отношении мужа (жены), своего предприятия, происходящих в стране событий, действий других людей.

Что касается ситуации с нормами рационального поведения в российском обществе, то исторический анализ свидетельствует о господстве иных, чем целерациональный, типов поведения. Так, А. Ахиезер, рассматривая два типа утилитаризма, простой и развитый, делает вывод о господстве в России простого утилитаризма, т.е. стремления достичь некоторого уже реализованного в обществе образа или уровня потребления (3, с. 14). В отличие от развитого утилитаризма, стремление к определенному результату никак не связывается с собственной продуктивной деятельностью человека.

Проведенное вышеупомянутое анкетирование дает дополнительные аргументы в пользу тезиса о господстве в России типов поведения, отличных от целерационального. Большинство из опрошенных аффективно в своих отношениях с окружающими: они скорее не будут поддерживать отношений с неприятным, но полезным человеком [2].

Подобное расхождение институтов является, на наш взгляд дополнительным источником напряжения в обществе, возникновения стрессовых ситуаций. Как справедливо отметила Т.И. Кулапина, «пониженная способность к адаптации, неспособность к преодолению стрессовых ситуаций придают сознанию индиви-

да аномичный характер, приводят к сосредоточению внимания человека на проблемах индивидуального конфликта с окружением, подавляют социальные, коллективные чувства и являются таким образом потенциальной психологической основой отклоняющегося поведения» [4, с. 243].

Максимум напряжения, на наш взгляд, определяется как точка, в которой происходит разрыв, разрушение институциональной структуры, уменьшение ее прочности (рост антиинституционального поведения).

Преодолеть сложившуюся ситуацию можно лишь путем развития формальных институтов, позволяющим развивать потенциал существующих неформальных норм поведения, господствующих в российском социуме, в направлении сближения с рыночным соглашением. С одной стороны, необходимо возродить те элементы, рыночные институты, которые имелись до 1917 г., а с другой стороны, приобрести нормы, правила поведения, накопленные мировой цивилизацией.

В данной связи мы предлагаем создать как на федеральном, так и на региональном уровнях новый институт: маркетинг рыночных норм и правил поведения (*маркетинг институтов*), направленный на удовлетворение потребностей целевой аудитории (хозяйствующих субъектов, применяющих в своей практике те или иные нормы и правила поведения).

Некоторые российские эксперты говорят о нереальности согласования рыночных и квазирыночных норм в ближайшем будущем. Наиболее радикальную позицию по данной проблеме занимают Л. Гордон и Э. Клопов, подчеркивающие, что решающие изменения в сознании масс могут произойти лишь «в масштабах социального времени», основной единицей измерения которого являются «не годы, но периоды жизни поколений, кратные десятилетиям» [5, с. 8]. Однако подобный тезис в реальной жизни не всегда подтверждается. Например, радикальные изменения общественного сознания в послевоенных Германии и Японии, посткоммунистических странах Восточной и Центральной Европы (Польша, Чехия, Венгрия) произошли в сравнительно короткие сроки: смены поколений для таких преобразований не понадобилось (6, с. 20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 2.
2. *Олейник А.Н.* Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход. М.: Магистр, 1997.
3. *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта. Кн. 1. М.: Философское общество СССР, 1991.
4. *Кулапина Т.И.* Социально-экологические переменные в системе регуляции неадаптивного поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979.
5. *Гордон Л., Клопов Э.* Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социс. 1998. №1.
6. *Вайнштейн Г.* Общественное сознание и трансформационный процесс в России (о проблеме взаимосвязей) // Мировая экономика и международные отношения. 1999. №12.

Т.М. Шулькина
(Калининградский государственный университет)

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Для успешной реализации Государственной стратегии экономической безопасности очень важно оценить состояние экономической безопасности каждого региона. В Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации отмечено: «Количественные параметры должны быть разработаны не только для страны в целом, но и для каждого ее региона. При этом состав критериев экономической безопасности Российской Федерации по регионам должен корреспондировать с соответствующим состоянием критериев и параметров в части, касающейся экономики и национальных интересов России в целом»

Несмотря на актуальность проблемы, до сих пор не существует единого или общепринятого методического подхода к оценке состояния экономической безопасности территории (области, региона, республики). В связи с этим мы предлагаем свою методику оценки экономической безопасности региона.

В основу методики положен подход, согласно которому анализ состояния экономической безопасности в регионе следует проводить в двух аспектах:

- диагностика состояния региона, анализ глубины процессов деградации структуры хозяйства и инертность их динамики, выявление реальных и потенциальных угроз экономической безопасности региона;
- оценка внутреннего потенциала региона, предпосылки, и возможности предотвращения реализации угроз, преодоления кризисных явлений и депрессивных состояний за счет внутренних резервов, поиск эффективных импульсов и «точек роста».

Конечной целью методики является разработка и обоснование программно-целевых мероприятий по обеспечению экономической безопасности территориального образования.

Объектом исследования является территориальное образование, представляющее собой совокупность различных элементов, таких как природно-ресурсная система, производственно-хозяйственный комплекс, внешнеэкономические связи региона, сфера организованного потребления и отношения социальной справедливости и другие.

Методика базируется на следующих принципах:

- 1) комплексности, т.е. необходимости анализа всех сторон объекта исследования (экономической, социальной, политической, научно-технической и других составляющих);
- 2) системности, т.е. логической последовательности этапов и действий, определенной структуре и иерархии элементов; выявлении и учете максимального количества причинно-следственных связей, обусловленных как внутренними так и внешними факторами; рассмотрении объекта исследования как элемента экономического пространства более высокого уровня;
- 3) доступности, т.е. использовании показателей, поддающихся расчетам и совместимых с действующей в стране системой учета, статистики и прогнозирования;

4) оперативности, т.е. возможности быстрого отслеживания меняющейся ситуации;

5) вариантности, т.е. выявлении и обосновании нескольких сценариев развития ситуации альтернатив решения проблемы;

6) примата соблюдения принципов федерализма при формировании и реализации стратегии обеспечения экономической безопасности территории;

Алгоритм оценки состояния экономической безопасности состоит из следующих этапов.

Первый этап. *Критериальная оценка экономической безопасности региона.* На данном этапе осуществляется оценка состояния экономики региона с точки зрения важнейших процессов, отражающих сущность экономической безопасности. Критериальная оценка позволяет оценить те угрозы экономической безопасности, которые невозможно или весьма затруднительно отследить посредством количественных показателей и индикаторов. Критериальная оценка экономической безопасности включает в себя оценки: геополитического и геоэкономического положения региона; ресурсного потенциала и его развития; конкурентоспособности экономики; уровня эффективности использования ресурсов; менталитет этноса, живущего на этой территории; устойчивость финансовой системы; госконтроль над стратегическими ресурсами; сохранение экономического единства в регионе; стабильность социально-политической ситуации, оценка уровня управленческой деятельности администрации области; уровень компетентности предпринимательского корпуса; характеристика оппозиции; тенденции в экономической политике исполнительной власти региона; отношения ветвей власти к зарубежным капиталам; риск национализации капитала и возможные варианты ее компенсации; уровень коррумпированности руководителей; степень государственного вмешательства в экономику региона; удельный вес различных форм собственности и некоторые другие.

Следует отметить, что система критериев может и должна варьироваться в зависимости от особенностей региона и текущей ситуации. Конечная цель критериальной оценки – выявление и ранжирование угроз экономической безопасности.

Для более объективной оценки представляется целесообразным использовать метод экспертной оценки. Эксперт каждому из предложенных критериев присваивает балл, характеризующий степень угрозы данного фактора для экономической безопасности, и вес, отражающий значимость данного фактора. Оптимальное количество экспертов, степень колебания дисперсии ответов, обобщенное мнение экспертов определяется при помощи методов статистического анализа.

Второй этап. *Сравнительная оценка состояния экономической безопасности региона.* Сравнительная оценка представляет собой сопоставление ситуации в исследуемом регионе и других регионах страны, в первую очередь в регионах одного и того же экономического района или регионах, имеющих какие-либо схожие особенности (географическое положение, юридический статус и т.д.), а также в среднем по России. Сравнительную оценку региона целесообразно проводить на основе информационно-аналитического материала, публикуемого в

различных научных и справочных изданиях. Кроме периодических изданий, данная информация распространяется через Интернет, что облегчает доступ к оперативной информации. Сравнительная оценка позволяет увидеть специфические особенности конкретного региона, дифференцировать внутрирегиональные и общедофедеральные факторы, детерминирующие состояние экономической безопасности.

Третий этап. *Мониторинг индикаторов экономической безопасности.* Наиболее значимый этап в процессе диагностики, поскольку на данном этапе состояние экономической безопасности описывается посредством количественных величин и рассматривается в динамике. Оценивается состояние экономической безопасности региона, степень кризиса, в том числе по сферам жизнедеятельности и отдельным показателям.

Существует несколько подходов к построению индикаторных систем мониторинга состояния экономической безопасности. Мы являемся сторонниками многомерного подхода, который заключается в следующем: для осуществления мониторинга факторов, детерминирующих состояние экономической безопасности региона, используется индикаторная система «порогов», включающая в себя соотношение предельных и фактических значений основных социально-экономических показателей. Она позволяет оценить состояние экономической безопасности региона в целом, объективно ранжировать угрозы по степени их значимости на текущий момент (те угрозы, которые имеют количественное выражение). Для проведения более конкретного анализа причин возникновения и путей устранения конкретной угрозы можно прибегнуть к расширенной системе показателей в интересующей сфере.

В этой связи предлагается двухступенчатая система индикаторов.

Первую группу составляют количественные индикаторы, позволяющие: оценить состояние экономической безопасности в целом по основным макроэкономическим показателям; оценить состояние экономической безопасности по сферам жизнедеятельности или элементам экономической системы региона; оценить состояние каждого показателя; определить основные угрозы экономической безопасности региона и ранжировать их по степени значимости; определить степень влияния регионального и федерального факторов на конкретный показатель.

Вторую группу составляют аналитико-информационные показатели, позволяющие:

- 1) более детально описать ситуацию в конкретном секторе экономики или сфере деятельности;
- 2) выявить основополагающие факторы и тенденции, формирующие либо оказывающие значительное влияние на основные макроэкономические показатели;
- 3) отслеживать развитие ситуации в различных областях жизнедеятельности региона и отраслях экономики с целью оперативного прогнозирования развития ситуации.

Первая группа показателей. Данная система индикаторов является основой для организации мониторинга. Авторы осознанно не пошли по пути увеличения

количества индикаторов, дабы не размывать фоновую картину и не утяжелять ее в обработке. Данная система может применяться для оценки экономической безопасности любого региона. Особенности региона отражаются во тором блоке системы, представленной аналитико-информационными показателями. Для данной группы показателей нами разработаны пороговые значения и значения состояния «тревоги», которые представляют собой верхний предел «зоны поражения» и позволяют заблаговременно прогнозировать ухудшение ситуации.

Вторая группа – информационно-аналитические показатели. Обширная группа показателей, состав которых в системе мониторинга экономической безопасности может меняться в зависимости от ситуации, которая, в свою очередь, может быть определена состоянием базовых показателей, целей ситуационного анализа или исследования.

1-я подгруппа. Базовые показатели, раскрывающие и уточняющие основные показатели.

2-я подгруппа. Частные показатели, характеризующие ситуацию в узких секторах (элементах) экономической системы региона, но которые в конкретный момент времени оказывают значительное влияние на экономическую безопасность региона. Фактически это показатели жизнедеятельности «элементов» экономической системы, пропущенные через призму экономической безопасности. Под «элементами» экономической системы понимается отрасль промышленности или экономики, регионообразующее предприятие, товарный рынок и т.п.

3-я подгруппа показателей – показатели, раскрывающие критериальные оценки экономической безопасности региона.

Четвертый этап. *Выявление тенденций по основным индикатором.* На данном этапе осуществляется анализ тенденций, прогнозируется развитие ситуации. Более пристальное внимание уделяется индикаторам, имеющим наихудшие значения или больший вес в текущий момент времени. Экономическая система региона оценивается с точки зрения устойчивости и способности к развитию. Обрабатываются и обобщаются данные, полученные в результате проведения мониторинга.

Пятый этап. *Констатация, классификация и ранжирование угроз экономической безопасности региона.* Осуществляется систематизация, обобщение и анализ информации, полученной на предыдущих этапах. Проведение вышеописанных мероприятий позволяет выявить и ранжировать по степени значимости угрозы экономической безопасности, имеющие как количественное, так и качественное выражение.

Представляется важным не только констатировать угрозы, но и описать их, т.е. классифицировать и определить основополагающие причины и факторы, их определяющие.

Мы полагаем целесообразным классифицировать угрозы по следующим признакам:

- по лагу реализации угрозы (текущие, реализующиеся в настоящее время; краткосрочные, реализация которых ожидается в течение ближайшего года; среднесрочные, которые могут реализоваться через 1-5 лет; долгосрочные, реализация которых ожидается через 5 лет и более.)

- по сферам жизнедеятельности (угрозы, зарождающиеся в социальной, финансовой, политической, экономической и других сферах);
- по природе возникновения (внешние, внутренние);
- по доминированию регионального или федерального фактора в формировании угроз (общефедеральные либо специфически региональные);
- по возможности предотвращения (предотвратимые, неотвратимые, частично предотвратимые).

Анализ и выявление причин, породивших угрозу. На данном этапе просчитываются сценарии реализации угроз.

Шестой этап. *Ситуационный анализ*. Более подробно анализируется положение дел по сферам жизнедеятельности, в различных секторах экономики, отраслях промышленности, на конкретных предприятиях в текущий момент времени. Содержание и степень детализации данного этапа определяется целями и задачами исследования, а также логикой предыдущих его этапов.

Седьмой этап. *Выявление потенциала и «точек роста»*. На данном этапе производится оценка внутреннего потенциала региона; анализируются предпосылки и возможности предотвращения реализации угроз, преодоления кризисных явлений и депрессивных состояний за счет внутренних резервов. При помощи разнообразных инструментов анализа идет поиск эффективных импульсов и «точек роста», в роли которых могут оказаться потенциально конкурентоспособные отрасли, новые секторы экономики, градо- и районообразующие предприятия и др. Определяются стратегически важные объекты (отрасли экономики, предприятия и т.д.), обеспечение функционирования которых жизненно необходимо.

Основой обеспечения экономической безопасности региона является экономическая политика. Ряд ученых (М. Махотаева, М. Николаев, А. Илларионов и другие) закономерно полагают, что первым шагом в формировании региональной экономической политики является проведение структурного анализа экономики. Структурный анализ экономики дает возможность выявить депрессивные отрасли, реанимация которых экономически невыгодна, и потенциально конкурентоспособные отрасли. Это в свою очередь дает возможность достичь оптимума при распределении ограниченных ресурсов региона, способствовать устойчивости и развитию экономической системы. В связи с этим, на наш взгляд, является целесообразным на данном этапе воспользоваться одним из методов количественного анализа структурных изменений в региональной экономике (например, метод сдвигосоставляющих) для выявления «точек роста» и моделями динамического программирования для оптимизации распределения ограниченных финансовых ресурсов между всеми стратегически важными объектами экономической безопасности региона.

Восьмой этап. *Разработка и обоснование программно-целевых мероприятий по обеспечению экономической безопасности региона*. На данном этапе, при помощи количественных и качественных параметров описывается желаемое состояние экономической безопасности региона. Формируется концепция. Разрабатывается стратегия обеспечения экономической безопасности региона. Определяются ее основополагающие принципы и установки. Затем формируются программно-целевые мероприятия, направленные на нейтрализацию либо лока-

лизацию угроз, а также существующих кризисных очагов. Разрабатываются организационный и финансовый план реализации мероприятий, точнее сказать, механизм реализации стратегии, проект оптимальной инфраструктуры обеспечения экономической безопасности.

В.В. Кривошеев

(Калининградский юридический институт МВД России)

АНОМИЯ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЙ И ПРОЦЕССОВ

Вслед за Э. Дюркгеймом проблемы социальной дезорганизации такого состояния общества, в котором для значительной его части утрачена способность руководствоваться нормами и предписаниями, свойственными данному этапу развития социума, постоянно находятся в центре внимания социологии. То, что французский социолог определил как аномия, т.е. буквально безнормность, представляет особый интерес в условиях, во-первых, позднеиндустриальных обществ с их массовидным, нивелированным стандартом жизни, взаимодействий, обилием порой противоположных установок и ориентиров поведения. Во-вторых, аномия не менее значимое место занимает в исследованиях так называемых переходных, трансформирующихся обществ, характеризующихся кардинальными переменами ценностных ориентиров, крайней нестабильностью функционирования основных социальных институтов и что особенно интересно с точки зрения постижения, но опасно с точки зрения перспектив социума – разрывом связей между поколениями, атомизацией общества. В любом случае наблюдается то, что Т. Парсонс определил как ненадежное поведение.

Известно, что для Э. Дюркгейма аномия отражает временный упадок всей совокупности социальных связей, является своего рода результатом неполноты перехода от механической, принудительной к органической, самостоятельной, добровольной кооперации людей. А это является в свою очередь следствием разрыва между более высокими темпами прогрессирующего разделения труда и отстающими в своем развитии структурами сознания [1]. Уже Э. Дюркгейм заметил, что воспроизводящее условие аномии состоит в постоянном разрыве (причем периодически усугубляющемся) между потребностями, интересами и способностями, возможностями индивидов в их удовлетворении. Р. Мертон обратил внимание, что в современных условиях аномия возникает как следствие рассогласования официально декларируемых и одобряемых целей и недостаточно широкими возможностями, причем возможностями законными, которыми располагают индивиды по их достижению [2]. Эта дисгармония выражается в различных формах отклонения поведения от нормы.

Как мы видим, в любом определении дезорганизации аномии так или иначе содержится обращение к норме, к этому достаточно выразительному и в то же время трудно передаваемому понятию, многозначность трактовки которого на первый взгляд не позволяет выявить четкие, сущностные его признаки. Прежде всего обра-

тим внимание, что описательно понятие «норма», строго говоря, содержит множество смыслов, на что справедливо обращают внимание как социологи, так и криминологи, специалисты в области теории права, других отраслей знания. Так, Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин выделяют три значения понятия нормы, нормального поведения: нечто наиболее распространенное, типичное для данного класса явлений; то, что отвечает сложившимся в данной культуре/субкультуре ожиданиям; то, что предписано группой, обладающей властными полномочиями вне зависимости от степени распространения и общепризнанности данных поведенческих актов, поступков [3]. Н. Смелзер, обращая внимание на значительную размытость, неопределенность понятия «норма», связывает его с соответствием поступка социальным ожиданиям своей группы [4]. Иными словами, для него норма связана с оценочными суждениями тех, кто реагирует на то или иное действие. Е.Э. Смирнова, В.Ф. Курлов, М.Д. Матюшкина предлагают следующую типологизацию норм. Во-первых, это норма-идеал, выступающая как своего рода эталон, образец в различных областях жизнедеятельности общества. Во-вторых, норма-правило, или традиция. Это сложившиеся в определенном социуме и воспроизводящиеся от поколения к поколению определенные поведенческие акты. В-третьих, профессиональная норма, то есть свод правил, свойственных определенному виду деятельности человека. В-четвертых, норма статистическая как выражение неких свойств, присущих большинству людей, явлений, событий [5].

С нашей точки зрения, действительно существуют определенные познавательные сложности в таком определении нормы, которое, с одной стороны, было бы исчерпывающим, удовлетворяющим требованиям полноты содержания, а с другой – содержало бы признаки, которые присущи сугубо этому понятию. По этому поводу мы придерживаемся следующей позиции, которая отражает нашу потребность дальнейшего рассмотрения криминальной деформации современного российского общества, а именно: социальная норма есть то внешнее, независимое от индивидуальных качеств, свойств поступка, суждения, результата деятельности, что делает эти поступки, суждения, результаты типичными. Это своего рода и границы деятельности, и рамки, определяющие принадлежность индивида к данной группе. Понятие социальной нормы шире, разумеется, чем понятие моральной или правовой нормы. В то же время, на наш взгляд, можно и должно говорить о позитивной социальной норме и норме негативной. Под позитивной нормой мы понимаем такую, которая служит повышению степени зрелости общества в целом, утверждению в нем нравственных начал, служит физическому и духовному здоровью людей. Соответственно негативная социальная норма делает общество патологическим, деградирующим. В обществе, где негативные нормы преобладают, складываются условия для дисфункций основных социальных институтов, разрушения основ существования социума. В этом смысле отклонение от нормы (девиация) – есть нарушение позитивной нормы/норм, вытеснение их негативными. Аномия, с нашей точки зрения, и есть процесс такого замещения социально позитивных норм негативными.

В этой связи представляется целесообразным остановиться на таком аспекте, как соотношение понятий аномия и криминализация. Наш подход к этому соотношению состоит в следующем.

Криминализация, по нашему мнению, это крайнее проявление аномии, характеризующееся необратимостью социальных процессов, сущностью которых выступает замещение права иными, внеправовыми средствами регуляции, полное размывание оценочно-моральных граней между социально одобряемым и асоциальным поведением.

Предложенное определение, на наш взгляд, нуждается в некоторых пояснениях. Во-первых, само определение не в состоянии включить все характеризующие признаки понятия, передающего содержание одного из сложнейших социальных феноменов. Во-вторых, предложенный вариант определения понятия «криминализация» передает социологический подход к этому процессу. Известно, к примеру, что в теории уголовного права под криминализацией понимается включение какого-либо вида действий, поступков людей в уголовно наказуемые. Криминологи чаще всего под криминализацией общества понимают лишь рост числа зафиксированных преступлений и количество выявленных лиц, их совершивших. Мы не отвергаем приемлемость такого анализа состояния общества. Более того, полагаем, что сам по себе масштаб девиантного поведения, пусть даже только зафиксированный, уже свидетельствует о существенной деформации общества.

В то же время, как представляется, социологическое видение криминализации позволяет более полно отразить реальные процессы в обществе, выявить сущностные характеристики социальной действительности, показать взаимообусловленность различных социальных феноменов, определить перспективы идущих в обществе изменений, по возможности дать представление о социальных технологиях, снимающих патологии.

Криминализация – есть процесс, который охватывает как поведенческую сферу, так и область сознания, все ментальные структуры. Порог недозванного, морально неприемлемого понижается до опасных пределов выживаемости социума, происходит полная дезориентация установок, ориентаций все больших масс людей.

В качестве элементов, слагаемых процесса криминализации мы предлагаем выделить следующие.

Во-первых, то, что относится к поведенческой сфере и свидетельствует о серьезных дисфункциональных отклонениях на всех уровнях социальной организации, от общества в целом до небольших территориальных и прочих социальных групп. Речь прежде всего идет об обвальном росте числа зарегистрированных преступлений. Если в среднем за год с 1985 по 1990 год в России фиксировалось 1356000 преступных деяний, то в среднем за год с 1990 по 1995 этот показатель составил 2444000, то есть рост составил 1,8 раза [6]. В то же время эксперты МВД полагают, что свыше 40 процентов пострадавших не сообщают о совершенных в отношении них криминальных действиях [7]. Исследования, проведенные социологическим фондом «Общественное мнение», подтверждают, что 58 процентов лиц, подвергшихся преступным акциям, не обращаются в правоохранительные органы [8]. В силу этого представляется вполне обоснованным утверждение, что реальный криминальный потенциал России составляет в настоящее время не менее 12 – 15 млн. преступлений в год [9]. Уже сами по себе эти данные и оценки свидетельствуют о глубокой патологии нашего общества, живущего в состоянии постоянно возрастающей, достигающей едва ли не поро-

гового значения преступности. Но количественные показатели, повторимся, далеко не главный и не единственный критерий криминального перерождения нашего общества.

Иным элементом криминализации мы полагаем и качественные изменения, присущие ныне преступности в России. Речь идет о беспрецедентном нарастании агрессивности, жестокости в ходе планирования и осуществления преступных акций, о появлении профессиональных убийц, таких видов преступлений (криминальные взрывы, терроризм, захват заложников), которые еще десять – пятнадцать лет назад либо не фиксировались в нашем обществе вовсе, либо отмечались как из ряда вон выходящие, уникальные явления. Сейчас же, к примеру, по данным генеральной прокуратуры, ежегодно совершается до 700 заказных убийств [10]. Только в 1996 году на территории страны зарегистрировано 823 факта хищения людей, 138 захватов заложников, почти 1 тыс. криминальных взрывов [11].

По сути, тотальным явлением стал у нас и рэкет, фиксировавшийся прежде в единичных случаях. По некоторым данным, преступные группы, иногда действующие под видом охранных фирм и предприятий, а порой и вовсе не мимикрирующие, изымают у предпринимателей и коммерсантов разного уровня до 20 процентов дохода [12]. Исследование, проведенное В. Радаевым в 1996 году, показало, что силовое вымогательство и угрозы отмечали как частое явление 26,2 процента респондентов из числа бизнесменов и как нередкое – 57,1 процента [13]

Одним из важнейших элементов криминализации нашего общества считаем мы все большую профессионализацию преступности и окончательное утверждение в стране в начале 90-х годов организованных, мафиеподобных ее форм. Криминалитет все более ориентируется на квалифицированные преступления, рассчитанные на принесение максимальной выгоды в кратчайшие сроки, демонстрируя при этом невиданные прежде цинизм, дерзость, изощренность в выборе средств достижения антисоциальных целей. В 1989 году, по данным известного специалиста в области организованной преступности А. Гурова, по всей территории СССР было разоблачено 1,3 тыс. организованных групп разной степени сплоченности и длительности существования, в 1990 году таковых оказалось уже 3,5 тыс. [14]. К середине 90-х годов только по России число преступных группировок выросло в 17 раз, при этом число криминальных групп, действующих от 1 до 5 лет увеличилось за тот же период в 20 раз [15]. Ныне преступные сообщества имеют устойчивые связи в сфере власти, аппарате управления как федерального, так и регионального уровней, контролируют хозяйствующие субъекты всех сфер собственности, кредитно-финансовые учреждения, выходят на межнациональные и международные контакты с аналогичными образованиями. В определенном смысле можно говорить не только о слиянии криминалитета и властных структур, но и о поглощении им этих структур.

Существенным элементом криминализации можно считать и значительный рост в стране девиантного поведения в наиболее опасных для общества формах. Речь идет прежде всего о существенном увеличении нарко- и токсикомании и о нынешнем распространении алкоголизма и пьянства. Не нужно, видимо, особо развернутых обоснований взаимообусловленности этих форм девиации и преступности, криминального поведения. С одной стороны, эксплуатация порочных

привязанностей (алкоголе- и наркозависимость, например) предопределяет устойчивый корыстный интерес дельцов теневой экономики и наркобизнеса, имеющих на этой эксплуатации невиданную норму прибыли. С другой стороны, наркомания, пристрастие к алкоголю снижают порог недозволенного поведения, уровень вменяемости и адекватного реагирования людьми как на свои действия, так и на поведенческие акты других лиц.

Либерализация внешних связей и контактов нашей страны, примитивизация социальной жизни на некоторых территориях бывшего СССР (страны Средней Азии, к примеру), разрушение прежних форм организации досуга, социализации молодежи, утверждение не столько рыночных отношений, сколько рыночной психологии, другие обстоятельства существенно изменили наркоситуацию в нашем обществе. Еще в 1993 году, по официальным данным, число лиц с диагнозом «наркомания» было в России чуть больше 39 тыс. (для сравнения, в 1989 году – около 24 тыс.) [16]. Совершенно очевидно, что эта статистика не отражает реального положения дел. Социологические исследования с разной степенью точности выявляют, что уже в середине 90-х годов число потребителей наркотиков составляло от полутора до 2 млн. человек [17]. По некоторым же сведениям, уже в 1994 году не менее 6 млн. человек в возрасте до 25 лет в той или иной мере были приобщены к наркотикам [18]. Как бы то ни было катастрофический рост числа зависимых от наркотических веществ существенно меняет ситуацию в обществе, делает все менее предсказуемым поведение значительного числа людей, все более опасно сказывается на духовном и физическом здоровье народов России.

Не меньшую угрозу в этом направлении представляет и ситуация с потреблением алкоголя. По данным Всемирной организации здравоохранения, потребление в среднечеловеческом измерении 8 литров абсолютного алкоголя (100-процентный спирт) в год представляет генетическую и иную опасность для социума. В России же, по некоторым оценкам, потребляется сейчас до 14-18 литров такого алкоголя на душу населения [19]. Деграция личностных структур все большего числа людей, рост количества врожденных патологий, которыми сопровождается алкоголизация нашего общества, предопределяют, в частности, апатичное отношение людей к наблюдающимся сбоям в поведении, падение уровня и без того низкой бытовой культуры, полную неразборчивость в выборе средств достижения целей, примитивизацию контактов и взаимодействий людей.

Важным аспектом криминализации является и формирование резерва преступного мира. Под этим мы понимаем выталкивание подростков, молодежи из социально-позитивных связей и взаимодействий, сужение поля нормальной социализации подрастающего поколения, более высокие темпы роста преступности несовершеннолетних в сравнении с общей преступностью. Подростки, молодежь оказались наиболее уязвимыми с точки зрения восприятия установок, ориентаций, даже стиля общения и поведения, свойственных частично легализовавшемуся к началу 90-х годов криминалитету. В силу этого наблюдается устойчивая тенденция нарастания и ужесточения антисоциальных действий несовершеннолетних. В настоящее время каждое десятое преступление совершается в России лицом, не достигшим 18-летнего возраста [20]. Анализ структуры преступлений, совершаемых представителями этой категории населения, свидетель-

ствует, во-первых, об определенной профессионализации, усложнении характера антисоциальных действий несовершеннолетних. Все большее число преступлений совершается и в смешанных группах, где молодые представители уголовной среды проходят своего рода криминальную подготовку. Во-вторых, преступность тех, кто не достиг совершеннолетия, эволюционирует в сторону все более жестоких ее форм. Число осужденных подростков, к примеру, за преступные действия, связанные с насилием, растет значительно быстрее, чем общее количество осужденных за подобные деяния [21]. Российское отделение международного молодежного фонда располагает и такими данными. В 1997 году только в Москве детьми в возрасте от 9 до 14 лет совершено с особой жестокостью около 100 убийств [22].

К этому следует добавить кризис современной российской семьи, рост числа детей, чье формирование происходит либо с одним родителем, либо без родителей вообще. Каждый пятый ребенок растет ныне вне семьи [23]. В России насчитывается сейчас как минимум 2 млн. беспризорников, кроме того, не менее 3 млн. детей, воспитывающихся в семьях, ведут антисоциальный образ жизни [24]. Не могут не вызывать тревоги и ориентации, установки современного подрастающего поколения. По данным В.Т. Лисовского, до трети респондентов из числа молодых людей не исключают для себя участие в криминальных группировках [25]. (Обратим внимание на подчеркнута открытую, прямую постановку вопроса о незаконной деятельности.) Исследования уральских социологов показали, что почти 40 процентов опрошенных из числа рабочей и учащейся молодежи допускают в принципе возможность лично совершить правонарушение [26]. 37 процентов опрошенных школьников Екатеринбурга считают, что человека можно убить, если он мешает жить другим и является тираном [27].

Совершенно очевидно, что ущербная, неполная социализация подрастающего поколения, вынужденного формироваться в момент резкой смены ценностных парадигм, не столько воспринимая опыт старших, сколько противостоя ему, отрицая прежние установки и ориентиры, закладывает потенциал и будущей криминальности нашего общества, является зримым проявлением криминальной деформации современного российского социума.

Имея в виду, что выделение поведенческих элементов криминализации, отделение их от ментальных является достаточно условным, осуществляемым лишь на уровне анализа сложнейшего социального процесса, мы в то же время полагаем целесообразным отдельно остановиться на таких слагаемых криминальной деформации общества, которые относятся к духовной ее сфере, выражаются в различных явлениях, свойственных массовому сознанию.

Одним из конкретных проявлений криминального перерождения общества выступает, по нашему мнению, элиминация права как идеи, ценности, а не только как реализуемого через закон механизма регуляции отношений и согласования интересов. Прежнее массовое представление о праве в нашем обществе как о чем-то внешне данном, необязательном и даже обременительном в настоящее время претерпевает еще более негативные изменения. Все в большей мере утверждается воззрение на право как на лишнюю, вредоносную данность, условность, мешающую отстаивать собственные интересы. Правовой не столько негативизм, сколько

откровенный нигилизм выражает процессы, свойственные ныне не только массовому, обыденному, но и профессиональному, специализированному сознанию. Утилитарное, своекорыстное отношение к праву, подход к нему лишь как к инструменту решения собственных интересов и проблем вытесняет всякое иное его видение. При этом требование законности, ее самоценность, как ни парадоксально это покажется, в иерархии предпочтений занимает лидирующее положение. В то же время до двух третей респондентов отмечают в окружающих рост пессимизма, озлобленности, иных негативно-эмоциональных состояний и настроений [28]. Мы соотносим эти антиномичные на первый взгляд суждения по следующим основаниям. Право становится все более индивидуально воспринимаемым и понимаемым понятием, феноменом. Законно, с точки зрения растущего числа индивидов, только то, что в состоянии удовлетворить личные потребности, в том числе потребность в безопасности. Вот так понимаемая законность действительно занимает первое место в ряду предпочтений и ориентаций. Органичное единство частных, групповых и общественных интересов, которое и прежде выступало в качестве достаточно идеализированной констатации, ныне выглядит окончательно утратившим целостность. Право в нынешнем извращенном восприятии замещает в массовом сознании такое представление о социальном порядке, согласовании целей, интересов, способов их достижения в рамках установленных норм, процедур, правил, которые в равной мере служили бы всем, подчиняли себе все взаимодействия, независимо от материального и иного статусного положения участвующих в них сторон. Опасность такого завершившегося в нашем обществе пересмотра роли, места, функций права вполне очевидна.

Разрывается связь между стабильной правовой социализацией личности и позитивно ориентированным ее поведением. Правовая культура, как общественная, так и присущая личности, в нашем обществе продолжает снижаться, основными ее слагаемыми в настоящее время является отрицание права как условия интеграции социума, важной ценности. Естественно, это и выступает в качестве весьма существенного элемента криминального перерождения российского общества.

Еще одним слагаемым криминализации в сфере ментальности, сознания является, на наш взгляд, все более полное утверждение в нашем обществе рыночной психологии в ее наиболее циничной форме. Речь идет о том, что рынок, рыночный механизм регулирования хозяйственной деятельностью воспринимаются в нашем обществе крайне примитивно, односторонне. Сползание к ценностям более низкого порядка (выживание, поддержание элементарного уровня существования и т.п.), атомизация в силу этого потребностей и интересов людей сопровождается попыткой продвижения в массовое сознание новых идеологем, а именно крайне прагматичных, утилитарных – прокормиться, заработать, удержать достигнутый стандарт жизни. Такая поверхностная идеология в сочетании с представлениями о рынке как о состоянии общества, в котором все продается, порождает едва прикрываемый цинизм, эгоизм связей и взаимодействий, что само по себе снимает вопрос о различении одобряемого и социально запретного поведения. Понятие «норма» окончательно утрачивает рамочные отграничения от патологии.

Аномия тем самым достигает запредельных значений. Это и есть, по нашему мнению, криминальная деформация или криминализация всей совокупности со-

циальных отношений. По сути, речь идет об эволюции общества к некоему новому состоянию, условно именуемому нами как преступное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1968. С. 42-43.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М., 1968. С. 302.
3. Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. С. 39-40
4. Смелзер Н. Социология / Пер с англ. М., 1994. С. 198-201.
5. Смирнова Е.Э., Курлов В.Ф., Матюшкина М.Д. Социальная норма и возможности ее измерения // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 97-98.
6. Рассчитано автором по источникам: Преступность и правонарушения: Ежегодный стат. сб. М., 1994. С. 17; Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 94-95.
7. Преступность и правонарушения: Ежегодный стат. сб. М., 1994. С. 6.
8. Калининградская правда. 1997. 26 августа.
9. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994. С. 21.
10. Комсомольская правда. 1997. 8 июля.
11. Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД России. 1997. № 2. С. 24.
12. Рачков Б. Берегите предпринимателей! // Экономика и жизнь. 1995. № 30.
13. Экономика и жизнь. 1996. № 7.
14. Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995. С. 30.
15. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 306.
16. Преступность и правонарушения: Ежегодный стат. сб. М., 1994. С. 136.
17. Колесников В.И., Сергеев П.Н. Незаконный оборот наркотиков в России // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД РФ. 1997. № 3. С. 22.
18. Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Наркотизация молодежи в России – шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 65.
19. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 537.
20. Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД РФ. 1997. № 2. С. 26.
21. Там же. С. 24-26.
22. Век. 1998. №47.
23. Слуцкий Е.Г. Беспризорность в России: вновь грозная реальность // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 120.
24. Ковалева Т.Е., Степанова О.К. Подростки смутного времени (К проблеме социализации старшеклассников) // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 58.
25. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 103.
26. Попов В.Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 77.

27. Мошкин Н.И., Руденко В.Н. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. 1994. №11. С. 85.

28. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. №5. С. 7.

Л.А. Воловик

(Калининградский государственный университет)

А. Хараламбиду

(Афинский государственный университет)

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗАХ

Совместная работа преподавателей КГУ с коллегами из Афинского государственного университета по совершенствованию учебного процесса проводится в рамках программы «TASIS – Kalimost». Выявлены общие подходы к организации учебного процесса, содержанию учебных планов, методике преподавания экономических дисциплин.

Вместе с тем при одинаковой логической последовательности чтения базовых теоретических дисциплин – введения в экономическую теорию, микроэкономики и макроэкономики – в Афинском госуниверситете изучение этих программ основано на методе «погружения». Так, микроэкономика читается на двух семестрах 1-го и 2-го курса, макроэкономика – на 2-м и 3-м курсах. При этом «микроэкономика-2» и «макроэкономика-2» представляют собой повторное, но более глубокое и подробное изучение основных вопросов дисциплин. Кроме того, афинские коллеги предлагают включение в учебный план студентов последнего года обучения дисциплины «Macroeconomics for Managers», название которой переведено на русский язык как «Управленческая экономика».

Целью введения такой дисциплины является, по мнению наших коллег, закрепление теоретических знаний базовых дисциплин и навыков принятия управленческих решений в зависимости от ситуации на микро- и макроуровне.

Ознакомление с содержанием предлагаемой дисциплины позволяет сделать вывод, что она представляет собой синтез базовых теоретических дисциплин – введения в экономическую теорию, микроэкономики и макроэкономики – и основной управленческой дисциплины – менеджмента.

Общее содержание дисциплины «Macroeconomics for Managers» можно представить в виде трех блоков. В первом рассматриваются такие вопросы, как сфера применения «управленческой экономики», роль менеджеров в малых и больших компаниях, управленческие решения в контексте макро и микро.

Следующий блок вопросов включает экономику фирмы и распределение ресурсов, а также принятие управленческих решений. Так, в первой теме этого блока рассматриваются вопросы ценообразования, спроса и предложения, рыночного равновесия и сравнительной статистики. Во второй – потребности и

управленческие решения, потребность и эластичность, прогнозирование потребности.

Предлагаемое содержание следующих двух тем.

1. Производство и стоимость, производственные функции и оптимальная комбинация результатов, эффект масштаба, краткосрочный и долгосрочный периоды, стоимости – фиксированные и меняющиеся, эмпирическая оценка производства, функция стоимости, цена и управленческие решения в различных рыночных структурах.

2. Чистое соревнование и максимизация прибыли. Монополия и максимизация прибыли. Нечистое соревнование и стратегическое управления.

Завершают второй блок программы две темы, где предлагаются следующие вопросы.

1. Рыночная власть и фирменное поведение. Распределение собственности, контроль, потенциальные конфликты между владельцами и менеджерами. Принятие управленческих решений.

2. Решение по инвестициям для фирмы и экономики в целом. Принятие индивидуальных решений и ошибочность их построения. Инвестиционный и бизнес-круг. Роль совокупных инвестиций в функционировании экономики.

Третий блок программы включает семь тем по вопросам макроэкономики и менеджмента. В первой теме предлагается: общее функционирование экономики, совокупная потребность и совокупный спрос, национальный доход, инвестиции, потребление и «парадокс экономичности».

В следующих двух темах предлагаются к рассмотрению вопросы финансовой политики и ее влияние на принятие управленческих решений, вопросы денежной политики государства и принятия управленческих решений в условиях этой политики.

В отдельной теме рассматриваются вопросы определения и структуры процентных ставок и их влияние на принятие управленческих решений.

Содержание двух следующих тем связано с вопросами инфляции и безработицы. Рассматриваются проблемы, возникающие в условиях инфляции и безработицы по принятию управленческих решений, а также политика государства по снижению уровня инфляции и безработицы.

Завершает содержание курса тема по международной экономике, включающая вопросы платежного баланса, международных платежей и их влияние на местные доходы, торговой политики, торговых барьеров и законодательства в области международной торговли.

Представляется, что такой подход к методике изучения экономической теории и менеджмента заслуживает внимания и обсуждения. Будущие менеджеры в конце обучения имеют возможность еще раз рассмотреть основные вопросы, влияющие на микросреду фирмы и на принятие управленческих решений. Для повышения эффективности обучения целесообразно уделить большое внимание использованию активных методов: дискуссий, конференций, анализа ситуаций, деловых игр с использованием различных вариантов принятия управленческих решений. Такой подход требует предварительной подготовки учебно-методического материала, в том числе по ведению практических занятий. Инте-

ресным представляется вопрос технологии ведения лекционных занятий, так как их содержание представляет сочетание теоретических и практических вопросов экономических и управленческих дисциплин.

Учитывая, что на лекционные занятия планируется 32 часа, на практические занятия следует отвести от 32 до 64 часов и предусмотреть объем часов на самостоятельную работу студентов. По такому принципу строятся модели изучения некоторых дисциплин прикладного характера в ряде зарубежных учебных заведений. В частности, Высшей коммерческой школе г. Гренобля (ESC-G, Франция) курс по изучению эффективных методов продажи товара основан на относительно небольшом количестве лекционных часов и большом объеме практической (аудиторной) и самостоятельной работы студентов. По окончании изучения курса проводится деловая игра, которая записывается на видеокассету. Затем, в ходе просмотра видеозаписи игры студенты могут еще раз проверить логику своих рассуждений, проанализировать ошибки и оценить свои управленческие решения. Такой подход к организации учебного процесса по прикладной дисциплине представляется весьма полезным, требует большой организационной и технической подготовки.

Следует отметить, что в Высшей коммерческой школе г. Гренобля большое внимание уделяется решению реальных практических задач, предлагаемых студентам фирмами. В то же время в государственном университете г. Гренобля (Espace Europe / UPMF) большое внимание уделяется изучению теоретических вопросов с использованием метода «погружения», когда повторно изучаются основные вопросы теоретического курса. Аналогичная технология преподавания экономической теории используется также в Университете «Old Dominion» (г. Норфолк, США), хотя организация учебного процесса в каждом из этих вузов имеет свои особенности.

Сравнительный анализ организации учебных процессов в ряде высших учебных заведений – Калининградском и Афинском государственных университетах, госуниверситете и Высшей коммерческой школе г. Гренобля позволил сделать вывод, что организация учебного процесса подготовки менеджеров КГУ в целом соответствует принятой в зарубежных вузах практике.

Для дальнейшего совершенствования учебного процесса на экономическом факультете КГУ предлагается:

- 1) расширение практики использования активных методов обучения;
- 2) формирование групп численностью от 15 до 20 человек для ведения практических занятий;
- 3) оборудование аудиторий необходимыми техническими средствами;
- 4) заключение договоров с предприятиями по исследовательской работе студентов;
- 5) создание банка данных по предприятиям региона.

Необходимо отметить, что использование активных методов наиболее эффективно при изучении управленческих дисциплин, таких как «Управление внешнеэкономической деятельностью», «Организация и техника внешнеэкономических операций», «Управление рекламной деятельностью» и других, когда рассматриваются вопросы, требующие принятия управленческих решений.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бильчак В.С., Пурыжова Л.В.</i> Новые направления в исследованиях экономической активности человека	3
<i>Федоров Г.М., Хлопецкий А.П.</i> Стратегия развития «Региона сотрудничества» (концептуальный подход)	7
<i>Хараламбиду А.</i> Европейский экономический валютный союз – необратимая реальность, надежды, скептицизм	18
<i>Кузнецова И.С.</i> Место морали в рыночной экономике	24
<i>Шеховцева Л.С.</i> Формирование конкурентоспособности региона	27
<i>Чаплыгин А.А.</i> Теории конфликта и ситуация в современных производственных коллективах	31
<i>Терентьев А.И., Дорожнова Г.Н.</i> Сезонные волны валового регионального продукта Особой экономической зоны	42
<i>Хлебников Г.И.</i> Методологические подходы к рациональному использованию земли города	48
<i>Дементьев И.Н.</i> Роль инвестиционного портфеля в мобилизации денежных ресурсов	54
<i>Бородавкина Н.Ю., Пригода В.А.</i> Приграничные регионы в процессе внешнеэкономической деятельности	59
<i>Шандаевский В.В.</i> Возможности финансово-промышленных групп в реструктуризации машиностроительных предприятий Калининградской области	66
<i>Фургал М.</i> Направления изменений в секторе малых и средних предприятий в Варминско-Мазурском воеводстве	70
<i>Мустафаева И.Д.</i> Некоторые аспекты антиинституционального поведения хозяйствующих субъектов в трансформирующемся обществе	76
<i>Шулькина Т.М.</i> Основные положения комплексной методики оценки состояния экономической безопасности региона	81
<i>Кривошеев В.В.</i> Аномия и криминализация: специфика понятий и процессов	86
<i>Воловик Л.А., Хараламбиду А.</i> Об опыте преподавания экономических дисциплин в зарубежных вузах	94

Научное издание

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МОТИВАЦИОННОГО
МЕХАНИЗМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Межвузовский сборник научных трудов

Редактор Н.Н. Мартынюк

Оригинал-макет подготовлен И.А. Хрустальевым

Лицензия № 020345 от 14.01.1997 г. Подписано в печать 17.12.2000 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Гаймс». Ризограф. Усл. печ. л. 6,1. Уч.-изд. л. 6,7.

Тираж 300 экз. Заказ .

Калининградский государственный университет

236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14